

О.Ф. Русакова
В.М. Русаков

**ТРАВЕЛОГ:
ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ
АНАЛИЗ**

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ
DISCOURSE-P
Дискурс*Пи
Екатеринбург – 2021

**ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ И ПРАВА
УРАЛЬСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

**УРАЛЬСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ПЕРВОГО ПРЕЗИДЕНТА РОССИИ Б.Н. ЕЛЬЦИНА
УРАЛЬСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ ИНСТИТУТ**

**О.Ф. Русакова
В.М. Русаков**

**ТРАВЕЛОГ:
ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ
АНАЛИЗ**

**Екатеринбург
2021**

УДК 303.01+008
ББК 60.02
P88

Рецензенты:

доктор политических наук А. А. Керимов
(УрФУ, Екатеринбург),

доктор политических наук И. Б. Фан
(Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург)

Русакова О. Ф., Русаков В. М.
P88 **Травелог: Теоретико-методологический анализ**
/ О. Ф. Русакова, В. М. Русаков. – Екатеринбург:
Издательский Дом «Дискурс-Пи», 2021. – 266 с.
ISBN 978-5-98728-049-2

Монография посвящена исследованию новой и пока еще малоизученной научной проблемы – сущности, структурным компонентам и формам репрезентации травелога. Впервые предпринимается попытка комплексного концептуального осмысления данного феномена. Травелог рассматривается в качестве сложноструктурированного образования, которое исследуется посредством анализа целого ряда архетипов и концептов. Травелог определяется как креативно-практическая деятельность субъекта или актора, направленная на организацию и проведение работ по сбору, изучению и репрезентации новых данных об объектах действительности. В своем исследовании авторы используют методологию дискурс-анализа, которая позволяет выделить разнообразные аспекты существования и функционирования травелога, провести изучение его разнообразных видов и жанров.

Работа адресована специалистам в области современной методологии дискурс-анализа, философских и лингвокультурологических исследований, а также может быть полезна и интересна всем, кто неравнодушен к литературе путешествий.

УДК 303.01+008
ББК 60.02

ISBN 978-5-98728-049-2 © Институт философии и права УрО РАН, 2021
© Уральский федеральный университет, 2021
© Русакова О. Ф., Русаков В. М., 2021
© Издательский Дом «Дискурс-Пи», 2021

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
Травелог как предмет исследования.....	9
Развитие жанров травелога.....	11
Цели и задачи исследования	18
Методология исследования.....	19
ГЛАВА 1. ТРАВЕЛОГ – ОТ АРХЕТИПА К КОНЦЕПТУ	
1.1. Трактовки понятия «травелог» в современной литературе	23
1.2. Концептуальная структура травелога: диахронный аспект.....	43
1.3. Концептуальная структура травелога: синхронический аспект.....	58
1.4. Хронотоп как измерение травелога.....	76
ГЛАВА 2. ДИСКУРС-АНАЛИЗ ТРАВЕЛОГА	
2.1. Понятие «дискурс травелога».....	104
2.2. Семиотический аспект дискурса травелога	110
2.3. Перформативный аспект дискурса травелога	118
2.4. Кратологический и аксиологический аспекты дискурса травелога	130
2.5. Институциональный аспект дискурса травелога.....	138

ГЛАВА 3. МНОГООБРАЗИЕ ВИДОВ И ЖАНРОВ ТРАВЕЛОГА

3.1. Архаические виды и жанры травелога	150
3.1.1. Миф и травелог	150
3.1.2. Травелог в волшебной сказке	158
3.2. Современные виды и жанры травелога	161
3.2.1. Травелог в литературе приключений	162
3.2.2. Мемуары как травелог	167
3.3. Политический травелог	177
3.4. Военный травелог	188
3.5. Научный травелог	197
3.6. Антропоцентрический травелог	206
3.7. Художественный и фотодокументальный травелог	225
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	240
БИБЛИОГРАФИЯ	244
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	264

ВВЕДЕНИЕ

Мобильный, перформативный, лингвокультурологический повороты в современном гуманитарном знании дали богатый материал для философско-методологических исследований, породив множество новых концептов и парадигм. К числу междисциплинарных концептов, вызывающий пристальный и небезосновательный интерес у научной общественности, относится концепт травелога.

Сегодня можно констатировать, что научные представления о самом понятии «травелог» достаточно продвинулись в плане их предметной конкретизации и концептуализации, однако, глядя на существующие трактовки данного концепта, мы считаем, что пока еще рано говорить об относительно полном выявлении и раскрытии его основных структурных компонентов, а также – способов их жанровой репрезентации.

Даже самый беглый обзор видов и жанров травелога свидетельствует о чрезвычайном их многообразии. Ведь это – и описания реальных и мнимых (вымышленных) путешествий, и представления о всевозможных путях и путниках, о странствиях мифологических героев в поисках подвигов и приключений. К травелогам относятся также различные странствия души в поисках жизненных смыслов и ценностей. Нарратив травелога включает и сухие отчеты научных экспедиций, и теоретико-методологические изыскания в процессе разрешения философских и политических проблем, и составление методик проведения школьного урока, и наставления по подготовке публичной речи. Наконец, век нынешний рождает такой вид травелога как «travel-blog».

Что-то в травелогах всегда притягивало и продолжает притягивать внимание читателей – будь то рассказы «бывалых людей», записки путешественников или даже субъективные заметки современных travel-блогеров, в которых явно чувствуется нечто похожее на «призрак рынка» (Ф. Бэкон) в виде жажды новых подписчиков и «лайков». И это непонятное, на первый взгляд, «что-то», проистекает из глубинного человеческого стремления к открытию и освоению ранее невиданного, странного, и потому крайне соблазнительного и желанного.

Нельзя не заметить, что жанр травелога – весьма древнее изобретение человечества. В самом деле, сказания и мифы народов мира (от Библии до «Махабхараты» и «Рамаяны», от «Калевалы» до «Манаса», «Песнь о Нибелунгах» и т.д.) суть не что иное, как богатый строительный материал для конструирования концепта травелога.

Травелог включает в свою структуру, во-первых, фигуру Путника (например, праведника Еноха, сподобившегося в результате чудесного вознесения увидеть мир горний, или Моисея, сорок лет водившего евреев по синайской пустыне и прочих подобных персонажей); во-вторых, – идею Пути (реального или мнимого, праведного или несправедливого, результативного для достижения цели или бессмысленного); в-третьих, – представление о скитании (мимолетного или длиною в целую жизнь); в-четвертых, – понятие Подвига или Приключения – т.е. некоего деяния, раскрывающего свойства Путника и Пути, а также формирующего, по меньшей мере, их содержание. Праведники обретают святость, герои проявляют свои ранее скрытые чудесные свойства, а Путь демонстрирует свойства «оселка», на котором оттачиваются все эти качества.

Континент «Литература путешествий» – поистине необозрим. Его изначальные границы упираются в архетипические глубины мифов, проговариваемые в младенческую пору человечества в многообразных вариантах древних эпических повествований о приключениях и подвигах героев, свершенных ими в процессе путешествий и странствий. Стало привычным выводить происхождение древнейших нарративов о странствиях и приключениях из самих условий жизни первобытных людей¹. Действительно, практически во всех мифах и преданиях народов мира мы находим сказания о путешествиях и подвигах героев.

Поражает воображение и разнообразие видов травелога – сказания, легенды, исторические хроники, летописи походов и завоеваний, отчеты экспедиций, путевые письма, заметки, рассказы, дневники, путеводители и справочники, карты-схемы, морские лоции, фантастические путешествия и романы, исповеди, повествования о странствиях

¹ On Travelogues / Old World Wandering. URL: <http://www.oldworldwandering.com/on-the-travelogue>.

души (травелоги души²), фото-кино-документы о путешествиях, трэвел-блоги и др.

Изучение особенностей маршрутов и локаций травелога, многообразных продуктов его литературных и мультимедийных репрезентаций, а также осуществление анализа произведенных ими эффектов (подразумеваются трансформации в массовых воззрениях на мир, возникшие под влиянием открытий, сделанных в ходе травелогов), позволяет говорить о многослойности концептуально-категориальной структуры травелога и многомерном характере его методологических исследований. И здесь важно вспомнить о том значительном исследовательском инструментарии, связанном с трудами выдающихся отечественных ученых³, которые существенно обогатили теорию и методологию изучения современных категорий и концептов.

В философских и лингвокультурологических исследованиях в научный оборот вводится понятие концепта, под которым подразумевается сложноструктурированная и многослойная система смыслов и интерпретаций определенного явления культуры⁴.

² Носкова В.Б. Травелог души в лирике Ли Бо // Дискурс травелога. Сборник статей / авт. – сост.: О.Ф. Русакова, В.М. Русаков. Екатеринбург: ИМС: Издательский дом «Дискурс-Пи»: Уральский финансово-юридический институт, 2009. С. 110–119.

³ Аскольдов С.А. Концепт и слово // Русская словесность: От теории словесности к структуре текста: Антология / под общ. ред. В.П. Нерознака. М.: Academia, 1997. С. 267–279; Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка. URL: https://www.lihachev.ru/pic/site/files/fulltext/ocherk_po_philos/13.pdf.

⁴ Степанов Ю.С. Концепт // Константы: Словарь русской культуры: Изд. 3-е, испр. и доп. М.: Академический проект, 2004. С. 42–83; Воркачев С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. 2001. № 1. С. 64–72; Карасик В.И., Слышкин Г.Г. Лингвокультурный концепт как единица исследования // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: сб. науч. тр. / под ред. И.А. Стернина. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 2001. С. 75–80; Карасик В.И. Языковый круг: личность, концепты, дискурс. Москва: Гнозис, 2004. С. 107–139; Прохоров Ю.Е. В поисках концепта / Ю.Е. Прохоров. 2-е изд. М.: Флинта: Наука, 2009. 176 с.

Понятие «травелог» как обозначение многопланового социокультурного феномена, связанного с различного рода практиками, вполне можно рассматривать как концепт. Об этом говорит его сложная структура, разнообразие рациональных, чувственно-образных и деятельностных форм его воплощения, способов репрезентаций в мире культуры.

В концептуальное ядро травелога входят такие ключевые понятия как Путь, Путник, Путешествие, Приключение (Подвиг), Испытание, содержание которых раскрывается посредством следующих взаимосвязанных с ними понятий – Гость, Гостеприимство, Странник, Беглец, Начало, Исход, Врата и др.

Взгляд на травелог как на социокультурный дискурс, который служит для обозначения, интерпретаций и репрезентаций явлений, относящихся как к онтологическому, так и к эпистемологическому (мысле-образному) бытию, предполагает возможность рассмотрение данного дискурса через призму семиотического, перформативного, аксиологического, кратологического и институционального подходов. Анализ данных аспектов дискурса травелога позволит, в свою очередь, выявить целый ряд его креативных функций, направленных на изменение представлений об окружающем мире и внутреннем мире человека.

Сегодня феномен травелога изучается культурологами, историками, филологами, литературоведами и представителями других дисциплин. Каждый дисциплинарный подход предполагает применение только ему присущий исследовательский инструментарий, который, однако, значительно сужает возможности «схватывания» в целостном виде самые разнообразные стороны травелога. В этой связи возникает потребность в выработке комплексного, междисциплинарного подхода к осмыслению травелога как объективного явления и концепта, предлагающего использование адекватного исследовательского инструментария, позволяющего обеспечить необходимую глубину в изучении его самых разных сторон и аспектов.

Прежде, чем обозначить теоретико-методологические характеристики предлагаемого в настоящей работе подхода к изучению травелога, сделаем краткие замечания относительно самого предмета исследования.

Травелог как предмет исследования

Травелог, рассматриваемый как повествование (нарратив) о путешествиях, – одна из самых древних форм творчества человека. Человек – существо саморассказывающее. С момента появления феномена наррации, т. е. расщепления субъективности на объектную и рефлексивную, когда человек предметом своей деятельности делает окружающий мир и самого себя, представление о травелоге стало дифференцироваться посредством появления таких категорий как Путь, Путник, Приключение (мыслится как Преодоление Препятствий), Переход, Маршрут, Возвращение.

С появлением категории Путь неизбежно возникает проблема Начала и Конца Пути, обозначения Мест Пребывания (локаций). Путь – существенно необходимый компонент для формирования Путника, его представления о себе (Путь как Самопознание), о пережитых испытаниях (Путь как «посвящение», инициация).

Кроме того, Путник постоянно движется через границы, он их пересекает, переступает Порог миров (переход от мира знакомого, привычного к миру чуждому, необычному), скрывается «за горизонтом» (за горизонтом событий привычного мира), выступает «чужим» (Станным, Странником), выходя из запредельного мира, внушает аборигенам определенные опасения. Пограничность дискурса травелога одновременно притягивает и ужасает. Современное человечество в поисках ответа на вопрос «Одиноки ли мы во Вселенной?» – с затаенной надеждой окликает бездны космического пространства, посылая туда сигналы о себе, но в то же время – ужасается возможного ответа «оттуда». Мало ли кто и как может ответить (вспомним картину Н. Рериха «Заморские гости»).

Путник – не просто некий «непоседа», гонимый ветром как перекасти-поле, он постоянно испытует меру своего отрыва от знакомого мира («почвы»), пересекая всё время границы физической и ментальной реальностей. Потому-то он и подозрителен этой своей «чрезмерностью». И к тому есть немалые основания: возьмем, к примеру, вариант Агасфера, когда Путь одолел Путника, став нескончаемым, непрерывным скольжением, томлением духа, в котором способны обесцениться (обесмыслиться) любые констан-

ты (границы), непреложности. Неостановимое скольжение оборачивается безразличием, пустотой. Именно так произошло с Печориным из «Героя нашего времени» М.Ю. Лермонтова, который, переживая непрерывное влечение куда-то в неведомую даль, в итоге не замечает, что движется он по руинам привязанностей, душевных контактов, соперничаний и сочувствий, так, что даже самые толерантные и терпеливые сочувствователи ему теряют всякие душевные силы. Максим Максимович в сокрушении сердечном разводит руками, не в силах далее сочувствовать Печорину.

Путником может быть и шпион-соглядатай, и проводник, и носитель враждебных сил. Бесчисленное множество встреч с такого рода «первопроходцами» в истории человечества нередко заканчивались завоеваниями, порабощениями, уничтожением привычного уклада жизни аборигенов.

Но Путник подозрителен также в экзистенциальном плане самим фактом выхождения за границы своего обычного пребывания, своим стремлением к «перемене мест», что заставляет ставить вопросы о его происхождении и целях: «Что ищет он в стране далекой? Что кинул он в краю родном?». С точки зрения устоявшегося векового быта Путник – это «возмутитель спокойствия». Многие люди, наслушавшись его рассказов (а позднее – начитавшись приключенческих книг), заражаются его примером. Вспомним, хотя бы, почтенного «рыцаря печального образа»⁵. Согласно Д. Мережковскому, образ Дон Кихота принадлежит к таким спутникам человечества, в которых выражаются и произрастают вечные свойства человеческого духа⁶.

От этой смысловой интерпретации понятия «Путник» русские и европейские мыслители пробросили мостик к несколько иному его варианту – к «странничеству» (А. Пушкин «Странник», Н. Лесков «Очарованный странник»,

⁵ Сервантес Сааведра Мигель де. Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский: [в 2 т.] / Мигель де Сервантес; [перевод с исп. Н. Любимова; стихи в пер. Ю. Корнеева; вступ. ст., с. 13–30, и коммент. С. Пискуновой]. М.: Эксмо, 2005.

⁶ Мережковский Д.С. Сервантес // Вечные спутники. Портреты из всемирной литературы / издание подготовила Е.А. Андрущенко. Санкт-Петербург: «Наука», 2007. С. 89. URL: https://imwerden.de/pdf/merezhkovsky_vechnye_sputniki_2007_text.pdf.

Н. Бердяев «Судьба России» и др.)⁷. Как подчеркивает современный исследователь Р.А. Бурханов, «С пушкинского «Странника», где была затронута эта тема, она присутствовала в творчестве выдающихся деятелей нашей словесности. М.Ю. Лермонтов и Н.В. Гоголь, Ф.М. Достоевский и Л.Н. Толстой, А.П. Платонов и Б.Л. Пастернак – все они были духовными странниками Земли Русской, добровольными скитальцами в дальней дороге жизни, увидевшими и запечатлевшими на своем пути все то, что вывело отечественную литературу к вершинам мировой славы»⁸. В западноевропейской традиции этот феномен весьма остро выразил Г. Марсель в своей работе «Homo viator» (1944)⁹.

Представленные примеры говорят об универсальности архетипических схематизмов Травелога, о предельном разнообразии содержания входящих в него концептов.

Развитие жанров травелога

Наиболее ярким воплощением жанра травелога является «приключенческая литература», которую энциклопедическое издание характеризует так: «Приключенческая литература – понятие, не имеющее строго очерченных границ, применяемое для обозначения мн. лит. жанров, объединяемых лишь приключенч. тематикой, фабулой (сюжетом) или мотивами. П. л. тесно связана с научной фантастикой, детективной литературой и особенно с путешествиями. Как

⁷ Фаленкова Е.В. Феномен странничества в русской культуре: на материале творчества Л.Н. Толстого: дис. ... канд. филос. наук. Тюмень, 2013; Мясникова, Л.А. Религиозное и светское паломничество: ритуал и практика: монография / Л.А. Мясникова, Е.А. Калужникова, Е.В. Андреева. Екатеринбург: Гуманитарный ун-т, 2008. 187 с.; Дорофеев Д.Б. Феномен странничества в западноевропейской и русской культурах // Культурология. 2010. № 1 (52). С. 63–87; Трофимова Е.А. Образ странника в русской культуре серебряного века // Регионология. 2014. № 4 (89). С. 233–245 и др.

⁸ Бурханов Р.А. Феномен странничества в русской культуре // Дискурс философского пути. Материалы круглого стола VI Российского философского конгресса. Нижний Новгород, 27–30 июня 2012 г. / под ред. О.Ф. Русаковой. Екатеринбург: ИД «Дискурс-Пи», 2012. С. 12.

⁹ Марсель Г. Homo viator // Вестник культурологии. 2002. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/homo-viator>.

синоним П. л. ранее употреблялся также расплывчатый термин «авантюрная литература», которым пользовались в применении к таким разнородным явлениям, как позднегреческий роман, средневековый рыцарский роман, плутовской роман, «Симплициссимус» Х.Я.К. Гриммельсхаузена, всевозможные робинзонады, авантюрно-бытовой роман 18 в. и др.»¹⁰.

Дискурс травелога органически включает в себя дискурс фантастического травелога¹¹. В фантастическом литературном дискурсе, как известно, заметную роль играет жанр «утопии»: «Утопия (от греч. οὐ – не, нет и τόπος – место, т. е. место, которого нет) литературная – художественное произведение, содержащее воображаемую картину будущего общества. В совр. лит-ре У. (как и «антиутопия») рассматривается в ряду жанров научной фантастики. У писателей-утопистов конструирование «второй действительности» (см. *Фантастика*) нередко связано с острой критикой современности, и самое появление У. зачастую совпадает с полосами социально-историч. кризисов и переломов»¹².

Становление науки Нового времени и превращение ее в мощную производительную силу общества оказали огромное влияние на приключенческую и фантастическую литературу, вызвав их буквально взрывной рост. Появляется «научная фантастика»: «Научная Фантастика – условное обозначение обширной отрасли совр. худож. лит-ры (частично – театра, кино, живописи); Н. ф. базируется на совр. уровне науч. познания и осмысления действительности и широко пользуется методикой совр. науки – моделированием явлений, приемом мысленного эксперимента – в применении к иск-ву. В США возник соответств. термин – «science fiction», привившийся и в др. странах. Многие считают эпитет «научная» необязательным. Эпитет «научная» помогает отграничить Н. ф. от более широкого понятия фантастики – от сказок и мифов, от романтич. фантастики (напр., Э.Т.А.

¹⁰ Наркевич А.Ю. Приключенческая литература // Краткая литературная энциклопедия в 9 томах / гл. ред. А.А. Сурков. Т. 5. М.: Издательство «Сов. энциклопедия», 1968. С. 973.

¹¹ Нудельман Р.И. Фантастика // Краткая литературная энциклопедия в 9 томах / гл. ред. А.А. Сурков. Т. 7. М.: Издательство «Сов. энциклопедия», 1972. С. 887–895.

¹² Гиленсон Б.А. Утопия. Там же. С. 853.

Гофмана), от *fantasy*, широко бытующей сейчас на Западе, от сатиры и от философ. прозы, где фантастика применяется как худож. прием, без попытки ее логич. обоснования и мотивировки. Н. ф. определилась как массовое явление именно в ту эпоху, когда наука стала играть решающую роль в жизни общества, условно говоря – после второй мировой войны, хотя осн. черты совр. Н. ф. наметились уже в творчестве Г. Уэллса и частично К. Чапека»¹³.

Мощное вторжение науки в самые различные сферы жизни общества и человека породило большой интерес образованной публики к доступному изложению сути новых теорий, открытий и изобретений, в ответ на который широко развернулось поле научно-популярной литературы. При этом возникает новый жанр научно-художественной литературы: «Научно-художественная литература – особый род худож. лит-ры, рассказывающей о науке и науч. исканиях. Возникнув на стыках худож., документ. и научно-популярной лит-ры, Н. – х. л. развилась к наст. времени в большую самостоят. область, вызывающую значит. читат. интерес. Если научно-популярная лит-ра сосредоточивает внимание на чисто познават. и учебно-педагогич. задачах, то Н. – х. л. преим. обращается к человек. стороне науки, к духовному облику ее творцов, к психологии науч. творчества, к философ. предпосылкам и последствиям науч. открытий. Поэтому произв. Н. – х. л. обладают не только познават., но и эстетич. ценностью, увлекают читателя романтикой поисков, изображением мощи познающего разума, безграничностью перспектив, открывающихся перед мыслящим человечеством»¹⁴. Научно-художественная литература в изображении сложных и трудных, а порой – мучительных, путей познания «неведомого», которые выбирают ученые, часто тесно сближается с детективной литературой – столь бывают запутанными тропы познания и обретения истины.

Популярные литературные жанры получают своё воплощение в определенных жанрах травелога (приключен-

¹³ Громова А. Г. Научная фантастика // Краткая литературная энциклопедия в 9 томах / гл. ред. А. А. Сурков. Т. 5. М.: Издательство «Советская энциклопедия», 1968. С. 140.

¹⁴ Ревич В. А. Научно-художественная литература // Краткая литературная энциклопедия в 9 томах / гл. ред. А. А. Сурков. Т. 5. М.: Издательство «Советская энциклопедия», 1968. С. 143.

ческий, фантастический, научный и др. травелоги). Однако не только литература является основным источником пополнения и разнообразия travel-жанров. Сам объективный процесс практического освоения мира посредством травелога выступает главным фактором появления все новых жанров путешествий. Так, наблюдаемое со второй половины XX века бурное развитие всемирной индустрии туризма и гостеприимства, принявшее в настоящее время глобальный характер, имело неизбежным следствием развитие потребности в путеводителях, картах-схемах, в широком использовании новейших средств связи для обмена «опытом» путешествий. Данный процесс привел к появлению целого спектра новых жанров травелога, в которых произошли решительное обновление и трансформация старых жанровых форм. Появились такие новые жанры травелога, как путеводители по странам и разнообразным туристическим маршрутам, журналистские travel-заметки и travel-исследования и др. Все это стали именовать «Travel Writing» или «Travelogue».

Travel Writing (Travelogue) – это целая совокупность известных жанров литературы (закрывающейся в написании «приключенческого письма», исследовании стран и народов, составлении путеводителей и т.д.), посредством которых люди пытаются увидеть новый мир (или по-новому осмыслить мир привычный) через тексты и впечатления писателей, которые выступают информаторами, советниками и гидами.

Новые приемы повествования о путешествиях стремительно приобрели важное, центральное значение именно в наше время. Невиданные ранее (доступные массовому потребителю – и с точки зрения технологичности, и с точки зрения цены) технические средства записи, хранения и передачи аудио-видеоинформации произвели настоящую революцию в данной сфере.

В англо-американской традиции сложилось представление о *travel writing* («путевое письмо») как об особом литературном жанре травелога. Авторитетный специалист в этой области Карл Томпсон замечает: «Путевое письмо в настоящее время является процветающим и очень популярным литературным жанром. Каждый год из печатного станка льется поток новых травелогов, а такие писатели-путешественники, как Майкл Пэйлин, Билл Брайсон и Пол

Теру, регулярно попадают в списки бестселлеров как в Европе, так и в Америке. Аппетит читающей публики к этой форме также побудил издателей переиздать многие старые книги о путешествиях... В результате путешественники в креслах сегодня могут потакать своему вкусу к экзотике или к приключениям, или просто читать новости о более широком мире, опираясь на огромное количество как современных, так и исторических книг о путешествиях»¹⁵. Далее он пишет: «Путевое письмо обычно записывает опыт путешественников в некоторых интересных местах и обстоятельствах. Он будет включать в себя яркие описания, иллюстрации, исторический фон и, возможно, карты и диаграммы. Каким бы ни было определение, которое мы решили принять как само собой разумеющееся, в словосочетании *travel writing* есть два термина, которые можно было бы сформулировать как «запись о путешествии»¹⁶.

Томпсон, обозревая литературу по *travel writing*, отмечает: «В этих книгах рассказывается о путешествиях, совершенных почти со всеми мыслимыми целями, почти в каждую точку мира. Их авторы варьируются от паломников, конкистадоров и исследователей до туристов, мелких знаменитостей и комиков, совершающих безумную прогулку на каком-то неподходящем виде транспорта; и они также варьируются от «серьезные» писатели, стремящиеся внести значительный вклад в искусство или знания, до халтурных писателей и дилетантов, жаждущих с удовольствием выплеснуть самую поверхностную прихоть. На протяжении веков литература о путешествиях занимала как литературных критиков, так и историков, хотя эти теоретики не ставили под сомнение литературную ценность такого предприятая, как травелог»¹⁷. При этом снижение интереса публики к произведениям данного жанра даже в отдаленной перспективе не предвидится.

В последнее время в отдельную отрасль травелога выделилась трэвел-журналистика. Современному анализу возникновения и развития трэвел-журналистики посвящены работы таких отечественных и зарубежных исследователей,

¹⁵ Tompson C. *Travel writing: The New Critical Idiom Series*. New York: Routledge, 2011. 240 pp. P. 1.

¹⁶ Ibid. Pp. 9–10.

¹⁷ Ibid.

как Т.Ю. Редькина¹⁸, И.В. Показаньева¹⁹, А.В. Полонский²⁰, Н.В. Кривцов²¹, F. Hanusch²², R.M. Tiede²³ и др.

В настоящее время особенно активно развивается телевизионная трэвел-журналистика. Н.С. Гегелова так об этом пишет: «В современном телевизионном эфире значительное место занимают программы о путешествиях. «Трэвел-журналистика (от англ. *travel* путешествие) – специфический жанр, который находится на стыке серьезной журналистики и простых дневниковых записей. Вдобавок, он объединяет литературу и фотоискусство. Сегодня мы живем в эпоху, когда люди хотят не только услышать о чем-то, но и увидеть это глазами. Раньше этот жанр назывался – путевые заметки»... Создание подобной программы – дело не легкое, требующее от журналиста не только оперативности, мобильности, больших организационных усилий, но и знаний географических особенностей, специфики, традиций, истории, куль-

¹⁸ Редькина Т.Ю. Трэвел-медиаатекст: способы и приемы речепорождения: уч.-мет. пос. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет: Высшая школа журналистики и массовой коммуникации, 2013. 74 с.

¹⁹ Показаньева И.В. Проблемное поле трэвел-журналистики как явления современного медиапространства / И.В. Показаньева // Медиаскоп, 2013. № 3. С. 5. URL: <http://www.mediascope.ru/node/1385>; Показаньева И.В. Генезис отечественного научно-популярного телевидения географической тематики: возникновение телевизионной трэвел-журналистики // Вестник ВГУ. Сер. «Филология. Журналистика». 2014. № 4. С. 134–138. URL: <http://www.vestnik.vsu.ru/pdf/phylogolog/2014/04/2014-04-32.pdf>.

²⁰ Полонский А.В. Травелог и его место в современной журналистике // Вестник ТвГУ. Сер. «Филология». 2015. № 1. С. 207–215.

²¹ Кривцов Н.В. Трэвел-журналистика: специфика направления и его проблемы // Вопросы теории и практики журналистики. 2017. Т. 6. № 3. С. 347–364.

²² Hanusch F. Taking travel journalism seriously: Suggestions for scientific inquiry into a neglected genre // ANZCA09 Communication, Creativity and Global Citizenship: Refereed Proceedings: <http://anzca09.org>, 2009. URL: <https://www.researchgate.net/publication/228981499>; Hanusch F. The Dimensions of Travel Journalism // Journalism Studies. 2010. 11:1. Pp. 68–82.

²³ Tiede R.M. The Importance of Travel Journalism. Texas: Texas Christian University. 2016. May, 2. 38 pp. URL: https://repository.tcu.edu/bitstream/handle/116099117/11434/Tiede__Rachel-Honors_Project.pdf?sequence=1&isAllowed=y.

туры разных стран мира. «Трэвел-журналист изучает мир, чтобы поделиться обретенным знанием с окружающими. Он постоянно собирает информацию, общается с местными жителями, забирается в места, в которые никогда не направится путешественник, движущийся на коротком поводке путеводителя. Самостоятельность связана с некоторыми сложностями, но зато такой подход позволяет уйти в сторону от избитых троп и сделать уникальные открытия»... Одним из первых и очень успешных проектов данного направления на постсоветском телевидении стал цикл программ «Непутевые заметки» журналиста Д. Крылова... Можно считать, что с этой передачи начался процесс освоения и развития трэвел-журналистики на российском телевидении. Высокий профессионал, прекрасный ведущий в каждой своей программе создает яркий образ той или иной страны. К тому же ироничное название программы сразу привлекает внимание телезрителей»²⁴. Другим ярким примером российской телевизионной трэвел-журналистики «стал телевизионный цикл В. Познера и И. Урганта «Одноэтажная Америка», созданный в жанре документального многосерийного фильма. Кроме того, ими были сняты и другие страноведческие сериалы – «Тур де Франс», «Англия в общем и в частности», «Еврейское счастье»... Авторам удалось создать многогранный образ страны, расширив представления россиян об Америке. Содержательный и познавательный закадровый авторский текст, яркие интервью, интересный изобразительный ряд, профессионализм ведущих делает этот цикл притягательным, интересным и качественным журналистским произведением»²⁵.

В эпоху Интернета возникает новый мультимедийный жанр травелога – Travel-blog. Как пишет М. Бродский: «Благодаря Интернету сегодня каждый может поделиться впечатлениями о новой для себя стране, рассказать о своих путешествиях, приключениях и злоключениях. Если иностранец поселился и живёт в другой стране, в блоге он рассказывает своим соотечественникам о своей новой природе (термин Г.Д. Гачева). Таких блогов-травелогов становится больше день ото дня, ибо Интернет, по мысли М. Капельса, идео-

²⁴ Гегелова Н.С. Трэвел-журналистика на российском телевидении // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. «Литературоведение. Журналистика». 2016. № 2. С. 128–129.

²⁵ Там же. С. 130.

лога нового информационного общества, стал олицетворением свободы и творчества. Эту мысль в своих трудах автор проводит красной нитью от первой страницы до последней... Завести свой блог нетрудно. По данным на июнь 2008 г., сегодня в мире существует более ста миллионов (!) блогов...»²⁶. Автор констатирует, что «тексты, относимые к жанру тревел-блога, с точки зрения стилистики соотносимы с публицистическими текстами и, в некоторых случаях, с художественными. Вместе с тем они имеют и целый ряд отличительных черт, обусловленных их пребыванием в виртуальном пространстве: гипертекстовая организация макротекста, индивидуальное графическое оформление, обилие фотографий, особенности когерентности и когезии»²⁷.

Цели и задачи исследования

Конечной целью исследования является построение целостной теоретической модели тревелога как формы творческого освоения действительности. Для её достижения предполагается решение следующих задач: 1) раскрытие содержания существующих трактовок тревелога в современной литературе и разработка авторской схемы структурного анализа тревелога как социальной практики, направленной на творческое освоение действительности; 2) выявление диахронических и синхронических аспектов рассмотрения концептуально-понятийной модели тревелога, раскрытие его архетипической структуры и схематизмов; 3) осуществление хронотопного анализа тревелога; 4) раскрытие содержания понятия «дискурс тревелога» и реализация дискурс-анализа его ключевых аспектов (семиотический, перформативный, кратологический, аксиологический, институциональный); 5) выявление социокультурных и дискурсивных оснований

²⁶ Бродский М. Ю. Travel blog как тревелог // Дискурсология: методология, теория, практика: доклады третьей Международной научно-практической конференции, посвященной 40-летию студенческой революции 1968 г. и корифеям Франкфуртской школы (2 октября – 19 декабря 2008 года) / под общей редакцией О. Ф. Русаковой, В. Е. Хвощева, М. А. Малышева. 2 октября – 19 декабря 2008 г. Россия–Мексика. Екатеринбург: Издательский Дом «Дискурс-Пи»; Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2009. Том 2. С. 308–315. С. 315.

²⁷ Там же.

существования многообразных видов и жанров травелога, рассмотрение их характерных черт.

Методология исследования

Кризис традиционных методологических схем в объяснении феноменов культуры и, прежде всего, обнаружение явных пороков вульгарного социологизма и детерминизма, двигал методологическую рефлексию гуманитарных исследований в направлении выявления все более тонких, сложноопосредствованных взаимоотношений между различными сторонами реальности и многообразными формами ее рецепции, конструирования и репрезентации в культурных практиках. Важнейшими исходными обстоятельствами, сыгравшими ключевую роль в свершении методологических поворотов в гуманитарном знании, стало, во-первых, осознание того факта, что все формы социокультурных практик обладают относительной самостоятельностью, что они не сводимы к той объективной первооснове, по поводу которой они выстраиваются, во-вторых, – что именно в социокультурных практиках человека реализуется его способность не только отражать и понимать реальность, но и конструировать её, опредмечивать собственный опыт и переживания, проявлять свои возможности к творческой деятельности, вызывать к жизни причудливые образования, обладающие куда более мощным онтологическим статусом, нежели система базовых витальных потребностей человека.

В-третьих, особое внимание стало уделяться изучению таких ментальных акторов, занимающихся конструированием новой культурной реальности, как язык и нарративы, которые получают объективацию в языковых практиках и в разнообразных текстах. Получившее широкое распространение выражение, гласящее, что «все есть текст», вело к поиску его структурных единиц, а также – порядка текстопорождения, текстофункционирования, к выявлению связей нарратива с определенными формами культурной коммуникации. Другими словами, в методологии гуманитарных исследований стало происходить то, что получило наименование «лингвокультурологического поворота».

«Лингвокультурологический поворот, начавшийся в российском языкознании полтора десятка лет назад, – пишет С.Г. Воркачев, – по своей значимости сопоставим, навер-

ное, с лингвистическим поворотом в философии середины прошлого века, в результате которого язык стал рассматриваться как предельное онтологическое основание мышления и деятельности (Витгенштейн, Гуссерль, Хайдеггер). В случае лингвокультурологии это основание стало усматриваться в симбиозе языка и культуры: в задачи этой научной дисциплины входит изучение и описание взаимоотношений языка и этноса, языка и народного менталитета. На сегодняшний день становится вполне очевидным, что с антропоцентрической переориентацией парадигмы гуманитарного знания общая направленность лингвистической науки на установление соответствий между структурой универсальных логических и специфических языковых (главным образом грамматических) категорий сменилась направленностью на выявление различий семантики инвариантных категорий философии (преимущественно этики) и психологии и их вариативных реализаций в лексике конкретных этнических языков»²⁸.

Дальнейшее движение методологической мысли привело к обращению исследователей к таким категориям как дискурс и концепт. Дискурсы как способы интерпретации явлений действительности и как ментальные инструменты социальной коммуникации оказались предметом пристального внимания исследователей. Р. Водак, подчеркивая непосредственную связь дискурсов с социальными практиками, со стереотипами восприятия действительности, с коллективным осмыслением опыта прошлого со стороны различных социальных групп, отмечала: «...каждый из нас убежден, что существуют определенные ментальные процессы, которые связывают производство и понимание текста как с высказыванием, текстом и коммуникацией, так и с социальными явлениями. Данный факт становится особенно очевидным при анализе таких феноменов, как языковое поведение, стереотипы, предрассудки, присущие социальным группам. Более того, мы обязаны принимать во внимание убеждения, мнения, воспоминания о прошлом при изучении проблемы идентичности, изложении событий прошлого, поскольку они являются обязательными составляющими рассматриваемых дискурсивных практик; такие понятия, как коллективная память, воображаемое сообщество есть неотъемлемые категории

²⁸ Воркачев С.Г. Счастье как лингвокультурный концепт. М.: ИТДГК «Гнозис». 2004. С. 41.

когнитивных процессов... Будучи носителем определенной культуры, человек научился быстро распознавать систематически повторяющиеся события, соответственно реагировать на них и обновлять информацию..., исследованию которой посвящено культурному знанию. Таким образом, когнитивный и социокогнитивный подходы должны стать частью исследований дискурсивных практик»²⁹. Е. Шейгал указывает на следующие свойства дискурса: «В реальном измерении – это поле коммуникативных практик как совокупность дискурсивных событий, это текущая речевая деятельность в определенном социальном пространстве, обладающая признаком процессности и связанная с реальной жизнью и реальным временем, а также возникающие в результате этой речевой деятельности речевые произведения (тексты), взятые во взаимодействии лингвистических, паралингвистических и экстралингвистических факторов. В потенциальном измерении дискурс представляет собой семиотическое пространство, включающее вербальные и невербальные знаки, ориентированные на обслуживание данной коммуникативной сферы, а также тезаурус прецедентных высказываний и текстов»³⁰.

Изучение травелога как определенной формы социокультурной практики, на наш взгляд, не может обойтись без применения современной методологии дискурсивного исследования. Опора на метод дискурс-анализа травелога потребовала от нас обратиться к структурному исследованию самого понятия «дискурс травелога», а также – к изучению таких важных аспектов данного дискурса как семиотический, перформативный, кратологический, аксиологический, институциональный. Заметим сразу, что проведенный нами методологический анализ разнообразных аспектов изучения травелога, отнюдь, не является исчерпывающим. К примеру, в методологический арсенал изучения дискурса травелога можно было также включить еще его нарративный и лингвистический аспекты³¹. Но данные сюжеты, скорее всего, станут специальной темой нашего дальнейшего исследования.

²⁹ Водак Р. Язык. Дискурс. Политика / пер. с англ. и нем. В.И. Карасика и Н.Н. Трошиной. Волгоград: Перемена, 1997. С. 13.

³⁰ Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. М.: ИТДГК «Гнозис». 2004. С. 13.

³¹ Русакова О.Ф., Русаков В.М. PR-дискурс: теоретико-методологический анализ. 2-е изд., испр. и доп. Екатеринбург: УрО

Представленная монография состоит из трех глав, где каждая посвящена конкретной методологической проблематике. В первой главе авторы раскрывают содержание современных трактовок травелога, рассматривают концептуально-понятийную структуру травелога с позиций диахронического и синхронического подходов. В отдельном параграфе производится развернутый теоретико-методологический анализ концепта «хронотоп», выделяются особенности хронотопно-структурного видения сюжетных линий травелога, делается вывод о динамичном, соконтинуальном и ризомном характере отношений между различными хронотопами в конкретных письмах-травелогах.

Во второй главе предлагается авторское определение дискурса травелога, производится его дискурс-анализ с позиций семиотического, перформативного, кратологического, аксиологического и институционального подходов.

В третьей главе раскрываются видовые и жанровые особенности различных травелогов – от архаических до современных. Впервые в отечественной практике выделяются, систематизируются и анализируются такие виды травелога как политический, военный, научный, научно-методический и фотодокументальный. При этом показано, что в дискурсе многочисленных видов и жанров травелога просматривается единство фундаментальных схематизмов, лежащих в основе произведений, текстов и практик мировой культуры.

Рассматриваемая монография в определенной степени подводит итог многолетним исследованиям авторов в области дискурс-анализа травелога, которые вылились в серию статей для научного журнала «Дискурс-Пи», для проекта энциклопедии «Дискурсология», вошли в содержание ряда научных докладов, прочитанных на всероссийских и международных конференциях и философских конгрессах.

Надеемся, что проведенное исследование ряда теоретико-методологических аспектов концептуально-дискурсивного изучения травелога, поможет современным гуманитариям выявить и описать не раскрытые ранее структурные компоненты дискурса травелога, вскрыть новые теоретико-методологические подходы при изучении его видов и жанров.

ГЛАВА 1. ТРАВЕЛОГ – ОТ АРХЕТИПА К КОНЦЕПТУ

1.1. Трактовки понятия «травелог» в современной литературе

Термин «травелог» (*travelogue*) впервые был введен в публичное обращение в 1903 году американским путешественником, фотографом и кинооператором Бертоном Холмсом (Burton Holmes), который в цикле своих открытых лекций рассказывал слушателям о собственных многочисленных путешествиях в разные страны мира, сопровождая их демонстрациями фотографий, слайдов и фильмов. Всего Б. Холмс провёл 8 тыс. выступлений, снял более 30 тыс. фотографий и более 152 тыс. метров киноплёнки. В 1950-х гг. он передал свой уникальный архив в Калифорнийский университет в Лос-Анжелесе. Большую часть своих лекций Холмс изложил в серии книг под общим названием «Travelogues»³². О некоторых подробностях возникновения понятия «травелог» говорится в письме Б. Холмса, опубликованного в четвертом издании книги Генри Льюиса Менкена «Американский язык»³³.

На протяжении XX-го века в гуманитарных науках понятие «травелог» редко подвергалось специальному исследованию. В англоязычном мире под травелогом, как правило, понимался любой нарратив, фиксирующий впечатления путешественника. Его смысловыми синонимами чаще всего выступали такие понятия как «вояж», «литература путешествий» (*travel writing*), «путевая литература», «тексты о поездках»³⁴. Термином «травелог» обычно обозначались разнообразные формы отчетов о путешествиях с описанием посещаемых мест, встреч, экзотики: «Травелог – отчет о пу-

³² Burton Holmes. *Travelogues. The Greatest Traveler of His Time, 1892–1952*. Taschen, 2006. 366 pp.

³³ Mencken H.L. *The American Language: An Inquiry into the Development of English in the United States*, 4th Edition Knopf, 1984. 816 p. Pp. 171–172.

³⁴ Bohls E. *Travel Writing 1700–1830* / Elizabeth A. Bohls. Oxford University Press, 2005. 562 p.; Youngs T. *The Cambridge Introduction to Travel Writing*. Cambridge University Press, 2013. 256 p.

тешествии: книга, статья или фильм, описывающие места, которые люди посетили, и то, с чем они столкнулись»³⁵. Однако гораздо чаще использовалось более простое понятие – «книга о путешествии» (*the travel book*)³⁶.

В начале 2000-х гг. в Британии стали издаваться работы, в которых под травелогом уже подразумевается сложно-составная развивающаяся структура. Знаковым событием в плане теоретического осмысления типов и жанров «travel writing» стал выход в свет в 2002 г. сборника литературных трудов о путешествиях за последние 500 лет – «Кембриджский путеводитель по литературе путешествий»³⁷. В предисловии к сборнику его редакторы – Питер Халм и Тим Янг – следующим образом рассматривали сложный процесс формирования травелого как особого литературного жанра: «Даже самая ранняя английская путевая литература была отмечена сложными риторическими стратегиями. Его авторы должны были уравновесить известное и неизвестное, традиционные императивы убеждения и развлечения, а также свои личные интересы с интересами своих покровителей, работодателей и монархов. Учитывая столь разнообразные цели, ранние современные писатели – путешественники часто разрывались между доставлением удовольствия и практическим руководством, между регистрацией и оценкой, между описанием того, что произошло, и предположением о том, что могло произойти»³⁸.

Одна из проблем восприятия «путевого письма» – выделение признаков, по которым его можно было бы отнести к описанию подлинного, невыдуманного путешествия. Дело в том, что, начиная с XVII века, стали появляться фиктивные литературные путешествия, которые использовались для критики определенных иностранных привычек, внутреннего государственного устройства и даже с целью сатирического изображения самой риторики путевого письма: «Образец

³⁵ Mencken H.L. *The American Language: An Inquiry into the Development of English in the United States* / 4th Edition. Knopf, 1984. Pp. 171–172.

³⁶ Baldick C. *The Oxford Dictionary of Literary Terms*. OUP Oxford, 2008. 340 p.

³⁷ *The Cambridge Companion to Travel Writing* / Ed. by Peter Hulme and Tim Youngs. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.

³⁸ *Ibid.* P. 30.

был задан Утопией Томаса Мора (1516), которая (для тех, кто не в курсе) выглядела точно так же, как подлинные книги о путешествиях того периода – в комплекте с картой и алфавитом утопического языка. Мор использует фикцию совершенной культуры, недавно открытой в Новом Свете, для критики экономических и политических условий Европы эпохи Возрождения»³⁹.

В своём предисловии к сборнику редакторы подчёркнули полидисциплинарный характер предмета исследования, говорили о методологических поворотах, которые повлияли на формирование новых ракурсов изучения текстов травелогов. К примеру, отмечалось большое влияние ориентализма на развитие литературы о путешествиях⁴⁰, что положило начало разработки концепции постколониализма. Ориентализм предложил особое понимание функционирования колониальных дискурсов. Ученые, работавшие на волне ориентализма, начали тщательно изучать отношения культуры и власти, обнаруживаемые в обстановке, окружении и репрезентациях текстов о путешествиях.

Еще одним импульсом для проведения актуальных исследований в области изучения текстов о путешествиях стало распространение феминистских исследований. Посредством применения к путевому письму принципов, разработанных в женской литературе, ученые сделали известными некоторых женщин, выступающими либо в качестве авторов травелогов, либо в роли объектов пристального изучения

³⁹ Ibid. P. 31–32.

⁴⁰ Ориентализм – западная дисциплина, которая приобрела самостоятельное значение в XVIII–XIX вв. Он определяет Восток не в географическом (East), а в культурном смысле (Orient). Восток рассматривается как элемент западной «воображаемой географии». В сущности, такой «Восток» оказывается не более чем европейским мифом и относится главным образом к дискурсивной, а не к эмпирической реальности. Противопоставление Востока и Запада служит вариантом оппозиции «мы – они», а западное представление о себе возможно лишь в соприкосновении с конструируемым образом Востока, который наделяется «репрессированными» качествами и представляет особое дискурсивное поле – европеизированную систему знаний о Востоке как репрезентации «другого» (Башарова Г.Ф. «Теория ориентализма» Э. Саида: подход к осмыслению проблемы Восток – Запад. URL: http://www.idmedina.ru/books/materials/turkology/1/vostok_basharova.htm).

со стороны наблюдателей. В центре внимания оказался вопрос об отношении между женщинами как наблюдателями и женщинами как наблюдаемыми. Как в колониальных исследованиях, так и в контексте феминистского направления, вопрос о том, чем отличаются женщины-путешественницы от путешествующих мужчин по тому, как они едят, о чем едят и что репрезентируют в своих травелогах, до сих пор считается дискуссионным.

В предисловии к «Кембриджскому путеводителю по литературе путешествий» также отмечалось, что помимо литературоведения и женских исследований, можно выделить три дисциплины, которые больше всех других занимались описанием путешествий, это – антропология, история и география. Социология же, по мнению авторов, известна тем, что занялась распространением проблематики травелога на изучение туризма и других практик путешествий. Кроме того, существенный вклад в повышение внимания исследователей к изучению травелога внесла такая дисциплина как «теория перевода», которая привнесла в анализ травелога еще одно измерение, заставив задуматься не только о способах и приемах перевода, но и об искусстве межкультурной коммуникации.

Определенный вклад в разработку проблематики, связанной с раскрытием обусловленности оптики травелога спецификой его идейно-исторического контекста, внесла опубликованная в 2006 г. книга Джона Демарей «От паломничества к истории: ренессанс и глобальный историзм»⁴¹. В ней раскрывалась прямая связь между способами описания путешествий и особенностями развития исторического знания. Дж. Демарей выделяет идеологические параметры в рассказах о путешествиях, проливает свет на характер идеологической борьбы, происходившей в дискурсе травелога, начиная с конца XVI века. Его основной целью является показ того, как под влиянием новейших философско-исторических концепций происходит преобразование библейских постулатов. Рождение нового историзма датируется им началом XVII века. Собрания сочинений Ричарда Гаклюйта⁴² рассма-

⁴¹ Demaray G. From Pilgrimage to History / The Renaissance and Global Historicism. New York: AMS Press, 2006. 250 p.

⁴² Известный английский путешественник, автор трехтомного труда (Hakluyt R. Collection of the Early Voyages,

триваются в работе как пример смешения старого историзма, исповедующего провиденциализм и нового историзма, опирающегося на рациональный подход и эмпирику. Примером рационального осмысления библейского сюжета, согласно Демарею, выступают работы Самуэля Перчейса⁴³. Две главы в работе Дюмарея посвящены анализу «Краткой истории Москвы» и «Потерянному раю» Джона Милтона⁴⁴, в которых автор видит окончательное становление принципов историзма эпохи Модерна.

Понятие «травелог» в зарубежной литературе нередко используется для обозначения национальной идентичности. Так, к примеру, в «Кембриджском путеводителе по американской литературе путешествий» говорится о тесной связи литературы о травелогах с конструированием американской идентичности: «Занимая пространство между фактом и вымыслом, эта литература обнажает культурные установки и раскрывает изменяющиеся желания и опасения как путешественника, так и читающей публики»⁴⁵. В данном путеводителе по американской литературе путешествий отмечается, что нация «неутомимых эмигрантов» должна, по определению, сохранять интерес к путешествиям. Американская литература путешествий подчеркивает эту связь и развивает ее, решая комплексные идеологические и культурные задачи. Она одновременно раскрывает как внутрикультурные, так и межкультурные противоречия и их последствия. Она конструирует национальные черты характера и ландшафт, погружает читателей в эти характеры и ландшафты, используя специфические жанровые модели.

В сборнике «Романтические местности: Европа пишет место», вышедшем под редакцией Кристофа Бодф и Жаклин

Travels, & Discoveries of the English Nation: In 3 vols. L., 1598–1600).

⁴³ Сэмюэл Перчас (1577–1626) – английский священник и редактор, составивший несколько сборников сочинений о путешествиях и исследованиях. Его главный труд – «Пилигримы» – был опубликован в четырех томах в 1625 году.

⁴⁴ Джон Милтон (1608–1674) – автор работы «Краткая история Московии и других менее известных стран, лежащих к востоку от России вплоть до Китая, собранная из трудов нескольких очевидцев».

⁴⁵ Romantic Localities: Europe Writes Place / Ed. by Christoph Bode and Jacqueline Labbe. L.: Pickering & Chatto, 2010. 309 p. (The Enlightenment World). P. 1.

Лаббе, рассматриваются не столько формы фиксации опыта, сколько «впечатления», причем в первую очередь местные, домашние. Местность – не просто фон для развития событий (домашний и уютный или экзотический и неведомый), она связана с внедрением в литературный текст элементов идентичности или идентичностей; она впечатляет читателей контрастом между «домом» и «чужим местом»; она позволяет авторам моделировать чувство субъективности, которое опирается на определение известного и в то же время расширяет пределы известного. Эта плодотворная концепция позволяет соотнести травелоги с иными аспектами представлений о пространстве. Например, местность «как реальное место» и «как концепт» – для романтической эпохи, которой посвящены материалы сборника, это противопоставление особенно актуально. В первом случае обеспечивается «колорит», во втором – место принадлежит чаще всего «иному миру».

Травелог, считают авторы работы, начинается с интереса к месту в культуре; местность становится конечной точкой и приводит к совершенно новым пониманиям локального. Писатели исследуют места, в которые путешествуют, в которых живут, в которые эмигрируют; создают метафорические географии, трансформируют некое место в Иное. Исследователи травелогов ставят важные методологические вопросы, основной из которых следующий: «Когда романтики пишут о месте, значит ли это, что они его создают»?⁴⁶ С ним связаны еще такие вопросы: возможно ли вообще воссоздать место, отразить его более или менее точно в описании путешествия, уловить его дух? Где лежит грань между реальным опытом путешественника и созданными им образами? Ответы на них требуют обращения к категории идентичности – идентичности места в исторической ретроспективе и перспективе.

Анализ литературных травелогов закономерно приводит к рассуждению о пространстве и времени, к «культурной практике осмысления времени в формах пространства»⁴⁷, к необходимости изучения хронотопа дискурса путешествий.

Вопросы теоретико-методологического осмысления современных трансформаций травелога оказались в фокусе внимания «Рутледжского путеводителя по изучению лите-

⁴⁶ Ibid. P. 3.

⁴⁷ Ibid. P. 7.

ратуры путешествий»⁴⁸. Здесь следует назвать статью Клэр Линдсей «Литература путешествий и постколониальные исследования»⁴⁹, в которой автор утверждает, что интерес к написанию путешествий с позиции глубоких изменений в политической расстановке сил, происшедших после Второй мировой войны, был частью необходимого переосмысления мира, вызванного послевоенными движениями сопротивления и освободительными войнами в бывших европейских колониях, как и следовавшие за этим волны иммиграции. Обращаясь к современным травелогам, осущестляемым в эпоху глобализации, Линдсей отмечает, что посредством понятия «постколониальный» не удастся уловить главные особенности, характерные для данных путешествий. Происходящие трансформации в современном дискурсе травелога объясняются, прежде всего, неолиберальной природой глобализации, что предполагает учет таких важных факторов как трансконтинентальный и трансокеанский характер пролагаемых маршрутов. Кроме того, мощное влияние на формирование представлений о современном устройстве мира оказывают разнообразные индустрии транскорпораций, что ведет к соответствующему реформатированию дискурса травелога.

Определенное продолжение методологические поиски, направленные на формирование современного концепта травелога, получили в работе Джона Калберта «Теория и пределы путешествий» опубликованной в периодическом издании «*Studies in Travel Writing*»⁵⁰. Автор статьи считает, что базовым основанием, определяющим идейный характер современного концепта травелога, является такой признак как «критика неолиберализма»: «Широко распространенная сегодня среди гуманистов критика неолиберализма, по-видимому, отражает повышенную критическую чувствительность к экономическим проблемам». Другой важной методологической характеристикой современного травелога

⁴⁸ The Routledge Companion to Travel Writing / Edited by Carl Thompson. 2015. London: Routledge. 560 p.

⁴⁹ Lindsay Claire. Travel Writing and Postcolonial Studies // The Routledge Companion to Travell Writing. 2015. Chapter 3.

⁵⁰ Kalbert J. Theory and the limits of travel // *Studies in Travel Writing*. 2018. № 22:4. Pp. 343–352. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/13645145.2019.1624072>.

выступает обращение к парадигме мобильности, разработанной Шелли и Урри): Авторы «новой парадигмы мобильности» указывают, что различные исследовательские проекты по мобильности могут сами включать путешествия, и они предполагают, что в дополнение к своей научной работе ученые могли бы использовать эти условия исследования как возможность для критического осмысления».

Калберт выделяет еще один методологический момент, определяющий способ теоретического анализа травелога: это – учение М. Фуко о порядке дискурса и дискурсивной власти. Рассказы о путешествиях, считает автор, принадлежат «дискурсу», то есть порядку репрезентации, который, будучи насыщен властью, не является ни полностью контролируемым, ни полностью избегаемым. Согласно Фуко, говорить, значит, и оспаривать, и подчиняться порядку дискурса, и свобода заключается (только) в этом согласовании с разрешающими ограничениями. Данный вывод наводит на мысль о том, что дискурс травелога является одной из форм дискурсивного насилия, совершаемого над миром и его обитателями.

В отечественной литературе одним из первых термин «травелог» употребил в качестве обозначения предметной области своих творческих изысканий Александр Эткинд в книге «Толкование путешествий. Россия и Америка в травелогах и интертекстах», изданной в 2001 году⁵¹. В своей работе Эткинд не дает определения травелогу. Для него травелог – это всего лишь способ перехода к описанию «Другого», это путь, позволяющий выстраивать исторические параллели.

Отметим, что в современной литературной практике стало популярным называть травелогом самые разные авторские путевые заметки и произведения, в которых лишь часть сюжета разворачивается во время путешествия. Так, в 2007 г. было опубликовано сочинение В.И. Соловьева «Как я умер», названное «субъективным травелогом»⁵². В 2008 г. в России

⁵¹ Эткинд А. Толкование путешествий. Россия и Америка в травелогах и интертекстах. М.: Новое литературное обозрение, 2001. 496 с.

⁵² Соловьев В.И. Как я умер. Субъективный травелог. М.: Рипол Классик, 2007. 720 с.

вышел в свет «мужской роман-травелог» С. Кибальчича «Поверх Фрикантрии, или Анджело и Изабелла»⁵³.

Впервые вопрос о необходимости комплексного изучения дискурса травелога как сложноструктурированного феномена был поставлен авторами сборника статей «Дискурс травелога» в 2009 году⁵⁴. В Предисловии к сборнику говорилось о широком многообразии проявлений дискурса травелога: «это и сухие отчеты об экспедициях географов и путешественников, приключенческая и фантастическая художественная литература, это и «странствия души» (ученой или чувствующей и переживающей) в поисках сущностей и смыслов, это и всевозможные «путеводители» и справочники по «странам и континентам», это и современные блоги в Мировой Паутине»⁵⁵. В одной из его статей проводился анализ образов Пути и Путника, представленных в дискурсе травелога⁵⁶.

В 2010-м году в Екатеринбурге выходит из печати Научно-практический альманах «Дискурс-Пи» (№ 10), имеющий подзаголовок «Дискурс травелога». В данном выпуске был представлен опыт дискурс-анализа архетипических категорий травелога (Путь, Путник, Подвиг, Странник, Паломник, Скиталец и др.), обозначаются основные подходы к раскрытию его смысложизненных характеристик.

В 2012–2014 гг. происходит важный теоретико-методологический поворот в проведении дискурсивного анализа травелога уральскими учеными. Впервые в рамках VI Российского Философского Конгресса ими был организован круглый стол, посвященный изучению дискурса травелога⁵⁷.

⁵³ Кибальчич С. Поверх Фрикантрии, или Анджело и Изабела. СПб.: Петрополис, 2008. 288 с.

⁵⁴ Дискурс травелога. Сборник статей / авт. – сост. О.Ф. Русакова, В.М. Русаков. Екатеринбург, ИМС: ИД «Дискурс-Пи»: Уральский финансово-юридический институт, 2009. 190 с.

⁵⁵ Там же. С. 7.

⁵⁶ Русаков В.М. Дискурс травелога: образ Пути и Путника в мировой культуре // Дискурс травелога. Сборник статей / авт. – сост.: О.Ф. Русакова, В.М. Русаков. Екатеринбург: ИМС: ИД «Дискурс-Пи»: Уральский финансово-юридический институт, 2009. С. 131–139.

⁵⁷ Дискурс философского пути. Материалы круглого стола VI Российского философского конгресса. Нижний Новгород, 27–30 июня 2012 г. / под ред. О.Ф. Русаковой. Екатеринбург: ИД

В связи с возражениями, высказанными рядом известных философов на заседании Программного комитета VI Российского Философского Конгресса относительно использования термина «травелога» в названии круглого стола, круглый стол, который первоначально планировалось назвать «Дискурс философского травелога», пришлось переименовать в «Дискурс философского Пути».

Дискурс травелога, говорилось в установочной статье к материалам круглого стола, включает в свою смысловую орбиту множество концептов и метафор, представляющих констелляцию разнообразных трактовок и эмоционально-образных запечатлений Путешествий – реальных и виртуальных, когнитивных и культурно-символических, темпоральных и пространственно-географических, земных и космических»⁵⁸. Специально отмечалось, что «дискурс травелога глубоко насыщен элементами переживаний пограничных ситуаций *выбора Пути, поворотов Судьбы*, включает в свою структуру новые знаковые и символические *встречи-столкновения с Другим, Иным*. Встречи с Другим и Иным порождают особую разновидность дискурса травелога – дискурс постижения странного и нового в процессе преодоления культурных, ментальных и иных коммуникативных барьеров. Иначе говоря, дискурс травелога имманентно содержит коммуникативную составляющую, интенционально направленную на вхождение в диалог с другими мирами». Присущая дискурсу травелога коммуникативная направленность на диалог по отношению к Другому, Иному, Незнакомому придает дискурсу травелога особый эмоциональный заряд, который в итоге может привести к качественному эпистемологическому и когнитивному скачку, называемому термином «Открытие». В экстремальных условиях, связанных с рисками для жизни, в дискурсной структуре травелога отчетливо проявляются приключенчески-авантюрные компоненты: «Авантюра – это, по сути, рискованное приключение, связанное с экстремальными видами деятельности». Согласно Георгу Зиммелю, приключение – это всегда прерывание ритма привычной жизни, перенесение в мир «странного». Владимир Янкевич в своем исследовании дискурса путешествия обращает внимание на отличия между путешествием-приключением

«Дискурс-Пи», 2012. 128 с.

⁵⁸ Там же. С. 6.

и путешествием авантюрой. В первом случае путешествие нацелено на приобретение экзотического опыта. Здесь искатель приключений – это человек, для которого травелог является привычным стилем жизни. Для путешественника-авантюриста травелог является средством рискованного заработка, быстрого обогащения⁵⁹.

В вышедшем в 2013 году научном журнале «Дискурс-Пи», посвященном исследованиям дискурса мобильности, получила своё развитие тема одновременного включения в концептуальные ряды дискурса травелога и дискурса мобильности таких категорий как Передвижение, Номадизм, Путешествие⁶⁰. В том же номере журнала давался развернутый анализ концепта «человека движущегося», скитающегося по странам и континентам, выступающего субъектом современного постфордистского травелога, осуществляемого в обществе текучей современности⁶¹.

В научном журнале «Дискурс-Пи» № 4 (17) за 2014 год был выделен ряд методологических подходов к изучению дискурса травелога, а также рассматривались диахронические и синхронические аспекты функционирования данного дискурса. Отмечалось, что в гетерогенной структуре дискурса травелога присутствуют следующие компоненты: а) архетипические концепты-категории; б) мифологические и мифопоэтические образы; в) рациональные схематизмы и рационально-теоретические компоненты (понятия, теории, картины мира); г) элементы фантастических и иррациональных представлений⁶².

⁵⁹ Малышев М.А. Георг Зиммель и Владимир Янкевич: феноменология приключения // Научно-практический альманах «Дискурс-Пи». Выпуск 3: Дискурс толерантности в глобальном мире / под ред. О.Ф. Русаковой. Екатеринбург: Издательство УрГУ, 2003. С. 82–84.

⁶⁰ Русакова О.Ф. Метафорика и концептосфера дискурса мобильности // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2013. № 13. С. 19–25.

⁶¹ Русаков В.М. Homo viator – через призму его травелогов на рубеже XX–XXI вв. // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2013. № 13. С. 31–35.

⁶² Русаков В.М., Русакова О.Ф. Методология дискурс-исследования травелога // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2014. № 4 (17). С. 12–18.

С 2013–2015 гг. в отечественных исследованиях вспыхивает настоящий бум работ о травелогах, появляются не только отдельные статьи, но – и монографии, сборники материалов научных конференций, посвященные данному явлению, одна за другой защищаются диссертации. В ходе исследований разрабатываются концептуальные подходы к осмыслению дискурсивных компонентов травелога, производится классификация его жанровой структуры. Наиболее интересными в этом плане представляются исследования Е.Г. Милюгиной и М.В. Строганова⁶³, Е.Б. Мартынюка и М.Ю. Лукиновой⁶⁴, Е.Р. Пономарева⁶⁵, А.А. Майга⁶⁶.

Важными научными событиями в плане реализации проектов по созданию аннотированных указателей русских травелогов XVIII–XX вв. являются выход в свет в 2015 г. и в 2016 г. двух коллективных монографий: «Русский травелог XVIII–XX веков»⁶⁷ и «Русский травелог XVIII–XX веков: маршруты, топосы, жанры и нарративы»⁶⁸.

⁶³ Милюгина Е.Г., Строганов М.В. Русская культура в зеркале путешествий: монография / Твер. гос. ун-т, 2013; Милюгина Е.Г., Строганов М.В. Личность автора-путешественника в травелоге нового времени // Культура и текст. 2014. № 3. С. 22; Милюгина Е.Г., Строганов М.В. Путешествия по российским рекам: травелог нового времени // *Quaestio Rossica*. 2015. № 2. С. 106–116.

⁶⁴ Мартынюк Е.Б., Лукинова М.Ю. К вопросу об определении термина «Травелог» // Переводческий дискурс: междисциплинарный подход. Материалы I всероссийской научно-практической конференции / Главный редактор М.В. Норец. Симферополь: Издательство Типография «Ариал», 2017.

⁶⁵ Пономарев Е.Р. Типология советского путешествия. «Путешествие на Запад» в литературе межвоенного периода. 2-е изд. СПб.: СПбГУКИ, 2013; Пономарёв Е. Русский имперский травелог // Новое литературное обозрение. 2017. № 2.

⁶⁶ Майга А.А. Литературный травелог: специфика жанра / А.А. Майга // Филология и культура. 2014. № 3. С. 254–258; Майга А.А. Африка во французских и русских травелогах (А. Жид и Н. Гумилев): дис. ... канд. филол. наук. М., 2016. 234 с.

⁶⁷ Русский травелог XVIII–XX веков: коллективная монография / под ред. Т.И. Печерской; Мин-во образования и науки РФ; Новосиб. гос. пед. ун-т. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2015. 656 с.

⁶⁸ Русский травелог XVIII–XX веков: маршруты, топосы, жанры и нарративы: коллективная монография / под ред. Т.И. Печерской, Н.В. Константиновой; Министерство образования

Во вводной статье Т.И. Печерской к изданию 2016 года дается следующее определение травелога: «Травелог понимается как вид документальной литературы, объединяющей различные жанры (служебный отчет, дорожный журнал, научный отчет об экспедициях, путевой дневник, путевые записки, письма, мемуары, очерки и пр.). Главным условием, при котором документальный текст травелога включается в указатель, является наличие/описание маршрута путешествия (как «сюжетообразующего» начала), выражения личного отношения к увиденному, передача личных впечатлений, отношение к окружающему как другому/чужому/новому»⁶⁹.

Далее автор говорит об особенностях репрезентации пространства в травелогe: «Пространство путешествия-травелога должно разворачиваться динамично, что принципиально отличает его от пространства локальных текстов (сибирский текст и т. п.). В основе разворачивания пространства должно лежать перемещение путешественника их одного места в другое (выделено нами)⁷⁰.

Среди отечественных исследований травелога считаем необходимым особо отметить работы Кублицкой О.В.⁷¹, в которых в научный оборот вводится понятие травелогемы как структурно-семантической модели организации путевой литературы, производится попытка систематизации различных жанрово-композиционных форм рассказа о путешествии с позиции выделения трёх доминирующих элементов:

и науки РФ; Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2016. 462 с.

⁶⁹ Печерская Т.И. Проект «Аннотированный указатель «Русский травелог XVIII–XX веков: маршруты, топосы, жанры и нарративы»: к постановке проблемы // Русский травелог XVIII–XX веков: маршруты, топосы, жанры и нарративы: коллективная монография / под ред. Т.И. Печерской, Н.В. Константиновой; Министерство образования и науки РФ; Новосиб. гос. пед. ун-т. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2016. С. 8.

⁷⁰ Там же. С. 12.

⁷¹ Кублицкая О.В., Мальцева Т.В. Травелогема: к определению объема понятия // Вестник Челябинского гос. пед. ун-та. 2017. № 6. С. 162–167; Кублицкая О.В. Десинация как элемент травелогемы: способы метафоризации и освоения пространства // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 9 (87). Ч. 2. С. 271–275. URL: www.gramota.net/materials/2/2018/9-2/12.html.

1) субъекта (кто путешествует?); 2) десинации (куда направлен вектор путешествия?); 3) интенции (с какой целью?).

Десинация как структурный компонент травелога, связанный с рецепцией пространства, согласно О.В. Кублицкой, может восприниматься как: *совокупность географических реалий* – подробное описание географических, натуральных, природных феноменов; *вражеская территория* (описание диспозиций, разрушений, войск в ландшафтно-географическом контексте); *сакральная территория* (описание значимых для паломника символов, связанных с определенной религиозной практикой); *инокультурная территория* (описание инокультурных архитектурных и иных памятников; *пространство персонального смысла* (описание ассоциативных рядов, возникающих в сознании путешественника при посещении определенных мест). Отмечается, что восприятие пространства, выступающего системообразующей категорией травелога как текста, может трансформироваться в зависимости от образа мира, который он транслирует. Опираясь на специфику рецепции пространства, считает автор, «мы устанавливаем взаимосвязь с конкретными жанровыми моделями путевой прозы, что позволяет говорить об эволюции образа пространства-десинации в рассказах о путешествии»⁷².

Нередко под травелогом авторы понимают мотивы и состояния путешествия, и тогда возникает понятие «антропология путешествия». К основным мотивам отправления в путешествие обычно относят: поиск новизны и свободы, погоня за сменой впечатлений, стремление к личностному преображению и обновлению, реализация самых неожиданных желаний, включая эротические, сексуальные. К примеру, в книге Эрика Лида, посвященной анализу мышления путешественника, говорится о том, насколько радикально в антропологическом плане изменились в современную эпоху представления о путешествии, его ценностные ориентиры и смыслы: «Древние оценивали путешествие как веление судьбы и неизбежности; для современников это выражение свободы и ухода от неизбежности и обреченности. Древние видели в путешествии страдание и даже искупление, для

⁷² Кублицкая О.В. Десинация как элемент травелогемы: способы метафоризации и освоения пространства // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 9 (87). Ч. 2. С. 273. URL: www.gramota.net/materials/2/2018/9-2/12.html.

современников это удовольствие и путь к удовольствиям»⁷³. Описывая исторический путь трансформаций в мотивации путешествий, в изменении конфигураций его смыслов, Лид приходит к выводу, что эволюция путешествия в эпоху модерна и постмодерна венчается торжеством индустрии туризма, связанной с культурными практиками консюмеризма.

В статье А.В. Головнёва «Антропология путешествия: от *imago mundi* до *selfie*» раскрываются особенности стилей и мотиваций путешествий, начиная с восточного путешествия китайского дипломата Чжань-цзяня (138 г. до н.э.), выполнявшего тринадцатилетний дипломатический тур с целью открытия для Китая торговых и миссионерских контактов со странами Центральной Азии, до работ современного писателя-путешественника Жана Морриса, в которых впечатления автора об Италии тонко переплетаются с рецепциями сексуального характера⁷⁴. Статья завершается анализом селфи как новейшей технологией самозапечатления и способа самореализации туриста-консьюмериста, для которого окружающий мир – это декорация для себя. Обобщая свой исторический обзор разнообразных мотиваций путешествий, Головнёв определяет его смысловые параметры следующим образом: «Путешествие – это право на чужое, на освоение и присвоение мира и в то же время способ утверждения себя в этом мире. Это состояние преобразений, игр с реальностью, запечатлений себя в иных измерениях. Туризм стал самой устойчивой модой и самой мощной индустрией мира, завершив собой эпоху дискавери. Путешествующий мир путешествует уже сам в себе, мультиплицируя туры и маршруты за счет виртуальности. И все же в путешествии остается нечто привлекательно естественное: ...для паломника – путь к святылице, для антрополога – «поле». Таким полем может быть и само путешествие, в котором как в лабиринте, не видно выхода, зато состояние-в-пути оказывается особо значимым для самопознания человека»⁷⁵.

⁷³ Leed E.J. *The Mind of the Traveler. From Gilgamesh to Global Tourism [Text]* / E.J. Leed. New York: Basic Books, 1991. 328 p. P. 8.

⁷⁴ Головнёв А.В. Антропология путешествия: от *imago mundi* до *selfie* // Уральский исторический вестник. 2016. № 2 (51). С. 8–14.

⁷⁵ Там же. С. 15.

С понятием «антропология путешествия» современные исследователи связывают также наличие в сознании субъекта когнитивной ситуации, в основе которой лежит поиск экзотических впечатлений и переживаний, достигаемых посредством перемещения в «дальние страны». Д.Н. Замятин с позиций данного антропологического подхода характеризует путешествие следующим образом: «Экзотика и экзотизм – важнейшие составляющие практически любого путевого описания или записок о путешествии. Чем более резок перепад впечатлений, визуальных образов иежду обыденным, привычным миром постоянной локализации и миром необычным, волнующим, практически неизвестным, тем в большей степени формируются экзотические пространственные/географические образы пересекаемой местности»⁷⁶. Сегмент экзотизма, считает автор, является существенным компонентом ментальной модели путешествия. При этом, с его точки зрения, жанры журналистских тревелогов, которыми сегодня заполнены СМИ и Интернет, не могут являться путешествиями в полном смысле этого слова, поскольку ориентированы на «механическую» фиксацию достопримечательностей, на описание стандартного набора однообразных эмоций и переживаний, то есть, не содержат впечатлений, трансформирующих ментальное пространство путешествующего, что выступает когнитивным основанием самого путешествия⁷⁷. Именно данная антропологическая характеристика, по мнению Замятина, свойственна профессиональным путешественникам – участникам научных экспедиций, индивидуальным и групповым акторам, чьи действия направлены на достижение экстремальных целей (восхождение на высочайшие вершины мира, пересечение океана, посещение труднодоступных территорий и т.п.). Путешествие в результате такого его видения «порождает все новые и новые географические образы, формирующие уникальные пространственные конфигурации. Пространство-как-бытие движется, подвижно путешествиями, обеспечивающими его со-пространственность самому себе»⁷⁸. В итоге путешествие

⁷⁶ Замятин Д.Н. Постномадизм: пространственные антропологии путешествий // Уральский исторический вестник. 2016. № 2 (51). С. 19.

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ Там же. С. 20.

представляется в качестве своеобразного «вечного двигателя», «за счет работы которого наращиваются, расширяются экзистенциальные интенсивности земных пространств»⁷⁹.

В эпоху постмодерна и информационной революции, когда высокий уровень мобильности становится атрибутивным свойством современного бытия, возникает феномен постномадизма, существование которого, по мнению Замятина, следует связывать с когнитивными изменениями, происходящими в области понимания сути путешествий как важного элемента человеческой экзистенции⁸⁰. Мобильность, став тотальной силой эпохи глобализации и постмодерна, трансформирует видение и ощущение пространств, которые «локализируются в ментальном плане как «пучок» социокультурных образов, представляемых как «реальность»⁸¹. В понятии и образе экзистенциального пространства, считает автор, «заложен потенциал саморазвития: в ходе такого саморазвития экзистенциальное пространство может структурироваться, самоорганизовываться с помощью своего рода «реперных точек» – образных локусов, часть которых, несомненно, может носить сакральный характер»⁸². Постномадизм формирует новые представления о пространственности и «сцепках» культурно разнородных пространств, которые Замятин обозначает понятием «сопространственность».

«Итак, постномадизм, – пишет Замятин, – это стремление вообразить и осмыслить путешествие как тотальную экзистенцию пространственности, понятой онтологически как сопространственность»⁸³.

В период усиления процессов глобализации активно развивается индустрия туризма, которая делает массовым явлением современные практики маркетинга путешествия как формы транскультурной коммуникации, удовлетворения потребностей к открытию нового, к повышению уровня статусности и самореализации. Глобальный характер туристической индустрии превращает путешествие в продаваемый потребительский товар со всеми вытекающими из этого последствиями.

⁷⁹ Там же.

⁸⁰ Там же. С. 22.

⁸¹ Там же.

⁸² Там же.

⁸³ Там же. С. 23.

Владимир Волков в процессе раскрытия маркетинговой подоплёки современного массового туризма, характеризует его как некий симулякр настоящего путешествия: «Современный туризм зачастую разрушает онтологический базис путешествия, выполняя роль его симулякра, двойника, гипертрофируя эффект присутствия. Потребление в ритуальной форме «выделенных мест» сопровождается насильственным оживлением, реанимацией старых событий в виде легенд, сказок, мифов, небылиц, придуманных для того, чтобы лучше продать товар. От потребления таких «культурных ценностей» остается ощущение розыгрыша и фальши, подделки и пустоты. Тем не менее, «туризм пытается сформулировать, выразить, использовать идеал, цель, мечту, энтелехию и эксплуатировать их в своих рекламных целях. Даже в своих театрализованных формах туризм переживается как настоящая, подлинная, истинная жизнь».

В целом, автор не разграничивает жестко понятия «путешествие» и «туризм», поскольку находит у них много общих черт, в том числе и в плане базовых мотиваций: «Современный человек превращается в туриста не от безделья, а потому что он не доволен собой и миром. Его основная мотивация – вырваться, уйти в другую реальность, сбежать от серости, рутины, обыденности». Как и путешествие, туризм, по его мнению, интенционально нацелен на обретение экзистенциальной свободы. Однако, в отличие от путешествия, данное обретение часто оказывается призрачным. Вместе с тем, туризм позволяет обрести новый духовный опыт, выходящий за пределы эмпирической реальности, содержит стремление к миру трансцендентности. Это также говорит о глубокой схожести туризма и путешествия. В этой связи Волков отмечает: «Туризм – это один из способов общения к упоительной, но эфемерной экзистенциальной свободе. Такая свобода по окончании путешествия может показаться самообманом, но само путешествие самостоятельно, автономно, первично, изначально, фундаментально. В нем находят выход потребности человеческой души. Источник их удовлетворения обретается за горизонтом эмпирической реальности. Это как бы некое Зазеркалье: там есть то, чего нет здесь. Туризм делает достоянием настоящего опыт, претендующий на принадлежность вечности, стремится опередить время, преодолеть его, победить смерть. В нем всегда есть стремление к трансцендентному, к некому метафизическому

пласту, выходу за границы материальной данности и сферы сознательного»⁸⁴.

Заметим, что ни А.В. Головнёв, ни Д.Н. Замятин, ни В. Волков не обращаются к понятию «травелог», а пользуются исключительно термином «путешествие». Тем не менее, в своих работах они говорят об интенциях и мотивациях путешествий, которые, с нашей точки зрения, могут быть представлены в качестве одного из структурных компонентов травелога, а именно, – интенциональной его части⁸⁵.

С нашей точки зрения, *понятие «травелог» можно коротко определить как креативно-практическую деятельность субъекта (или актора), направленную на организацию и проведение работ по сбору, изучению и репрезентации новых данных об объектах действительности.*

Структурно травелог можно представить в виде четырех-частной схемы:

1. Субъектная часть травелога:

1.1. *Актор (или акторы) травелога* (путешественники, паломники, мореплаватели, торговцы, дипломаты и др.);

1.2. *Миссия травелога*, которая для его акторов складывается из двух типов «заданий»:

– «*внешнее задание*» (божественное или метафизическое, государственное, коммерческое, научное), имеющее следующие цели: посещение сакральных мест и обретение сакральных объектов; совершение географических и этнографических открытий; колонизация новых территорий; приобретение коллекционных материалов и др.;

– «*внутреннее задание*» (личные и групповые цели, мотивы отправления в путешествие, познавательные, прагматические и иные интересы);

2. Проектная часть травелога:

2.1. *составление плана реализации травелога:*

⁸⁴ Волков Владимир. Глобализация, номадизм и онтология туризма // Вестник Европы. URL: <http://www.vestnik-evropy.ru/continuous-magazine/globalization-nomadism-and-ontology-of-tourism.html>. Дата публикации: 05.02. 2017.

⁸⁵ Напомним, что согласно О.В. Кублицкой, структура травелога включает следующие компоненты: 1) субъект или актор путешествия; 2) десинация (направление вектора путешествия); 3) интенции (мотивы и цели путешествия).

-
- разработка маршрута, определение мест пребывания (локаций) и их временных рамок;
 - прогнозирование возможных угроз и барьеров для выполнения миссии;
 - планирование поисковых работ, способов фиксации и описания встречаемых объектов;
 - разработка плана коммуникаций с местным населением;

2.2. организация ресурсного обеспечения проекта:

- финансовое обеспечения проекта из разных источников (государственный бюджет, бюджет коммерческих и общественных организаций, частные пожертвования, личные средства);
- организация транспортных ресурсов;
- создание команды с распределением исполнительских функций;
- продовольственное обеспечение команды;
- научно-техническое и информационное обеспечение проекта;

3. Перформативная часть травелога:

3.1. *реализация плана передвижения по заданному маршруту и пребывания в намеченных местах;*

3.2. *осуществление поисковой и коммуникативной деятельности:*

- сбор данных, коллекционного материала;
- описание новых объектов и коммуникативных акций;
- документальная фиксация полученных данных с их оценочной, аналитической и иной обработкой;

3.3. *доставление полученных материалов к их потребителям;*

4. «Осадочная» часть травелога:

4.1. *оформление полученных в травелоге данных и личных впечатлений в разнообразные формы репрезентации* (литературные, научные, фотографические, кинематографические, интернет-медийные);

4.2. *презентация материалов травелога перед заинтересованными кругами*, ведущая к их (материалов) информационному продвижению и к росту репутационного капитала у самих акторов травелога;

4.3. *трансформация взглядов на действительность самих акторов травелога и публики под воздействием репрезентационного материала.*

С учетом существующих подходов к концептуальному осмыслению понятия «травелог», мы предлагаем следующее наиболее общее его определение: *Травелог – это форма креативно-практической деятельности субъекта (акторов), направленная на выполнение определенной миссии, которая связана с преодолением в ходе её реализации естественных (природных, географических, этно-культурных) и «искусственных» (лингвистических, коммуникативных, экономических, политических, технологических и др.) трудностей, и ставящая своей конечной целью получение новых данных, знаний, впечатлений о действительности, которые репрезентируются в разнообразных формах (текстовых, визуальных, медийных), представляющих интерес для общественности.*

Проведенный нами обзор работ, в которых авторы стремятся теоретически осмыслить понятие «травелог» или родственных ему по смыслу терминов («путешествие», «туризм», «путевое письмо» и др.), свидетельствует о том, что тема травелога еще далека от её многостороннего и глубокого теоретико-методологического исследования.

1.2. Концептуальная структура травелога: диахронный аспект

Травелог как форма творческого освоения мира человеком проделал большую эволюцию вместе с человеком и его историческим развитием: менялись способы социально-исторической жизнедеятельности человека и человечества, происходила смена способов предметно-практического и духовно-практического освоения (осмысления) мира человеком. Первоначальная, древняя форма освоения мира в мифопоэтических и мифологических практиках подвергалась расслоению: выделялись искусство, религия, философия, наука, мораль, литература. Но центральная смысловая идея обязательного прохождения некоего Пути, в процессе которого человека, совершающего его, поджидает множество трудностей и испытаний – остается в ядре всех продуктов человеческой культуры. Это показывает нам многообразие видов и жанров травелога. Взглянуть на саму жизнь человека (а в мифах и религиях народов мира – и на смерть) как на путь, представить ее как Великое путешествие, исполненное многих опасностей – вот смысложизненное значение травелога.

Фундаментальная процессуальность человеческого бытия, являющегося частью вселенского, рождает необходимость отправляться в путь, а поскольку многое в нем остается неведомым и потому опасным, то путник неизбежно претерпевает множество приключений (которые он, может быть, переживает не все). Обо всем этом человечество с самого своего рождения рассказывает само себе, пытаясь извлекать опыт и смысл, для того, чтобы, в конечном итоге, познать себя.

Травелог сопровождает разнообразные формы жизнедеятельности человека, подчеркивая в них моменты движения, странствования. Как всевозможные перемещения в пространстве и времени (реальные или вымышленные) составляют необходимую, сущностную сторону человеческого бытия (именно бытия, а не существования), так и проговаривание человечеством самому себе того, что претерпевает оно на этих путях – становится всеобщей универсальной характеристикой человеческого способа жизнедеятельности. О том, что непрерывное движение является универсальным и фундаментальным свойством человеческого бытия, специально говорилось в Докладе Центра стратегических исследований Приволжского федерального округа «Государство и Антропоток»⁸⁶. Мы же, со своей стороны, можем добавить, что понятие «антропоток» включает также и всемирное растекание человечества «по лику земли», и непрерывный процесс изменения, которое происходит в результате постоянных (одиночных или коллективных) странствий и путешествий в поисках сущностей и смыслов, в поисках «земли обетованной», в поисках стран и приключений.

Травелог – это, с одной стороны, – определенная разновидность социокультурной практики, а, с другой – форма повествования, рассказ о связанных с данной практикой переживаниях, впечатлениях и изысканиях.

Травелог как повествование о странствиях, приключениях, путешествиях, экспедициях, происходящих в реальных или вымышленных пространственно-временных координатах, является *разновидностью коммуникативно-творческой деятельности человека (или группы людей), поскольку он*

⁸⁶ Государство и Антропоток. Доклад Центра стратегических исследований Приволжского федерального округа. М.: ПФО, 2002. URL: <https://oko-planet.su/politik/society/201392-gosudarstvo-anthropotok.html>. Дата публикации: 23.07.2013.

производит и предоставляет вниманию публики новую информацию об окружающем мире и о самом человеке.

В течение столетий было накоплено множество произведений в жанре травелога, объединенных общим понятием «литература путешествий» (*The Literature of Travel*⁸⁷). Самые ранние литературные формы травелогов представлены многообразными вариантами древних мифов, эпических повествований о приключениях и подвигах героев, пережитых и свершенных в процессе путешествий и странствий. Действительно, мифотворчество практически всех народов мира содержит сказания о странствиях и подвигах героев.

Рассматриваемый в *диахронном плане*, травелог как форма коммуникативно-творческого освоения мира, претерпел определенные метаморфозы в своем структурном развитии, проделав путь от древних мифопоэтических образов до рационально-теоретических видов деятельности и научных способов репрезентации своих открытий и изысканий (отчеты экспедиций, путеводители, лоции, карты и схемы, методологические и методические исследования и рекомендации).

Диахронный аспект позволяет посмотреть на концептосферу травелога с точки зрения историко-культурного наращивания её «слоистой» структуры: над наиболее древними мифопоэтическими и мифологическими слоями исторически наслаиваются все более рационализированные формы восприятия и осмысления действительности вплоть до появления их рационально-теоретических конструкций. Наслаивание всё более рационализированных структурных образований в дискурсе травелога совершается от эпохи к эпохе. Это связано с развитием самого процесса идентификации и позиционирования акторов травелога, которое обусловлено следующими фазами когнитивно-исторического формирования дискурса травелога: 1) выделение индивидуального самосознания из безлично-синкретических мифологических форм творчества; 2) возникновение процедуры понятийно-образного конструирования мира по мере отхода от ми-

⁸⁷ Объем только англо-американской «литературы путешествий» за 200 лет весьма впечатляет: *The Literature of Travel, 1700–1900 // The Cambridge History of English and American Literature in 18 Volumes (1907–21). Vol. 14. The Victorian Age, Part Two. URL: <http://www.bartleby.com/224/0700.html>.*

фопоэтического синкретизма; 3) переход к рационально-теоретическим формам освоения внешнего и внутреннего мира.

Данный процесс получает своё литературное выражение в развертывании жанровой структуры травелога: от мифологических, фантастических историй о странствиях богов и героев в устных легендах и преданиях (Книга Еноха, Исладские саги, Манас, Калевала, Рамаяна и Махабхарата, Песнь о Нибелунгах и т.п.) – до первых попыток авторских фиксаций перипетий реальных путешествий, нашествий, завоеваний, опасных передвижений героев, часто встречающих гибель на своём пути. Параллельно этому идет процесс формирования и манифестации психологических переживаний и страданий субъекта, рассказывающего о своей судьбе. В итоге происходит историко-культурное и духовное самоосмысление индивидуального жизненного пути актора совершаемого путешествия во внешний и внутренний миры, что находит своё воплощение в появлении и развитии новых жанров травелога – от древнеегипетского памятника письменности «Разговор разочарованного со своим Ба (душой)» к «Исповеди» (Августин, Абельяр, Руссо, Толстой) и далее – к романам «Годы странствий Вильгельма Мейстера» (И. Гёте), «Путешествия на край ночи» Ф. Селина, к пьесе «Годы странствий» А. Арбузова и др.

Подход к травелогам как к многослойной сложноорганизованной концептосфере закономерно ставит вопрос о необходимости специального рассмотрения таких методологических инструментов его анализа как «архетип», «концепт», «символ», «смысл». В отечественной литературе вопрос о соотношении и корреляции данных понятий получил свое развитие в работах В.З. Демьянкова⁸⁸, В.В. Колесова⁸⁹, И.Т. Касавина⁹⁰ и др.

⁸⁸ Демьянков В.З. Понятие и концепт в художественной литературе и в научном языке // Вопросы филологии. 2001. № 1 (7). С. 35–47.

⁸⁹ Колесов В.В. Основы концептологии. СПб.: Златоуст, 2019. 775 с.

⁹⁰ Касавин И.Т. Текст. Дискурс. Контекст. Введение в социальную эпистемологию языка / И.Т. Касавин. М.: Канон + РООИ «Реабилитация», 2008. 554 с.

Специфика таких литературных форм творчества как мифы, сказания, народный эпос и др. давно заставила обратить пристальное внимание исследователей на понятие «архетип», предложенное в свое время К.Г. Юнгом⁹¹. Российские авторы – С.С. Аверинцев⁹², Ю.М. Лотман⁹³, М.К. Мамардашвили и А.М. Пятигорский⁹⁴ и др. – указали на ряд эвристических свойств данного понятия, охарактеризовали соотношение категорий «архетип», «символ», «концепт» в системе культуры. Отдельного рассмотрения заслуживает понятие «архетипический концепт», которое в последнее время получает довольно частое научное употребление.

В современной литературе дается следующее определение архетипическому концепту: «...это ментальная система обработки, хранения и репрезентации культурных первообразов, составляющих коллективное бессознательное, представляющая собой системно организованное, саморазвивающееся смысловое пространство, формируемое архетипическими смыслами и реализуемое языковыми средствами»⁹⁵. В свою очередь, «архетипический смысл понимается как мифообразующий структурный элемент смыслового пространства архетипического концепта, имеющий обобщенный чувственно-образный характер, дифференцируемый по степени сложности, абстракции, динамизма, получающий языковую объективацию в текстах народного и индивидуального творчества»⁹⁶.

⁹¹ Юнг К.Г. Архетип и символ / К.Г. Юнг. М.: Канон, 1991. 334 с.

⁹² Аверинцев С.С. «Аналитическая психология» К. – Г. Юнга и закономерности творческой фантазии // О современной буржуазной эстетике. Сборник статей. Выпуск 3 / составитель В.И. Тасалов; ответственный редактор Б.В. Сазонов. М.: Искусство, 1972. С. 110–155.

⁹³ Лотман Ю.М. Семиосфера. С. – Петербург: Искусство-СПБ, 2000. 704 с. С. 240–249.

⁹⁴ Мамардашвили М.К., Пятигорский А.М. Символ и сознание. Метафизические рассуждения о сознании, символике и языке. М.: Школа «Языки русской культуры». 1997. 224 с.

⁹⁵ Богданова И.А. Функционирование архетипического концепта «вода» в текстах народного и индивидуального творчества: специальность 10.02.19 «Теория языка»: дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2006. С. 8.

⁹⁶ Там же. С. 8–9.

Структурно архетипический концепт, в сущности, родственен архетипу. «А. (архетипы) – писал С.С. Аверинцев, – это не сами образы, а схемы образов, их психологические предпосылки, их возможность. Словами Юнга, А. имеют не содержательную, но исключительно формальную характеристику, да и ту лишь в весьма ограниченном виде. Содержательную характеристику первообраз получает лишь тогда, когда он проникает в сознание и при этом наполняется материалом сознательного опыта. Его форму Юнг сравнивает с системой осей какого-нибудь кристалла, которая до известной степени преформирует образование кристалла в маточном растворе, сама не обладая вещественным бытием. Процесс мифотворчества поэтому есть не что иное как трансформация А. в образы, «невольные высказывания о бессознательных душевных событиях» на языке объектов внешнего мира»⁹⁷. Таким образом, в продуктах сознательного духовного творчества имеет смысл говорить об архетипическом содержании, архетипических смыслах и предпосылках, но не о собственно архетипах как таковых. Введение в оборот такого нового исследовательского инструментария неизбежно ставило проблему междисциплинарного подхода.

В лингвокультурологических исследованиях, реализующих тенденцию к междисциплинарному синтезу рассмотрения явлений культуры, в последние годы утвердился термин «концепт», который стал системообразующим ядром для возникновения понятий «концептосфера»⁹⁸ и «политическая концептосфера»⁹⁹.

Одним из первых в отечественной литературе, кто обратил внимание на специфическую структуру и функции концепта (в отличие от понятия и категории) в познании, был С.А. Аскольдов. По его определению, концепт «есть мысленное образование, которое замещает нам в процессе мысли определенное множество предметов одного и того же

⁹⁷ Аверинцев С.С. Архетипы // Мифы народов мира: в 2-х томах. Том первый. М.: Издательство «Советская энциклопедия», 1980. С. 110.

⁹⁸ Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Русская словесность: От теории словесности к структуре текста: Антология / под общ. ред. В.П. Нерознака. М.: Academia, 1997. С. 280–287.

⁹⁹ Макаренко В.П. Политическая концептология: обзор повестки дня. М.: Праксис, 2005. 368 с.

ряда»¹⁰⁰. Ю.М. Лотман, ставя аналогичную задачу выявить «универсалии культуры», без чего невозможно говорить о ее типологическом изучении, обращает внимание на процессы перехода ментальных сущностей из довербального состояния – в сферу словесного творчества, где особое место занимает явление, получившее название «метаязык культуры» и который пользуется особенной формой постижения действительности – *концептами*. Так складывалось представление о концепте-архетипе¹⁰¹ и даже стали выстраиваться типологии их¹⁰². Большое внимание, неизбежно, уделяется структуре концепта. Исследователи предлагают типологии концептов как ментальных образований. По признаку стандартизованности различают индивидуальные, групповые и общенациональные концепты, по содержанию – представления, схемы (картинки), понятия, прототипы, фреймы, сценарии, гештальты и др.¹⁰³

В.И. Карасик предлагает интегративный подход к пониманию концепта. Для него концепт – это трехмерное образование, которое включает предметно-образную, понятийную и ценностную составляющие¹⁰⁴. В итоге развития многомерного подхода к пониманию концепта возникла целая теория концептосферы¹⁰⁵.

¹⁰⁰ Аскольдов С.А. Концепт и слово // Русская словесность: от теории словесности к структуре текста: антология. М., 1997. С. 2.

¹⁰¹ Богданова И.А. Функционирование архетипического концепта «вода» в текстах народного и индивидуального творчества: специальность 10.02.19 «Теория языка»: дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2006.

¹⁰² Бабушкин А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. Воронеж: Изд-во Воронеж. гоу ун-та, 1996. 104 с.

¹⁰³ Карасик В.И. Концепты-регулятивы // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. М.: МАКС Пресс, 2005. Вып. 30. С. 95–108; Попова З.Д., Стернин И.А. Семантико-конитивный анализ языка: монография. Воронеж: Истоки, 2006. 226 с.

¹⁰⁴ Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Москва: Гнозис, 2004. С. 106–107.

¹⁰⁵ Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Русская словесность: от теории словесности к структуре текста: антол. / Институт народов России [и др.]; под общ. ред. В.П. Нерознака. М., 1997. С. 280–287; Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Школа «Языки русской

Рассматривая дискурс травелога и составляющие его концепты, мы полагаем возможным говорить о «концептосфере травелога», внутренние структурные связи которой образуют его дискурс, обладающий целым рядом важных свойств (аксиологических, институциональных, кратологических и др.), определяющих его роль и значение в культуре.

Исследователи отмечают сложность концептуальной структуры, которая находит выражение в различных единицах языка и речи, суммируя (соединяя) множество ассоциативных рядов, интенсивность которых затухает по мере удаления от основного смыслового ядра. «Концепт, – согласно В. И. Карасику и Г. Г. Слышкину, – группируется вокруг некой «сильной» (т. е. ценностно акцентированной) точки сознания, от которой расходятся ассоциативные векторы... Наиболее актуальные для носителей языка ассоциации составляют ядро концепта, менее значимые – периферию. Четких границ концепт не имеет»¹⁰⁶.

Концепты обладают изменчивой природой, поскольку содержащаяся в них интенсивность оценочного момента может меняться. Меняются также образные составляющие концепта, а также его фактуальные (понятийные) компоненты. «Концепты, – отмечают З. Д. Попова и И. А. Стернин, – внутренне организованы по полювому принципу и включают чувственный образ, информационное содержание и интерпретационное поле. Структура концепта образована когнитивными классификаторами и объединяемыми ими когнитивными признаками, которые различаются по степени яркости в сознании их носителей и упорядочиваются в структуре концепта по полювому признаку»¹⁰⁷. В структуре концепта можно выделить три основных компонента – образ, информационно-понятийное содержание (ядро / базовый слой) и интерпретационное поле (дополнительные признаки).

культуры», 1997; Слышкин Г. Г. Лингвокультурный концепт как системное образование // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». 2004. № 1. С. 29–34 и др.

¹⁰⁶ Карасик В. И., Слышкин Г. Г. Базовые характеристики лингвокультурных концептов // Антология концептов / под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. М.: Гнозис, 2007. 512 с. С. 12.

¹⁰⁷ Попова З. Д., Стернин И. А. Основные черты семантико-когнитивного подхода к языку // Антология концептов / под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. М.: Гнозис, 2007. 512 с. С. 8.

Образ – это целостное, но неполное представление некоторого объекта или класса объектов о действительности в каком-либо аспекте. Образ не является отдельным впечатлением, однако он достаточно систематизирован, чтобы говорить о целостности восприятия. Помимо субъективности, для образа характерна также возможность его интерпретации в зависимости от социокультурного контекста современности¹⁰⁸.

Информационно-понятийное содержание (ядро) концепта включает набор когнитивных признаков, определяющих основные, наиболее важные отличительные черты концептуализируемого явления или предмета¹⁰⁹. Интерпретационное поле концепта содержит такие дополнительные компоненты как оценки, стереотипы, символические смыслы, идеологемы, абстрактно-логические представления.

По признаку уровня общности различают индивидуальные, групповые и общенациональные концепты, по содержанию – представления, схемы (картинки), понятия, прототипы, фреймы, сценарии или скрипты, гештальты и др. *Представление* – это мыслительная картинка как обобщенный чувственный образ предметов или явлений. *Схема* – это мыслительный образец предмета или явления, имеющий пространственно-контурный характер (геометрический аспект представления, общие контуры чего-либо). *Понятие* – это категориальный, дающий представление о типичном члене концепт, содержащий наиболее общие, существенные признаки предмета или явления, его объективные, логически конструируемые характеристики. *Прототип* – это образ типичного представителя класса, фактически, – образное ядро концепта. *Фрейм* – объемный многокомпонентный концепт, представляющий собой «пакет» информации, знания о стереотипной ситуации. *Сценарии* или *скрипты* – динамически представленные фреймы, разворачиваемая во времени последовательность этапов, эпизодов, элементов. *Гештальт* – целостный образ, который совмещает в себе чувственные и ра-

¹⁰⁸ Концепт и архетип Сатаны: современное состояние // НЕ-Учение Тьмы. Сатанизм, XXI век. Т. 2. Древний Город: Издание «Общества Сознания Смерти», 2011. 416 с. С. 82–123. URL: <http://warax.net/76/archetype.html>

¹⁰⁹ Даниленко Н.Б. Структурные особенности концепта // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 13 (267). Филология. Искусствоведение. Вып. 65. С. 37–40.

циональные компоненты в их единстве и целостности, как результат целостного, нерасчлененного восприятия ситуации, высший уровень абстракции: недискретное, неструктурированное знание. Сам же концепт «мыслится как родовой термин по отношению ко всем остальным, выступающим в качестве его видовых уточнений»¹¹⁰.

Большое методологическое значение имеет идея о тесной взаимосвязи дискурса и концепта. Поскольку дискурс пронизывает и организует коммуникацию, протекающую через посредство разнообразных «единиц» языка и речи, то при ближайшем рассмотрении он представляет собою относительно целостную систему концептов, группирующихся вокруг определенного, относительно устойчивого смыслового ядра. Эта система задает различные части семиотического пространства культуры, находящие разнообразное выражение во множестве связанных текстов.

Концепты «конденсируют» коллективное сознание в некоторое количество дискретных единиц. Различные «наборы» концептов формируются посредством дискурсов. Концепты хранятся в глубинах национального самосознания и национальной памяти. Облеченные в дискурсные формулы, они объективируются в корпусах текстов, хранящих и транслирующих национальную культуру. Концепты многообразны по формам репрезентации, поскольку могут быть представлены прецедентными текстами, этикетными формулами, речеповеденческими тактиками, отражающими паттерны социальной практики.

Система важнейших концептов, представляющих концептосферу национальной культуры, обладает архетипическими свойствами. Это означает, что в ней присутствуют слои «неизреченного», интуитивно постигаемого, поскольку в архетипических образованиях реализуется мощный элемент коллективного бессознательного («непроговоренные» слои национальной культуры). Эти элементы обуславливают «непереводимость» (несоизмеримость) разных культур, невыразимость одной культуры в концептах другой из-за расхождений («зазора», «разрыва») ценностей и смыслов, питавшихся исходно различным культурно-историческим опытом. Эти же слои «ответственны» за предрассудки и стереотипы, в которых объективируются распространенные схематизмы

¹¹⁰ Карасик В.И. Там же. С. 132–133.

антропологических практик. Они хорошо видны при сравнении концептосферы национального самосознания различных культур и понятийно-категориального аппарата национального мышления: в последнем рациональные компоненты доминируют, определяя доступную соизмеримость, взаимопереводимость значений и смыслов.

Переходя к рассмотрению концептосферы травелога, необходимо отметить, что она претерпела значительные трансформации, связанные с определенными этапами исторического развития культуры и происшедшими изменениями в способах освоения действительности.

Исходными структурными элементами, с которых начиналось формирование концептосферы травелога, выступают *архетипические концепты*. По В.И. Карасику, термином «архетипический концепт» обозначаются «активно транслируемые, закрытые для модификации, неперебиваемые в иные формы выражения и не допускающие критического восприятия концепты, т.е. архетипические ментальные образования особого типа/класса, имеющие специфические характеристики, обладающие способностью внедряться в сознание участников общения, отключать критическое восприятие и активно распространяться»¹¹¹. Согласно У.А. Савельевой, архетипический концепт обладает следующими конститутивными признаками: а) размытость оценочно-маркированного образа, не поддающегося рациональной рефлексии и базирующегося на дуальной категоризации мира, проявляющийся как след коллективного опыта в индивидуальном сознании; б) ориентация на важнейшие витальные ценности бытия и вытекающая отсюда универсальность для человечества; в) бинарный оценочный характер, выражающийся в неделимой диаде положительной и отрицательной оценок¹¹². Архетипическому концепту присущи такие параметры как доминирование ярко выраженной образно-чувственной компоненты и выражение базовых ценностных установок при реализации фундаментальных сценариев жизни.

¹¹¹ Карасик В.И. Архетипические концепты в общении // Прямая и непрямая коммуникация. Саратов, 2003. С. 39–52.

¹¹² Савельева У.А. Архетипический лингвокультурный концепт «предательство»: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Астрахань, 2008. 29 с. С. 4.

Образно-чувственная доминанта архетипических концептов мерцает, «дрожит», «вибрирует» в широких полях ассоциаций и отождествлений. При дальнейшем наращивании и наслаивании рациональных компонентов внутри концептосферы травелога, архетипические концепты не растворяются в новых формах освоения реальности, а продолжают своё воздействие на общественное сознание в виде предлагаемых архетипических образов, стереотипов и фреймов.

Каждый ключевой концепт травелога, относящийся к ядру его концептосферы, не просто многослоен, но еще и коррелирует с другими, родственными ему по смыслу концептами, указывающими на иные, дополнительные стороны и свойства травелога. В этой связи обратимся к таким «ядерным» концептам травелога как Путь и Путник. Их содержание раскрывается через множество близких по смыслу, но, в то же время, отличных по ряду параметров концептов. Концепт Путь может быть развернут посредством обращения к таким близким ему по смыслу образным понятиям как Дорога, Жизненный путь, Путь познания, Испытание, Приключение, Подвиг и т.п. Концепт «Путник» может быть ситуативно разложен на более конкретизированные концепты – Путешественник-первооткрыватель, Бродяга (Агасфер), Странник (Пилигрим), Гид (Проводник, Вождь и Полководец), Гость, Шпион (Соглядатай), Сталкер. Наконец, Путник – это в глобальном смысле – все мы, люди, бредущие по своему жизненному Пути. В итоге смысловой репертуар концептов «Путь» и «Путник» существенно расширяется, он обогащается всё новыми значениями, приобретает дополнительные образные выражения.

То же самое можно сказать относительно концепта «Приключение» как важного структурного компонента концептосферы травелога. В. Янкелевич описал жизнедеятельность человека как приключение (Adventure)¹¹³. Приключение (Подвиг) – это всегда выбор («Направо пойдешь.., налево пойдешь...»), герой мифологический в подвигах (Геракл, Тезей) проявляет изначально присущие ему свойства, герой литературного травелога (романа, документальной повести

¹¹³ См.: Малышев М.А. Феноменология приключения // Аффективные переживания и поиски смысла жизни. Екатеринбург: ИМС: УрГУ, 2006. С. 173–187.

и т. д.), как известно, именно через подвиги (которые суть не простой выбор) обретает героические черты.

Процесс наращивания рационально-теоретических компонентов в концептосфере травелога выражается в появлении весьма специфических продуктов его репрезентации, к которым можно отнести социальные и социально-политические «утопии»: изначально конструируется вымышленный мир, и путешествие по нему подается как приглашение к размышлению (Т. Мор «Книга столь же забавная, сколь и полезная... о наилучшем устройстве общества», Ф. Бэкон «Новая Атлантида», О. Хаксли «Этот прекрасный новый мир» и др.).

С появлением в Новое время эмпирических и теоретических методов научного познания рационально-теоретический подход к конструированию реальности достигает своего апогея. Происходит взрывообразное развертывание многообразных жанровых вариантов концепта Пути: это и путешествия по странам и континентам («Хождения за три моря» Афанасия Никитина, «Записки Марко Поло» и т. п.), это и «биографии» великих людей, показывающие сложный и противоречивый процесс формирования их величия, это и сказочно-фантастические приключения («Двадцать тысяч лье под водой», «Вокруг света за 80 дней», «Дети капитана Гранта» Жюль Верна, «Земля Санникова» Владимира Обручева и т. п.).

С развитием рационального конструирования возникают каноны строгого объективно-достоверного описания движения (Пути) научной мысли в процессе разыскания истины: планы и отчеты научных экспедиций – астрономических, географических (экспедиция капитана Г. Невельского с целью определения Сахалина – остров или полуостров), геологических и палеонтологических (экспедиции И. Ефремова в Эвенкии и пустыне Гоби), планы и отчеты о «ключевых» экспериментах (опыт Майкельсона-Морли и т. п.), вплоть до методологической и методической литературы, научающей правильному движению мысли в поисках истины.

Меняется представление о роли и значении *Подвига* в концепте Пути. Если ранее Подвиг был экстенсивным средством *демонстрации* удивительных свойств Героя, изначально ему присущих – силы, хитрости, отваги, верности и т. п. (подвиги «могучего» Геракла – демонстрация его невероятной силы, подвиги «хитроумного» Одиссея – демон-

страция его «природной» сметливости), то теперь именно Приключение рассматривается в качестве *интенсивного фактора* становления Героя и формирования его выдающихся качеств. Другими словами, именно благодаря переживаемым приключениям персонаж превращается в Героя.

Заметим сразу же, что идея Пути вытекает из так сказать «природы» героя – ведь он сын богов и людей, соединяет в себе чудесное могущество богов и смертность человека. Поэтому герой подвержен Судьбе (Року), он обречен умереть, несмотря на всю невероятность своих деяний (подвигов).

Эта исходная схема замечательного рождения (появления) героя – его подвигов – удивительной (героической) кончины составляет каркас Пути. Изначально здесь пространство имеет чисто служебное значение: способ смены декораций для очередного деяния. Герой в этих деяниях предстает совершенно готовым, так сказать, в полноте своих чудесных свойств, а последующая смена подвигов лишь позволяет полностью продемонстрировать все эти свойства, или все возможные стороны свойства.

Мы узнаем об этих подвигах мифологических героев из *безличных* сказаний и легенд, у которых нет *автора* (Геракл не оставил нам своих мемуаров). Развертывание странствий героя происходит через череду сцен, смену описаний, а связующей «материей» их между собой выступает Рок или воля богов.

Лишь со временем, в процессе разрушения синкретичного единства мифа и разрыва его замкнутой цикличности происходит формирование пространственного образа Пути – Странствия. Поэтому в исходной мифологической схеме имплицитно сохранились оба варианта Пути, реализованные в дальнейшем в культуре: Путь как *Странствие*, совершаемое в процессе пространственных перемещений («тридцать царств») и Путь как *обретение* героем своих замечательных свойств, где главным фактором выступает время – время взросления, воспитания чувств, закаливания характера, обретения жизненного опыта. Это есть *странствия души* человека по различным царствам чувств, памяти, характеров, способностей и талантов и т. п. Но это – и *жизненный путь*, т. е. время выбора, испытаний и становления личности (мифологический герой, как известно, не меняется внутренне, он только может расти, как Илья Муромец «тридцать три года просидевший на печи»).

Интенсивность Подвига как фактора Пути связана с его принципиальной амбивалентностью: здесь герой попадает в ситуацию разрыва постепенности, здесь поливариантность предельно заостряется, потенциально развертываясь от угрозы настоящей гибели до пустякового переполюха, переживаемого в шутке, смехе. Здесь персонаж накапливает свойства Героя, производя свой выбор, выбирая свой Путь и, следовательно, формируя себя. Если мифологический Герой подвержен Року (Ахиллес подчиняется своему року, «роковому» влечению к военным подвигам, как Одиссей – своей роковой тяге к странствиям), то литературно-художественный герой становится Героем в результате *своего выбора* (серии выборов), причем, трагический герой сам делает свой последний выбор. Мифологический герой просто не может не быть Героем, а литературно-художественный – может и не быть Героем, превращаясь в заурядную личность (обывателя) в литературе критического реализма (например, чеховские герои, осознающие, что когда-то они сделали не тот выбор или не сделали необходимого выбора, что предопределило последующую жизненную катастрофу). Подвиги и деяния, расширяясь в пространственно-временном отношении, превращаются из единовременного акта в протяженное действие, растягивающееся на всю человеческую жизнь. Это усложняет решение проблемы выбора героем, он вовлекается в огромное число текущих повседневных событий, часто делающих невозможным или крайне трудным делом целостный охват их совокупности для того, чтобы сделать правильный выбор. За это часто приходится расплачиваться герою самой тяжелой платой – дегероизацией. Путь, распавшийся на мириады мельчайших песчинок-ситуаций, путей-тропинок, поглощает героя, делая его персонажем и даже статистом (участником-песчинкой).

В травелог по мере роста популярности рационального знания начинают проникать строго научные понятия и категории (атом, молекула, химический элемент, система земных координат, и т. п.), общенаучные и специальные методы получения объективного и общезначимого описания, измерения и классификации объектов действительности. В то же время, отчеты о научных открытиях и изобретениях, решение фундаментальных проблем в исполнении авторов – выдающихся ученых и мастеров своего дела, – приобретают новые краски для живописания научного травелога как странствия человеческого ума в поисках новой информации о действи-

тельности и истины. Повествования и отчеты о научных открытиях в изложении великих ученых и путешественников выплескиваются на страницы научных, а затем и научно-популярных изданий, ими начинают зачитываться широкие слои населения.

Таким образом происходит эволюция концептосферы травелога: от мифологических первообразов-описаний странствий и путешествий мифологических героев, закрепленных традициями и обычаями, укорененных в седой древности, до современных многообразных видов и жанров травелога научного характера (научный отчет, монография, научно-методические пособия и рекомендации).

В завершении отметим, что травелог, рассматриваемый в диахронном плане, при всех своих трансформациях, продолжает оставаться формой (способом) творческого освоения мира человеком, активной практикой предметно-преобразующей жизнедеятельности человека. Сейчас бурно развивается индустрия туризма, которая превратила травелог (путешествие) в коммерческое предложение. Маркетингизация травелога – процесс закономерный в обществе массового потребления. У него можно обнаружить как сильные, так и слабые стороны. Посредством туризма многие люди обретают новые знания и впечатления, знакомятся с иными культурами и традициями, получают ценный опыт межкультурного общения. Всё это мы относим к сильным сторонам туризма. Говоря об его слабых сторонах, следует отметить стандартность и стереотипность предлагаемых турагентствами маршрутов для путешествий. Турист, как правило, не выходит за рамки предложенного «меню», действует по «расписанию», по определенной схеме, продвигается от одной предписанной локации в направлении другой. Такая начертанная заданность движения не позволяет в полной мере заниматься творческим расширением горизонта путешествия, делать значимые для общества открытия, т. е. приводит к значительному сужению функций, которыми наделён дискурс травелога, рассматриваемый в широком смысле.

1.3. Концептуальная структура травелога: синхронический аспект

Если от диахронного анализа травелога, взятого в его развитии от мифологического образа к концепту (культу-

рологии, литературоведения, лингвистики и др.), перейти к *синхроническому «срезу»*, т. е. к анализу травелога как уже «ставшего», сложившегося культурного феномена, то важно вновь подчеркнуть, что основные вехи исторического развития травелога отложились внутри его нынешней структуры в виде определенных культурно-когнитивных слоёв.

Любой концепт травелога – это открытая структура, способная вбирать и поглощать всё новые и новые элементы чувственно-образного и рационально-теоретического представления о мире и о человеке в этом мире.

В гетерогенной структуре травелога присутствуют компоненты различного вида: а) архетипические концепты, иногда называемые «мифологемами» (с неочевидным интуитивным содержанием); б) мифологические и мифопоэтические синкретические образы; в) рациональные схематизмы (строения, методы и способы развертывания содержания, аргументированные обоснования и т.п.); г) рационально-теоретические компоненты (понятия, категории, концепты, теории, картины мира).

В травелогe, взятом в синхроническом его ракурсе, сосуществуют друг с другом как слои *архетипического, иррационально-мифологического видения и освоения действительности*, так и когнитивные структуры, связанные с *рационально-теоретическими формами восприятия и репрезентации реальности*. Важно отметить, что в структуре концептов травелога архаическое, иррационально-мифологическое «начало» постоянно «просвечивает» через более поздние, «нарощенные» слои рациональности. Это относится не только к базовым («ядерным») концептам, но и ко всем смежным к ним концептам, раскрывающим определенные ракурсы Пути и Путника, а именно, – к концептам «Начало», «Зов/Вызов», «Врата», «Граница», «Толмач/Переводчик/» и др. Столь же многослойный характер имеют концепты «Посредник», «Проводник», «Трикстер».

Устойчивая связь концептов Путь и Путник представляет собой *схематизмы*, которые как силовые линии в кристалле пронизывают тело культуры, давая первичную опору нашим самым глубоким фундаментальным представлениям, связному мышлению и правильной, целесообразной речи.

Особое значение имеют концепты, характеризующие исходные и конечные моменты Пути – «Начало» (в ответ на Зов) и «Завершение» Пути (в том числе – Смерть). Путь,

соединяя эти точки, выступает неким «мостом» между ними. Образ *моста* (над бездной, над потоком, течением) играет важную наглядно-конструктивную роль: проброшенность моста над опасной бездной являет очевидную связь между Началом и Концом Пути. Он воплощает отягощенность опасностью пространственно-образной связки исходной и конечной точек Пути. Не менее важна присутствующая в образе моста идея противостояния потоку, символизирующая опасность разобщения. Дело в том, что образ моста над пропастью, над потоком, в котором легко мгновенно пропасть, является подтверждением важности поддержания связности многотрудного процесса движения от Начала до Конца Пути.

В мифе Начало Пути обычно сколько-нибудь отчетливо и содержательно не обозначено: «в некотором царстве, некотором государстве...», «жили-были...», «однажды...», хотя рождение мифологического героя обязательно отмечено каким-либо событием-знаком (чудесный характер рождения, ранние намеки на недюжинные способности и т.п.). Заслуживают внимания лишь немногие важные знаки: пята Ахиллеса, звезда на востоке, приход волхвов и т.п.

О начале Пути героя литературного повествования вообще мало что можно сказать: видимо потому, что обстоятельства его жизни еще не таят в себе ничего «героического», позволяющего ему выступать в этом качестве, а потому они и не заслуживают упоминания. Это уже в более поздней форме литературы будет внимательно исследоваться «происхождение мастера», предыстория героя, того, как все готовилось и начиналось (хотя «ничто не предвещало...»).

Начальная точка важна именно своим исхождением, в противном случае наступает недвижность, абсолютная неизменность, обретение покоя (а это – состояние божества, для человека это равно смерти). Но речь идет о герое, и с ним приходит множественность событий. Разумеется, в мифах много говорится о желанности обретения покоя (телесного и душевного), но коль скоро это состояние скорее божественное, нежели человеческое, то оно выступает некой заветной недостижимой целью («покой нам только снится»). Но даже в китайской культуре с ее известным неприятием перемен («чтоб вам жить в эпоху перемен!») идея движения, Пути и Путника пустила глубокие корни в национальную философскую традицию (особенно она просматривается в даосизме и конфуцианстве).

Травелог завершается в конечной точке Пути, в точке обретения сакральной цели: повествование умолкает, ибо других заслуживающих упоминания и внимания деяний там уже не происходит. В самом деле, даже если герой достигает заветной цели, то описывать дальнейшее уже нет никакого смысла: все самое главное исполнилось, и миф может лишь пробормотать о том, что «жили они долго и счастливо...». Позднейшая рефлексия иронически добавит: «и умерли в один день», или «и я там был, мед-пиво пил...». Действительно, абсолютное завершение Пути обусловлено исполнением завета, достижением заветной цели, которая и есть внутренний смысловой каркас Пути, создающий смысл Пути, а вовсе не занудностью описания жизни героя «на пенсии» (как он дряхлеет и все его прежние фантастические качества мало-помалу обращаются в свою противоположность: сила – в бессилие, ум – в слабоумие, зоркость – в подслеповадность и т. п.). Поэтому «настоящий» герой всегда трагичен: он умирает (погибает) в момент обретения цели. Повествование умолкает, хотя и здесь возможны своеобразные продолжения: высшие силы взимают героя к себе на небеса, в свою неизменную вечность. Но что может быть сказано про то человеческим языком? Практически, ничего, потому как – «неизреченно сие». Известно из религиозной мифологии о праведниках, сподобившихся увидеть столь невиданное и услышать столь неслыханное, что их речи становятся крайне смутными, странными, ибо в человеческой речи нет и не может быть ничего, что позволило бы вести сколько-нибудь содержательный разговор.

Концептуальная эманация тесной связки Пути и Путника проступают через *структурное развертывание* самого Пути: Начало Пути – «Вызов» («Зов»); Порог (пересечение границы знакомого и чужого мира; «Врата», с которых начинается Испытание Путника, т.к. в норме они обычно заперты и для их отпираания нужен «Ключ» (код, шифр), только тогда Страж отпирает Врата; затем следуют собственно Испытания-Инициации, которые должны подтвердить, открыть свойства Героя – Путника и, наконец, – Возвращение. Отчасти на это намекает образ Моста, соединяющего Начало и Конец, вознесенного над бездной потока, шаткого или каменно-прочного¹¹⁴.

¹¹⁴ Не случайно герои-богатыри русских сказок бьются

Обратимся теперь к рассмотрению эманации концепта Путник, находящегося в парной связке с концептом Пути.

Образ Путника перекликается с характеристиками Пути, по которому он идет: прямыми путями ходят Герои, окольными и кривыми тропами – Антигерои, отрицательные персонажи. Путь вверх совершают Герои, праведники, изъятые ангелами на Небо, Путь вниз совершают обычно Герои, отягощенные каким-либо страшным обязательством (зарок), связанные клятвой и т. п. Они должны спуститься в царство мертвых, царство смерти и там – либо добыть какое-то важное качество, либо вернуть «неправильно» попавшего туда, вернуть его в царство жизни, исправив какую-то несправедливость или оплошность, т. е. все равно его конечным отрезком Пути будет путь наверх.

Путник, взятый во всей полноте своих проявлений – фигура амбивалентно аранжированная в мифологии: это и герой, это и антигерой, это и *Странник*.

Странник – фигура интересная во многих отношениях. Странник путешествует-передвигается «по *странам*» (света, континентам). Но коль скоро он взят в своем чисто процессуальном аспекте, т. е. в незавершенности, то он с точки зрения качеств героя – еще никакой, а потому – *странный* (неизвестный, неопределенный, непроявленный). Странник своей странностью (невписанностью во что-нибудь стабильное) вызывает подозрения и скрытую агрессию. Не случайно, Странники и Путешественники как исследователи чужеземных пределов всегда вызывали настороженно-враждебное отношение у окружающих и подводились либо под понятие *Шпионов* (Разведчиков-Соглядатаев), либо – Праздношатающихся и Любопытствующих всуе (бездельников, которым нечем себя занять, пребывающих в вечной хандре и тоске).

Образ жизни Странников («каликов переходящих»), которые только тем и занимаются, что передвигаются от одной святыни к другой, от одной достопримечательности – к другой, но так и не прибывают к какой-нибудь постоянной основе (профессии, месту жительства, социальной группе), оправдывало именно эта жажда приобщения к святыням, т. е. высшим ценностям. Но именно этим своим стремлением к высшим ценностям Странники производят сме-

с враждебной силой на «Калиновом мосту», через речку «Сморозинку».

щение (трансформацию) представления о самом *смысле* Пути, делая центральной идеей не смыкание крайних точек Пути (Начало и Конец), – а *процессуальность* его осуществления, так, что сама реализация Пути как процесса становится собственно его смыслом. При этом всякие остановки на Пути рассматриваются либо как вынужденные, вызванные внешней нуждой, либо как признак критического состояния самого Странника, которое может в итоге привести к обесмысливанию самого процесса Странничества. Поэтому Странники «бегучи», неудержимы на одном месте, они маргинальны по отношению к основной массе людей, пребывающей в социально-упорядоченном, хотя и динамичном социуме. Странник – это образ «перекати-поля», неустроенного кочевника, который предстает достаточно иррациональным персонажем для всех остальных.

Странность Путника, исследующего прозаическую повседневность иных стран (городов-весей), бросается в глаза местному населению, жестко «привязанному» к определенной жизненной колее. Путник, вызывающий подозрительность, обретает имя Разведчика (Шпиона, Лазутчика, Соглядатая).

Понятие «Разведчик» в научных травелогах приобретает метафорическое звучание: Путник превращается в Разведчика природных недр, нехоженных путей в науке и литературе, социумов, обретает особый (в том числе ценностный) статус. Быть разведчиком – это опасно, это ответственно (качество информации, свидетельства), но это и дает заманчивую возможность реализации риска, поиска приключений. Ответственность на Разведчике лежит двоякая – и перед исходной и конечной инстанциями, пославшими его в странствие, и перед различными лоциями как структурными компонентами Пути, в которых он собирает информацию.

В ряду производных концептов, выступающих формой конкретизации концептов «ядерного» плана, важная роль принадлежит концепту *Гость*.

Феномен гостеприимства развивается вместе с ходом культуры как осознание взаимной пользы дружелюбного отношения к путешественникам. Строго говоря, архаическое содержание явлений «Гостеприимство» и «Гость» распространялось на всех «чужих». Исследователь Ю.К. Колосовская отмечает: «Этимология слова – «гостеприимство» (*hospitium*) восходит к общеиндоевропейскому корню

и связана с родственными понятиями – *hospes/hostis*, когда этим словом обозначали не только «врага», «неприятеля», но и вообще «чужого человека», «чужака», «чужеземца, нарушающего границы... В древности гостеприимство представляло собой институт международный. Перемена в сознании людей произошла вследствие их длительного общения друг с другом, когда чужеземец не был больше врагом, но воспринимался как лицо, прибывающее из-за границы. Вместо слова *hostis* появилось слово – *peregrini* (peregrini), понимаемые как «чужеземцы», как люди «из-за поля»¹¹⁵.

Действительно, этимология слова – *hospitium* примечательна в том отношении, что она показывает развитие мышления человека древности, когда окружающий мир мыслился как разделенный на два противоположных мира – на мир чужой и мир свой, что в языке находило отражение: «человеком» именовался только представитель «своего» племени. Но с «чужими» необходимо было поддерживать некие отношения. Для нашего исследования важно отметить, что Гость и гостеприимец заключали договоры – частные, индивидуальные или общинные, государственные. Их сопровождали клятвы, обряды жертвоприношения богам и требования соблюдения определенных прав и обязанностей (весьма, надо сказать, разнообразных и выходящих далеко за представления о «хлебосольстве», взаимном уважении и т.п.). Так что гостеприимство открывается не только как явление частное, но и как важный инструмент международных отношений: «Привилегии гостя, прибывшего в чужую общину, состояли в бесплатном жилье, бесплатном питании (*lautia*), гостевом подарке (*heniolum*). Он имел также право участвовать в жертвоприношениях, быть приглашенным на торжественный обед, устраиваемый сенатом, смотреть на зрелища и в качестве посла находиться на особом помосте форума, так называемом грекостасисе. Гостю дарились подарки – золотые и серебряные – в зависимости от статуса лица, прибывшего в общину, и статуса лица, принимающего гостя в этой общине. В случае, если гость заболел, в обязанности гостеприимца входило оказание ему медицинской помощи, в случае смерти – обязанность погребения. К гостю был прикомандирован спе-

¹¹⁵ Колосовская Ю.К. Гостеприимство в системе *ius gentium* древнего Рима // *IVS ANTIQVVM*. Древнее право. 1999. № 1 (4). С. 86–98. URL: <http://elar.uniyar.ac.ru/jspui/handle/123456789/2166>.

циальный раб для услуг (*servus ab hospitii*). При гостеприимстве личное право гостя приобретало характер семейных связей. Гость имел право на участие в ужине со всеми членами семьи; при его приходе готовилась ванна; он участвовал в жертвоприношении домашним богам – очагу Весты, а также Ларам и Пенатам, т. е. приобщался к святыням дома. В доме, где размещался гость, имелись специальные комнаты, так называемые домики (*domuncula*). Двери дома, где принимали гостя, были открыты для его друзей и друзей хозяина дома. Это связывало гостя с интересами той общины, куда он прибыл, и одновременно способствовало упрочению связей между обеими общинами – родной и чужой... Сам гость, находясь в Риме, не был связан никакими правовыми нормами с римской общиной, ибо его право – было правом другой общины»¹¹⁶. Однако римский гражданин, обычно патриций, принимающий гостя в своем доме, «обязывался защищать его интересы и интересы общины, которую он представлял, а также оказывать поддержку в его судебных делах»¹¹⁷. Права, которые гость приобретал посредством своего римского друга, т. е. гостеприимца, делали его участником в делах римской общины.

В этом явлении обычно вызывают удивления две стороны – повсеместное распространение его у самых различных народов и контраст с повседневными нравами в Древности, когда первый встречный, не особенно задумываясь, мог убить путника. И здесь важно иметь в виду, что «охрана» статуса гостя возлагалась, скорее, не на человеческие установления, конвенции и законы, а на «божеские»: нарушение законов гостеприимства каралось как святотатство: «Гостеприимство или его пережитки в качестве кровнородственных связей существовали в римской общине всегда. Важнейшей чертой гостеприимства было право гостя в области религиозно-нравственной. Прибывая в другую общину, гость, как лицо бесправное, мог полагаться больше на защиту божеского права, чем человеческого. Существовало твердое понятие о праве гостеприимства (*iushospitii*), которое нарушить было невозможно вследствие общенравственных законов человеческого общества. Оскорбить гостя у германцев считалось грехом. Нарушение законов гостеприимства, ког-

¹¹⁶ Там же. С. 88.

¹¹⁷ Там же. С. 88–89.

да оно совершалось за пиршественным столом, осуждалось особо сурово. Существовало понятие о святости стола и стоявшей на нем еде (*sacramensa*). Нарушить трапезу за столом считалось делом безбожным, ибо приглашенный за стол считался лицом неприкосновенным¹¹⁸.

Сакральный характер гостя подчеркивался неизменным присутствием совместного поедания специальной еды, которой отводилась важнейшая роль в установлении и скреплении нового союза, и которая превращала «чужого» (гостя) и гостеприимца в «своих».

В XVI–XVII вв., с развитием международной торговли появляется купеческая категория – *гости*. Гости имели право торговать с другими городами и странами. Гости вели только оптовую торговлю. К середине XVII века гости стали высшей категорией привилегированного русского купечества.

Еще один вариант Путника, достаточно разнообразно разработанный в мировой художественной литературе: «*Авантюрист*» (фр. *aventurier*) – искатель приключений, беспринципный человек, занимающийся авантюрами (по Ожегову¹¹⁹).

Существует ряд альтернативных определений, например, искатель счастья, приключений; землепроходец, проходимец; беспринципный человек, занимающийся авантюрами. В большинстве других языков слово не несет негативной окраски, например в Англии существовала торговая *Компания купцов-авантюристов* (англ. *Merchants adventurers*), основанная ещё в начале XV века и одно время считавшаяся серьёзным конкурентом Ганзы, в начале XVII века была реорганизована в *Гамбургскую компанию* (прекратила своё существование в 1808).

В истории Европы XVII–XIX вв. принято выделять категорию людей сомнительной, подчас скандальной, репутации, оставившую заметный след в событиях той эпохи. Как правило, они много путешествовали, активно занимались политикой, подозревались в шпионаже и имели неустановленные источники доходов или были самозванцами, или же просто приписывали себе аристократическое или экзотическое

¹¹⁸ Там же. С. 90.

¹¹⁹ Авантюрист // Ожегов С.И. Словарь русского языка. Издание четвертое, исправленное и дополненное. Москва: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1960. С. 16.

происхождение. Особенно знаменитыми являются французские авантюристы XVIII в. Как отдельную категорию в русском языке следует рассматривать конкистадоров и прочих путешественников-первооткрывателей, хотя в английском языке их часто относят именно к *adventurers*.

Стефан Цвейг иронически по их поводу замечал: «Они носят фантастические формы какой-нибудь индоостанской или монгольской армии и обладают помпезными именами, которые в действительности являются поддельными драгоценностями, как и пряжки на их сапогах. Они говорят на всех языках, утверждают, что знакомы со всеми князьями и великими людьми, уверяют, что служили во всех армиях и учились во всех университетах. Их карманы набиты проектами, на языке – смелые обещания, они придумывают лотереи и особые налоги, союзы государств и фабрики, они предлагают женщин, ордена и кастратов; и хотя у них в кармане нет и десяти золотых, они шепчут каждому, что знают секрет *tincturae auri* (приготовления золота). При жадном дворе они показывают новые фокусы, здесь таинственно маскируются масонами и розенкрейцерами, там у каждого князя представляются знатоками химической кухни и трудов Теофраста. У сладострастного повелителя они готовы быть энергичными ростовщиками и фальшивомонетчиками, сводниками и сватами с богатыми связями, у воинственного князя – шпионами, у покровителя искусства и наук – философами и рифмоплетами. Суеверных они подкупают составлением гороскопов, доверчивых – проектами, игроков – краплеными картами, наивных – светской элегантностью, – и все это под шуршащими складками, непроницаемым покровом необычайности и тайны – неразгаданной и, благодаря этому, вдвойне интересной...»¹²⁰.

Авантюрами могут быть опасные приключения, бесцельные похождения, неожиданные происшествия, а также главные свершения жизни или деловые рискованные предприятия. Авантюрные *события* порождают психологическое и физиологическое возбуждение, которое может быть, как отрицательным, так и положительным. Для некоторых людей,

¹²⁰ Цвейг С. Три певца своей жизни: Казанова, Стендаль, Толстой: Биографическая повесть // Собрание сочинений: в 10 т. Т. 3. М.: ТЕРРА, 1996. С. 165. URL: https://www.mnogobook.ru/proza-main/klassicheskaya_proza/11671/fulltext.htm.

авантюра, рискованное приключение становится главным делом жизни. *Авантюра* – понятие, используемое во многих контекстах и ситуациях, в частности, это ключевой компонент рассказов, легенд, сказок, драм и спектаклей, широко используется в сюжетах книг, фильмов, музыкальных произведений, компьютерных игр.

Есть еще один персонаж, играющий определенную роль в травелоге: это – *Трикстер* (англ. *trickster* – обманщик, ловкач) – «демонически-комический дублер культурного героя, наделенный чертами плута, озорника»¹²¹. Трикстер может быть божеством, духом, человеком или антропоморфным животным, совершающим противоправные действия или, во всяком случае, не подчиняющееся общим правилам поведения. Как правило, трикстер совершает действие не по «злому умыслу» противления, а ставит своей задачей разыграть ту или иную жизненную ситуацию. Для трикстера важен именно сам процесс игры. В художественных произведениях трикстеры часто выступают в роли антигероев.

Занятно, что в современном информационном пространстве этому персонажу предоставляется огромное поле деятельности в качестве интернет-тролля. Интернет-тролли пользуются средствами из арсенала трикстеров (провокация, вызов конфликта, агрессивное хамство¹²²), добиваясь похожих результатов. Но есть существенные различия: Трикстер – придуманный людьми персонаж, интернет-тролли – реальные люди или коллективы, использующие маски. Поведение трикстера может выглядеть грубым и аморальным, но сами трикстерские (плутовские) истории предполагают некий моральный порядок, где трикстеру отведена своя, строго определенная роль. Деятельность интернет-троллей, напротив, открыто аморальна. Они ведут игру по собственным грубым правилам, производя компрометацию и травлю своих целевых объектов.

В связке Пути и Путника особой статусной ценностью обладает *Имя героя*: трудности проходимого Пути, преодоление с огромными усилиями встречаемых препятствий, преоб-

¹²¹ Трикстер // Мифологический словарь / гл. ред. Е. М. Мелетинский. М.: Советская энциклопедия, 1990. 672 с. URL: <http://bibliotekar.ru/mif/195.htm>.

¹²² Булатова Е. И. Сетевые коммуникационные стратегии: троллинг // Вестник СПбГУКИ. 2017. № 2 (31). С. 75–78.

ражают Путника, что позволяет ему дать новое имя. Но есть еще один вариант, когда именем Путника называется сам Путь, поскольку данный Путь стал прославленным самим героем-Путником. Такие именные Пути известны во всех культурах: Путь Будды, Путь Христа, Путь Магомета, Путь Суры, Митры, Озириса, Варуны, Аполлона и др.

С рождения героя (Путника) могут именовать любым именем, но овеянный славными делами жизненный Путь сообщает ему новое, статусное имя. К примеру, правящие особы получали такие яркие имена как Харальд Смелый, Филипп Красивый, Иван Грозный, Петр Великий, Екатерина Великая.

Важное значение при рассмотрении концептов Пути и Путника имеют связанные с их названиями *эмоции, чувства и оценки*. Мифологические схематизмы ценностно амбивалентны, следовательно, содержат противоположные оценки. Оценки Путника могут варьироваться от позитивно окрашенных (путешественник, землепроходец, первопроходец, первооткрыватель и т.п.) до содержащих негативные коннотации (скиталец, перекасти-поле, бродяга, чужеземец и т.п.). Соответственно Путь в положительном смысле рассматривается как большой жизненный путь, путь замечательный, героический, праведный и т.п. В негативном смысле – Путь предстает в виде скитания, ссылки, изгнания, побега, т.е. оценивается как несправедливый. В нейтральных оценках Путь – это путешествие, экспедиция, поход, поездка, плавание, полет и т.п. Пути могут быть кривыми и прямыми, доблестными, героическими или бесславными, гибельными. Существуют модели специально осложненных Путей. Это – Путь-Лабиринт, Путь-загадка, которые требуют дополнительных усилий в поисках решения пространственных или мыслительных задач.

Итак, Путь по своему *целевому назначению* может стать средством формирования героических качеств у Путника, способом проверки-испытания героя на предмет его стойкости, силы духа, способности исполнения клятвы (завета). Путь может также выступить в роли провокатора удовольствий и испытания авантюристских качеств Путника.

В любом травелоге Победа Путника, преодолевающего опасности трудного Пути (Приключения), означает, что он прошел Испытание и достиг поставленной цели. Самым сильным испытанием является Подвиг – смертельно опасный

Выбор Путника, в результате которого Путник становится Героем. В отличие от мифа, где Герою с самого начала предопределено совершение Подвига, в результате чего он умирает (таково его главное отличие от Богов, сыном которых он является), в литературных травелогах Путник становится Героем (а не просто «героем литературного произведения») в результате своего Выбора. Поэтому лучшей развязкой для читателя/слушателя/зрителя травелога является победа Путника над Путем, Испытаниями. Совершив Подвиг, Путник вполне может остаться живым и невредимым. Однако странствия и путешествия Путника по проторенным или непроторенным Путям не всегда завершается достижением поставленной цели (и не только в результате гибели самого Путника): часто Путь к заветной цели может оказаться принципиально неосуществимым (невозможным) в силу ряда причин, что может выявиться только в конце Пути.

Другой известный вариант победы Пути над Путником – вариант Агасфера. Здесь необходимость преодоления Пути не просто есть Рок, но – проклятье. Путь трактуется как наказание. И смысл его в том, что у этого пути нет конца. Мы знаем, что Герой (Агасфер) обречен на вечные скитания (странствия), его кончина органично «встроена» в его «героичность» (иначе это был бы бог). Непрерывные и нескончаемые странствия обесмысливают Путь или придают ему антисмысл страшного, невыносимого деяния. Это уже какой-то ненастоящий герой, поскольку он не обладает способностью завершить свой Путь. Путь, не пройденный, не имеющий конца, не позволяет герою героически свершиться.

Если учесть, что схема Пути традиционно включает такие векторы, как Путь вперед (прямой и кривой, нехоженный, окольный), Путь вверх и Путь вниз, а также, если учесть, что на каждом значимом этапе пути, когда необходимо существенное этапное деяние и герой должен делать выбор из нескольких вариантов («прямо пойдешь – коня потеряешь...»), то, в сущности, Путь предстает перед нами в виде «дерева решений»¹²³.

¹²³ Левитин, А.В. Алгоритмы: введение в разработку и анализ / Ананий Левитин; [пер. с англ. и ред. С.Г. Тригуб, И.В. Красикова]; Ун-т Вилланова. Москва [и др.]: Вильямс, 2006. 574 с. Глава 10. Ограничения мощи алгоритмов: Деревья принятия

В мифе, как известно, есть одно Древо – Древо Жизни. Оно же – Древо Познания. В каждой точке выбора Путь ветвится; ветви разрастаются в мощные главные или боковые (параллельные) стволы или засыхают и отламываются под ударами стихии (судьбы). В первооснове «Дерева решений» лежит архетип «Древа жизни» (и смерти). Древо жизни симметрично относительно наличной реальности и положения субъекта – оно уходит «вверх» («Крона»), и оно же уходит «вниз» («Корни», «Ризома»), в тьму бессознательно-индивидуального и коллективного). «Крона» – «светлая», рациональная сторона Древа Жизни (Древа Познания), плодоносная сторона («пожинаем плоды выбора»). «Корни» (Ризома) – темная иррационально-мифологическая сторона Древа Жизни (Древа Познания): там предтечи, предпосылки, там – неизреченное (как «еще не-изреченное», так и в принципе «неизреченное» как неизречаемое, глубины мерцания смыслов.

Обратим наше внимание еще на один схематизм – Возвращение¹²⁴. Наряду с Началом Пути¹²⁵ (когда Путник преодолевает границу миров (Порог) через Врата и устремляется к цели), вместе с кульминацией его – Подвигом (Приключением-Испытанием-Посвящением) обязательно присутствует такой компонент как Возвращение Путника. Концепт Возвращения играет важную роль в завершении (исполнении) Смысла Пути и всех тех превращений, которые претерпевает Путник по дороге к Цели. Даже «путь

решения. С. 409–417.

¹²⁴ Достаточно сказать, что концепт Возвращения как мотив в мировой культуре разработан исключительно многообразно: это и схематизм «возвращения домой» (Одиссея в Итаку) и «возвращение блудного сына» (Библия), «возвращение к истокам» (Назад к Канту! Возвращение к истокам в марксизме и ленинизме). «Архаическая семантика ситуации возвращения восходит к пространственной модели мира, в которой иерархически соотнесены центр и периферия. Возвращение – это новое обретение сакрального центра после его вынужденной или намеренной утраты» (См.: Т.Л. Рыбальченко. Ситуация возвращения в сюжетах русской реалистической прозы 1950–1990-Х ГГ // Вестник ТГУ. Филология. 2007. № 1. С. 58–82).

¹²⁵ Дж. Кэмпбелл особо отмечает этот момент, указывая, что Началом Пути Героя (Путника) может быть «Зов» («вызов» – Challenge).

в один конец», который может выбрать Путник, означает все-таки его Возвращение – но уже в качестве Героя, свершившего Подвиг и потому сущностно превратившегося из обыкновенного начинателя Пути – в героического Путника.

Отдельно заметим, что Возвращение связано с Превращением и Коловращением: начиная Путь, Путник оказывается вовлеченным в цепь коловращений¹²⁶ – т.е. непрерывных действий-поступков, связанных с Путником как центром притяжения всех благ и несчастий. Но если коловращения – это многочисленная совокупность или последовательность переживаемых событий, в которых воплощается повседневность Пути, «заедающая» Путника и заставляющая его «вращаться как белка в колесе», то Превращение – это преобразования, происшедшие с Путником (если он не уклонился от цели Пути, не провалился в колею повседневности и обыденности). Он, совершая Поступки, возвышается над коловращением, обретая новые качества (опыт, мудрость, храбрость и т.п.), при этом все-таки оставаясь тем Путником, который выходил в Путь.

Возвращение завершает Путь, причем, не только в структурно-динамическом аспекте (обратный переход в исходную точку, «домой»), но и в смысловом плане: исходное Начало Пути, которое содержало или не содержало ясно очерченной, сознательно поставленной цели, которое еще только брезжило планами и замыслами, теперь обрело своё завершение, поскольку Путник обрел новые качества, ему открылось значение самого Пути (от первотолчка к нему, до заключительного акта).

Синхронический анализ концептосферы травелога позволил выявить смысловые связи между «ядерными» и периферийными концептами, обозначить взаимообусловленный характер отношений между ними и разноплановость содержащихся в них эмоционально-образных оценочных моментов. Отметим также, что концептосфера травелога включает в свой репертуар разнообразные художественные образы освоения Путником своего Жизненного Пути, среди

¹²⁶ Как у В. Высоцкого: «От границы мы Землю вертели назад – Было дело сначала. Но обратно её закрутил наш комбат, Оттолкнувшись ногой от Урала... Я ступни свои сзади оставил, Мимоходом по мёртвым скорбя, Шар земной я вращаю локтями – От себя, от себя!»

которых в качестве базовой структуры содержатся концепты Судьбы, Пути-Дороги, мчащихся коней.

Данные концепты играют важную роль в поэзии, в философской лирике. Пожалуй, нет ни одного большого русского поэта, у которого концепт Пути-Дороги не был бы средством выражения Судьбы России, судьбы самого автора – достаточно вспомнить наследие Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Блока, Есенина, Твардовского¹²⁷. Это в полной мере можно отнести и к бардовской поэзии второй половины XX-го столетия. Проиллюстрируем это на примере поэтического творчества Владимира Высоцкого.

В песне В. Высоцкого «Горизонт» (1971)¹²⁸ концепт Судьбы разворачивается посредством образа Дороги, уходящей в «край земли», в «горизонт», где героя поджидает смерть или «финиш»: Чтоб не было следов, повсюду подмели... / Ругайте же меня, позорьте и трезвоньте: / Мой финиш – горизонт, а лента – край земли, / Я должен первым быть на горизонте!». Реализация концепта Жизненного Пути обусловлена в произведении заключением некоего пари относительно траектории движения: «Условье таково: чтоб ехать – по шоссе, / И только по шоссе – бесповоротно».

Дорога, по которой мчится герой, полна опасностей, о которых вначале он только догадывается, испытывая нехорошие предчувствия: «Наматываю мили на кардан / И еду параллельно проводам, / Но то и дело тень перед мотором: / То чёрный кот, то кто-то в чём-то чёрном». Однако затем предчувствия трансформируются в реальные угрозы для его жизни: «Наматываю мили на кардан / И еду вертикально к проводам. / Завинчивают гайки... Побыстрее! – / Не то поднимут трос, как раз где шея».

Наконец, выстрел по колёсам останавливает героя, в результате он не достигает Конца Пути – «горизонта», зато остаётся живым: «И плавится асфальт, протекторы кипят, /

¹²⁷ Стоянов В.В. Концепт пути в лирике В. Высоцкого // Филология и лингвистика: проблемы и перспективы: материалы междунар. заоч. науч. конф. (г. Челябинск, июнь 2011 г.). / под общ. ред. Г.Д. Ахметовой. Челябинск: Два комсомольца, 2011. 66 с. С. 55–58.

¹²⁸ Высоцкий В. Горизонт / Культура.РФ. URL: <https://www.culture.ru/poems/19419/горизонт>.

под ложечкой сосёт от близости развязки. / Я голой грудью
рву натянутый канат! / Я жив – снимите чёрные повязки!».

Вместе с тем, пари остается проигранным: герой так и не узнал, как решается главный экзистенциальный вопрос – можно ли раздвинуть «горизонты» Жизненного Пути (или Судьбы), есть ли у него такая власть: «Меня просили: «Миг не проворонь ты! / Узнай, а есть предел – там, на краю земли? / И можно ли раздвинуть горизонты?».

В песне «Кони привередливые» (1972)¹²⁹ концепты Судьбы и Пути-Дороги реализуются посредством метафорического образа мчащихся коней, с управлением которых лирический герой никак не совладевает. Кони несут его к «последнему приюту», т. е. – к концу Жизненного Пути: «Сгину я – меня пушинкой ураган сметёт с ладони, / И в санях меня галопом повлекут по снегу утром... / Вы на шаг неторопливый перейдите, мои кони, / Хоть немного, но продлите путь к последнему приюту!»

Герой Высоцкого четко осознаёт, что сам Путь, по которому несётся его плохо управляемая упряжка коней, – чрезвычайно опасен, поскольку впереди – пропасть, куда он вот-вот провалится, и гибель эта неизбежна: «Мы успели: в гости к Богу не бывает опозданий. / Так что ж там ангелы поют такими злыми голосами?! / Или это колокольчик весь зашёлся от рыданий, / Или я кричу коням, чтоб не несли так быстро сани?!». Но всё же стремление оттянуть время до наступления страшного конца возобладало, что в итоге позволило герою «допеть» свою песню (то есть творчески не умереть): «Чуть помедленнее, кони, чуть помедленнее! / Умоляю вас вскачь не лететь! / Но что-то кони мне попались привередливые... / Коль дожить не успел, так хотя бы – допеть! / Я коней напою, я куплет допою – / Хоть мгновенье ещё постою на краю...».

В песне «Чужая колея» (1972)¹³⁰ концепт Судьбы разворачивается посредством метафорического образа «чужой колеи», символизирующей проторенный чужими людьми Жизненный Путь, который сам герой, отнюдь, не выбирал, но который ему вначале показался весьма комфортным: «Но

¹²⁹ Высоцкий В. Кони привередливые / Культура.РФ. URL: <https://www.culture.ru/poems/19303/koni-priveredlivye>.

¹³⁰ Высоцкий В. Чужая колея / РуСтих. URL: <https://rustih.ru/vladimir-vysockij-chuzhaya-koleya/>.

почему нейметса мне – нахальный я,– / Условья, в общем, в колее нормальные: / Никто не стукнет, не притрёт – не жалуйся! / Желаешь двигаться вперёд – пожалуйста! / Отказа нет в еде-питье в уютной этой колее. / И я живо себя убедил: / Не один я в нее угодил. / Так держать – колесо в колесе! – / И доеду туда, куда все».

Двигаясь в чужой колее, герой вдруг сталкивается с настигшей его «бедой»: «Вот и ко мне пришла беда – стартёр заел, – / Теперь уж это не езда, а ёрзанье. / И надо б выйти, подтолкнуть – но прыти нет,– / Авось подтянет кто-нибудь и вытянет». Не дождавшись помощи, герой начинает осознавать, что колея – не его, она ему чужая, и ему надо выбирать собственную колею (именно свой Жизненный Путь): «Напрасно жду подмоги я – Чужая это колея... / Прошиб меня холодный пот до косточки, / И я прошёлся чуть вперёд по досточке. / Гляжу – размыли край ручьи весенние, / Там выезд есть из колеи – спасение! / Я грязью из-под шин плюю в чужую эту колею».

В конечном итоге, герой сделал свой выбор, определившись с собственным Жизненным Путем. Он предлагает всем другим сделать то же самое: «Эй вы, задние, делай как я! / Это значит – не надо за мной. / Колея эта – только моя, / Выбирайтесь своей колеёй!».

В произведении «Две судьбы» (1976)¹³¹ лирический герой представляет свой Жизненный Путь посредством метафорического образа водоворота, в который его затянули две «старухи», две его судьбы – Кривая и Нелёгкая. Герою вначале нравилось бездумно плыть по жизни, по течению: «Жил я славно в первой трети / Двадцать лет на белом свете – по влечению, / Жил бездумно, но при деле, / Плыл куда глаза глядели – по течению». Но вот его стало затягивать в гиблое место, и тогда-то перед его глазами явились две Судьбы, где одна – олицетворение «кривой дорожки», а другая – «нелегкого пути». Однако ни та, ни другая не были способны спасти героя. Опомнившись от морока и выпитого, герой начинает самостоятельно выбираться на стремнину и таким образом спасается, бросив на погибель две свои порочные Судьбы: «Лихо выгреб на стремнину: В два гребка – на середину! / Ох, пройдоха я! / Чтоб вы сдохли, выпивая, / Две судьбы мои –

¹³¹ Высоцкий В. Две судьбы / Культура.РФ. URL: <https://www.culture.ru/poems/19401/dve-sudby>.

Кривая да Нелёгкая! / Греб до умопомраченья, / Правил против ли течения, на стремнину ли, – / А Нелегкая с Кривою / От досады, с перепою там и сгинули!».

Важно отметить, что автору произведения совершенно понятно, что удачный уход героя от преследующих его двух одинаково несправедливых судеб, сам факт его спасения – это, прежде всего, результат личного везения хмельного героя. Это значит, что спасение его – временное, и что ему следует готовиться к новым встречам с Кривой и Нележкой как искаженными образами собственного Жизненного Пути.

Высоцкий, таким образом, воспроизводит в своих работах схематизмы концептосферы травелога, поскольку плотно насаживает на ось базовых концептов, какими в травелоге выступают Путь и Путник, близкие им по смыслу концепты – Судьба, Дорога, Кони, Угрозы, Испытание, Конец, Смерть.

Важную роль в наглядной репрезентации концептов травелога играет фактор их пространственно-временной конфигурации, то есть, речь идет о задачах рассмотрения травелога через призму его хронотопного анализа. Именно данный аспект стал предметом изучения травелога в следующем разделе нашей работы.

1.4. Хронотоп как измерение травелога

Хронотоп – категория, позволяющая представить травелог в его пространственно-временном измерении. При этом хронотопу придается не только онтологический, но и социоментальный статус. Термин «хронотоп» происходит от греческих слов *chronos* – время и *topos* – место. Великий математик Герман Минковский в 1908 году в своем докладе на съезде немецких естествоиспытателей и врачей в Кельне отмечал, что время само по себе и пространство само по себе являются пустыми химерами. Существует только синтез пространственных и временных координат¹³². А. Эйнштейн назвал данный синтез пространственно-временным континуумом¹³³.

¹³² Петухов Сергей. Математик времени. 21 сентября 1908 года Герман Минковский выступил с докладом «Пространство и время» / Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3420323>. Дата публикации: 21.09.2017.

¹³³ Эйнштейн А. Собрание научных трудов в четырех томах. Том 2. М.: Издательство Академии наук СССР, 1966. 879 с.

Сам термин «хронотоп» был введен в научный оборот физиологом А.А. Ухтомским и означал «закономерную связь пространственно-временных координат»¹³⁴. Ухтомский ссылается на Эйнштейна, упоминая «спайку пространства и времени» в концепции пространства Минковского. Однако он вводит это понятие в контекст человеческого восприятия: «...с точки зрения хронотопа, существуют уже не отвлеченные точки, но живые и неизгладимые из бытия события»¹³⁵.

В современных гуманитарных исследованиях понятие хронотопа получило признание и довольно широкое распространение, прежде всего, благодаря М.М. Бахтину, который применил данный термин при анализе виртуальной реальности художественных произведений. Согласно Бахтину, понятием «хронотоп» (дословный перевод – «время-пространство») обозначается существенная взаимосвязь временных и пространственных отношений, представленных в различных литературных формах¹³⁶. Литературный хронотоп, по Бахтину, является определенным способом освоения реального исторического бытия, выступает его художественным образом. Подчеркивая неразрывное единство пространственно-временных отношений не только в художественных произведениях, но, что самое главное, – и в реальном историческом бытии, Бахтин отмечает, что время следует рассматривать в качестве четвертого измерения пространства. При этом в пространственно-временном континууме именно времени принадлежит роль ведущего начала.

Важным методологическим элементом концепции хронотопа, предложенной Бахтиным, является вывод о том, что хронотоп как образ бытия всегда включает в себя ценностный момент. Хронотопическими ценностями, по Бахтину, выступают события, связанные со встречами разных субъектов, со столкновением их судеб. Столкновение и встречи – это точки завязывания и место совершения событий.

С. 234–243.

¹³⁴ Ухтомский А.А. Доминанта. Статьи разных лет. 1887–1939. СПб.: Питер, 2002. 447 с. С. 347.

¹³⁵ Там же. С. 342.

¹³⁶ Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики: Исследования разных лет / М.М. Бахтин. М.: Худож. лит., 1975. 502 с. С. 234. URL: http://biblio.imli.ru/images/abook/teoriya/Bahтин_M.M._Voprosy_literatury_i_estetiki_1975.pdf.

Он отмечает: «Здесь время как бы вливается в пространство и течет по нему (образуя дороги), – отсюда и такая богатая метафоризация пути-дороги: «жизненный путь», «вступить на новую дорогу», «исторический путь» и проч.»¹³⁷.

«Освоение реального исторического хронотопа в литературе протекало осложненно и прерывно, – писал М. М. Бахтин, – осваивали некоторые определенные стороны хронотопа, доступные в данных исторических условиях, вырабатывались только определенные формы художественного отражения реального хронотопа. Эти жанровые формы, продуктивные вначале, закреплялись традицией и в последующем развитии продолжали упорно существовать и тогда, когда они уже полностью утратили свое реалистически продуктивное и адекватное значение»¹³⁸.

По Бахтину, литературный хронотоп как определенный способ освоения реального бытия, выступает его художественным образом. Подчеркивая неразрывное единство пространственно-временных отношений не только в художественных произведениях, но и, что самое главное, – в реальной действительности, Бахтин считает, что время можно рассматривать в качестве четвертого измерения пространства, при этом, по его мнению, именно времени принадлежит ведущая роль в пространственно-темпоральном континууме.

Согласно Бахтину, важным структурным компонентом концепта хронотопа является понятие «событие». Событие (литературное) образуется посредством столкновений, пересечений судеб, встреч разных литературных героев (субъектов). Столкновение и встреча – это одновременно и время и место свершения событий, это «вливание» времени в русло нового пространственного измерения или пути. Судьбоносные встречи представляются как узловые моменты хронотопа, перекрестки жизненных дорог. В структурном плане хронотоп – это своеобразная сеть из пересекающихся событий-встреч, накладывающих свой отпечаток на дальнейшую судьбу сталкивающихся субъектов, образуя «дорожные карты» их жизненного пути.

Важно отметить, что концепту хронотопа Бахтин придавал функцию смыслопорождения. Он писал: «всякое вступление в сферу смыслов совершается только через во-

¹³⁷ Там же. С. 236.

¹³⁸ Там же. С. 234.

рота хронотопов»¹³⁹. Продуцирование смыслов проистекает, с одной стороны, из внешнего контекста хронотопа, под которым подразумевались передвижения в пространственно-временном континууме литературных субъектов, с другой стороны, – из трансформаций душевно-духовного плана, связанных с внутренними переживаниями героями событий-встреч. Следовательно, можно сделать вывод о том, что формирование смыслов посредством хронотопа в литературных произведениях разворачивается в двух основных событийных регистрах – онтологическом, обусловленном внешними факторами, и антропоцентрическом, связанным с чувственными и интеллектуальными переживаниями субъектов.

Бахтин выделяет разнообразные виды отдельных хронотопов, в числе которых, хронотопы дороги, замка, площади, гостиной-салона, провинциального городка, порога:

* *Хронотоп дороги*: «Дорога – преимущественное место случайных встреч. Здесь могут случайно встретиться те, кто нормально разъединен социальной иерархией и пространственной далью, здесь могут возникнуть любые контрасты, столкнуться и переплестись различные судьбы. Это точка завязывания и место совершения событий. Здесь время как бы вливается в пространство и течет по нему (образуя дороги), метафоризация дороги разнообразна и многопланова, но основной стержень – течение времени».

* *Хронотоп замка*: «Замок насыщен временем, притом историческим в узком смысле слова, то есть временем исторического прошлого. Замок – место жизни властелинов феодальной эпохи (следовательно, и исторических фигур прошлого), в нем отложились в зримой форме следы веков и поколений в различных частях его строения, в обстановке, в оружии, в галерее портретов предков, в фамильных архивах, в специфических человеческих отношениях династического преемства, передачи наследственных прав. Наконец, легенды и предания оживляют воспоминаниями прошедших событий все уголки замка и его окрестностей».

* *Хронотоп площади* (*агоры*). Именно «на площади впервые раскрылось и оформилось автобиографическое (и биографическое) самосознание человека и его жизни на античной классической почве».

¹³⁹ Там же. С. 406.

* *Хронотоп гостиной-салона*: «С точки зрения сюжетной и композиционной здесь происходят встречи (уже не имеющие прежнего специфически случайного характера встречи на «дороге» или в «чужом мире»), создаются завязки интриг, совершаются часто и развязки, здесь, наконец, что особенно важно, происходят диалоги, приобретающие исключительное значение в романе, раскрываются характеры, «идеи» и «страсти» героев».

* *Хронотоп провинциального городка*: «Такой городок – место циклического бытового времени. Здесь нет событий, а есть только повторяющиеся «бывания». Время лишено здесь поступательного исторического хода, оно движется по узким кругам: круг дня, круг недели, месяца, круг всей жизни. Время здесь бессобытийно и потому кажется почти остановившимся. Здесь не происходят ни «встречи», ни «разлуки». Это густое, липкое, ползущее в пространстве время. Поэтому оно не может быть основным временем романа».

* *Хронотоп порога (начала перелома)*: «Время в этом хронотопе, в сущности, является мгновением, как бы не имеющим длительности и выпадающим из нормального течения биографического времени»¹⁴⁰.

Между хронотопами могут складываться довольно сложные взаимоотношения вплоть до диалогических: «Хронотопы могут включаться друг в друга, сосуществовать, переплетаться, сменяться, сопоставляться, противопоставляться или находиться в более сложных взаимоотношениях... Общий характер этих взаимоотношений является диалогическим (в широком понимании этого термина)».

Автор связывает хронотоп и процесс постижения смыслов (при расшифровке знаковых моментов в литературном произведении) в одну целостную систему: «...всякое явление мы как-то осмысливаем, то есть включаем его не только в сферу временно-пространственного существования, но и в смысловую сферу. Это осмысление включает в себя и момент оценки... Каковы бы ни были эти смыслы, чтобы войти в наш опыт (притом социальный опыт), они должны принять какое-либо временно-пространственное выраже-

¹⁴⁰ Бахтин М.М. *Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике* / Бахтин М.М. *Вопросы литературы и эстетики*. М.: Худож. лит., 1975. С. 234–407. URL: <https://philolog.petsu.ru/filolog/lit/bahhron.pdf>.

ние, то есть принять знаковую форму, слышимую и видимую нами... Без такого временно-пространственного выражения невозможно даже самое абстрактное мышление. Следовательно, всякое вступление в сферу смыслов совершается только через ворота хронотопов»¹⁴¹.

После М.М. Бахтина многие авторы стали предлагать собственные, расширенные трактовки хронотопа. Так, например, исследователь В.Г. Шукин, дает следующее определение: «Хронотоп – присущая процессу, событию или состоянию субъекта пространственная и временная оформленность и жанровая завершенность». Это не просто «время – пространство», а «время-место совершения»¹⁴². Другой ученый – П.Х. Тороп – выделяет три уровня хронотопа, сосуществующих друг с другом в художественном произведении: топографический хронотоп, психологический хронотоп и метафизический хронотоп: «На основе пространственно-временных связей... можно операционально выделить три сосуществующих уровня (хронотопа): топографический хронотоп, психологический хронотоп и метафизический хронотоп... Топографический хронотоп связан с элементами... тенденциозности в романе, с узнаваемостью в романе конкретного исторического времени и места, а также событий. Топографический хронотоп... делит роман на ряд пространственно-временных единиц, соответствующих сюжетным ходам... С топографическим хронотопом тесно взаимосвязан психологический хронотоп – хронотоп персонажей. <...> Сюжетный ход, подчеркнутый на первом уровне перемещением в пространстве и времени, совпадает на втором с переходом из одного душевного состояния в другое. Топографический хронотоп генерирован сюжетом, психологический хронотоп – самосознанием персонажей... Существует, наконец, вид метафизического хронотопа... Метаязык задается не просто описывающим, а его главной идеей – и оказывается, что на более глубоком уровне полифония является лишь сосуществованием разных трансформаций этой идеи. Тем самым на уровне метафизического хронотопа правильнее оказывается говорить о гетерофонии, о вариациях единой идеи»¹⁴³. Ученый пред-

¹⁴¹ Там же.

¹⁴² Шукин В.Г. О филологическом образе мира (философские заметки) // Вопросы философии. 2004. № 10. С. 47–64.

¹⁴³ Тороп П.Х. Хронотоп // Словарь терминологии тартусско-

лагают следующие хронотопические соответствия: «уровень топографического хронотопа является наблюдаемым миром, уровень психологического хронотопа – миром наблюдателей, и метафизический хронотоп – миром устанавливающего язык описания»¹⁴⁴. Действие у Торопа осмысливается в соответствии с выделенными уровнями – «этим уровням соответствуют типы поведения (действие как таковое), порядок поведения (создание личностью текста своего поведения) и топос поведения (место действия среди других действий, рассматриваемых как обуславливающие его или обуславливаемые им)»¹⁴⁵.

В культурологии понятие хронотопа применяется, например, при изучении процесса перехода в иное культурное пространство и время. Предметом исследования часто становятся сами хронотопы границы и переходных состояний. В этом плане весьма показательной является монография Летиной Н. Н. «Российский хронотоп в культурном опыте рубежей (XVIII–XX вв.), в которой осуществляется теоретико-методологическая интеграция двух концептов – «хронотоп» и «рубеж», формулируется специфическая культурологическая дефиниция – «хронотоп рубежей» как парадигмальный культурный феномен¹⁴⁶.

В последнее время культурологи часто обращаются к понятию «хронотоп» при изучении многослойности и разноформатности городской культуры. Категория «городской хронотоп» становится весьма популярной в исследовательских зарубежных и отечественных кругах. Так, в коллективной монографии «Хронотопия города» город мыслится как «понимание» смыслов и целей, воплощенных в определенных пространственно-временных координатах, которые определяют судьбу города и человека в этом городе. При этом «пространство-время – хронотоп – оказывается важнейшей характеристикой города для всех, кто хотел бы определить

московской семиотической школы / сост. Я. Левченко; под рук. И. А. Чернова. URL: <http://slovar.lib.ru/dictionary/hronotop.htm>.

¹⁴⁴ Там же.

¹⁴⁵ Там же.

¹⁴⁶ Летина Н. Н. Российский хронотоп в культурном опыте рубежей (XVIII–XX вв.): Научная монография [Текст] / Н. Н. Летина. Ярославль: Изд-во ГОУ ВПО «ЯГПУ им. К. Д. Ушинского», 2009. 276 с.

его как феномен культуры. Хронотоп связывает в единую структуру темпорально-топосные и смысловые критерии. Это дает возможность говорить о нем как универсальном инструменте диагностики города»¹⁴⁷. Хронотоп города трактуется в данном исследовании «как специфическое образование, в котором зафиксированы пространственно-временные координаты и их культурные смыслы, преобладающие в менталитете горожан»¹⁴⁸.

Авторы вводят в научный оборот понятие «*историко-бытийный хронотоп*»: «...историко-бытийный хронотоп подлежит распознаванию по следующим «ключевым точкам»: место и время рождения города, «гении места», символы города. Место и время рождения города задают необходимые опорные точки, которые фиксируют начала отсчета... Любой рассказ о городе начинается с даты его основания – это его ценностно-смысловая составляющая. Старый город всегда более привлекателен: за ним стоит «большое время», в нем прочитывается история страны, а может быть, и мира... Место рождения города – еще одна значимая составляющая историко-бытийного хронотопа. Говоря языком управления, оно определяет его размеры, выполняемые функции, производственный потенциал, коммуникационные возможности и многое другое... Место и время основания города обуславливают его предназначение и роль в истории. Время предстает как эпоха, в ней отражены «вызовы времени», задающие для каждого города его миссию, определяющие задачи, для решения которых он предназначен. Место предоставляет необходимые ресурсы для их реализации»¹⁴⁹. В целом, исследователи приходят к выводу о том, что «историко-бытийный хронотоп, отражающий «место» и «время» становления города, связывает в его культурном ландшафте различные исторические эпохи, превращая их в пространственно-временной поток, осмысленный горожанином»¹⁵⁰.

¹⁴⁷ Бурлина Е. Хронотопия города: Монография (с приложением сборника научных статей «Гении места») / Е. Бурлина (руководитель проекта), Л. Иливицкая, Ю. Кузовенкова, Я. Голубинов, Н. Барабошина, Е. Шиллинг. Самара: ООО «Книжное издательство», 2016. 240 с. С. 69.

¹⁴⁸ Там же. С. 79.

¹⁴⁹ Там же. С. 80–81.

¹⁵⁰ Там же. С. 83.

Выделяется также два основных типа городского хронотопа: профанный и глобальный.

Профанный хронотоп – это хронотоп повседневной жизни города: «Пространственно-временная организация повседневной жизни, наложенная на городскую среду, и задает тот вектор ее смыслового наполнения, который составляет содержание профанного хронотопа. То есть профанный хронотоп позволяет интерпретировать город по двум встречным направлениям: со стороны жителей и их повседневных потребностей и со стороны города и его возможностей в организации повседневной жизни... Темпоральное измерение повседневности характеризуется распорядком дня, приуроченностью конкретных событий к определенному времени суток, заданной временной протяженностью различных эпизодов повседневной жизни... На основе пространственно-временных измерений повседневной жизни города у его жителей складывается представление о том, насколько удобен для проживания тот или иной город в целом или отдельные его районы в частности, вызывают ли они чувство комфорта или наоборот, чувство отчужденности»¹⁵¹.

Профанный хронотоп фокусирует внимание на смысловом наполнении пространственно-временных координат локально организованной городской среды, связанной с повседневной жизнью человека.

Глобальный хронотоп. Его главными чертами являются: «открытость, разнообразие, динамизм, мобильность, включенность в глобальные процессы. Открытость характеризуется способностью города создавать и культивировать различные площадки для самореализации – как постоянные, традиционные, так и мобильно-временные (акции, проекты, фестивали и т. д.). Разнообразие находит отражение в широком спектре различных видов и типов данных пространств, отличающихся как по своему назначению, так и по временным ритмам. Мобильность предполагает свободу перемещения как внутри, так и между различными площадками самореализации (смена места работы, образования, отдыха, развлечения и т. д.). Динамизм определяется насыщенностью пространства и времени города различного рода взаимодействиями, событиями, мероприятиями и т. д. Включенность в глобальные процессы отражает встроенность города в гло-

¹⁵¹ Там же. С. 84–85.

бальную инновационную и коммуникационную среду (международное сотрудничество, зарубежные стажировки, культурные события мирового уровня и т.п.)»¹⁵². В монографии называется еще одна важная характеристика городского глобального хронотопа – высокий уровень развития центров инноваций и информационно-сетевых коммуникаций, что приводит к росту возможностей для самоактуализации и самореализации личности¹⁵³.

Авторы работы приходят к выводу о том, что именно хронотопию следует рассматривать в качестве диагностической процедуры исследования города, позволяющей зафиксировать его темпорально-топосные смыслы, через которые возможно произвести оценку его настоящего состояния и наметить перспективы будущего развития¹⁵⁴.

Концепт хронотопа используется в самых разных социально-политических и гуманитарных дисциплинах. Его анализ часто связан с реализацией процедуры *методологического синтеза темпорального и топологического подходов*.

Темпоральный подход предполагает применение диахронно-синхронного метода, соединяющего понятия диахронности и синхронности. Диахронность означает подход к предмету через «временные ряды», рассмотрение его в динамике, в контексте исторических и социокультурных ритмов, переходов, поворотных моментов, смены событийных рядов, регистров мобильности, скорости. Синхронность – рассмотрение предмета в «остановленном мгновении», в контексте конкретной ситуации, которая в зависимости от принятой типологии может характеризоваться посредством таких понятий как «обыденная», «кризисная», «революционная», «переходная», «конфликтотенная» и т.п.

*Топологический подход*¹⁵⁵ означает обращение к таким понятиям как «место», «поле», «атмосфера», «центр», которые не только объединяют людей, но еще и проникают

¹⁵² Там же. С. 88–89.

¹⁵³ Там же. С. 89.

¹⁵⁴ Там же. С. 91.

¹⁵⁵ Макогон Т.И. Топологические перспективы описания местных сообществ // Теория и практика общественного развития. 2013. № 1. С. 24–30; Полубиченко Л.В. Топологическая парадигма гуманитарного знания: миф или реальность? // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2017. № 4. С. 102–117.

в их сознание – в восприятия и ощущения. Принято также говорить о топологии жизненного пути, когда каждый человек проходит свой жизненный путь, двигаясь от одной вехи к другой. «Топология жизненного пути» указывает, с одной стороны, на бытийный процесс, то есть, относится к онтологии, а, с другой стороны, данное понятие концентрирует внимание на процессы, происходящие в сознании человека, сопровождающие его движение данным путём, то есть, обращается к *социо-ментальной сфере*. Кроме того, топологический подход связан с анализом позиционирования субъекта жизненного пути в разных пространственно-временных средах (социокультурных, институциональных, медийных, региональных, урбанистических и др.).

В целом, концепт хронотопа представляется нам как система координат, в которой происходит *пересечение темпоральных и топологических свойств и факторов*, определяющих характерные черты действительности (онтологический подход), которые получают свое воплощение в представлениях и ощущениях людей о *трансформациях*, происходящих в общественной жизни и человеческих практиках (социоментальный подход).

Например, особенности хронотопа эпохи постиндустриального общества стали предметом специального теоретического исследования Зигмунда Баумана – автора известной книги «Текущая современность». Бауман обратил внимание на то, что в информационном постиндустриальном обществе происходит не только сжатие пространства и времени в связи со стремительным ростом коммуникативной мобильности социальных субъектов, но также утрата жесткости иерархических социально-политических структур и институтов, которые в индустриальную эпоху воспроизводились хронотопом фордистского типа. Для фордистского хронотопа характерна жесткая привязанность капиталов и субъектов к определенному месту в пространстве национальной экономике и политике, рационализированное время производственных и иных отношений. Главные ценности фордистского мира – долговременные и устойчивые связи, надежность, рациональность, предсказуемость, отсроченное потребление и удовольствие.

В эпоху тотальной медиатизации действительности *фордистскому хронотопу противостоит хронотоп текущей современности*, представляющий собой такую картину

мира, где господствуют *неустойчивые* пространственно-временные процессы обмена капиталов, постоянные изменения рыночной конъюнктуры, постоянные риски безработицы, *гибкие* трудовые и иные отношения, *мимолетность* контактов и стремление к *незамедлительному удовлетворению потребностей*. «Гибкость», – отмечает Бауман, – на сегодняшний день модное словечко. Оно предвещает рабочие места без гарантий стабильности, устойчивых обязательств или будущих прав, предлагая не более чем контракт на определенный срок или возобновляющиеся контракты, увольнение без уведомления и никакого права на компенсацию. Поэтому никто не может чувствовать себя действительно незаменимым... При отсутствии долгосрочной безопасности «мгновенное вознаграждение» выглядит как разумная стратегия. Независимо от того, что может предложить жизнь, пусть это будут предложено *hic et nunc* – немедленно»¹⁵⁶.

Хронотоп текущей современности формирует соответствующий ему стиль жизни. «Ненадежные экономические и социальные условия, – отмечает Бауман, – учат людей (или заставляют их изучить трудный способ) воспринимать мир как контейнер, полный объектов для одноразового использования; весь мир, – включая других людей»¹⁵⁷. Ключевым принципом данной жизненной стратегии выступает принцип «здесь и сейчас».

Современный рост мобильности социальных сетей и субъектов, происходящий благодаря развитию высокоскоростных средств пространственной коммуникации (транспортная сеть) и виртуальной коммуникации (электронные СМИ, Интернет, сотовая связь, смартфон и т.п.), *формирует жизненный хронотоп особого рода – коммуникативно-сетевой*. Хронотоп сетевой коммуникации представляет собой систему интерактивных взаимодействий, осуществляемых в пространстве оформленных по сетевому принципу социальных сообществ и человеческих практик. Хронотоп данного свойства стал предметом специального анализа в фундаментальном труде Мануэло Кастельса «Информационная эпоха: экономика, общество и культура»¹⁵⁸. М. Ка-

¹⁵⁶ Бауман З. Текущая современность / пер. с англ. под ред. Ю.В. Асочакова. СПб.: Питер, 2008. С. 174.

¹⁵⁷ Там же. С. 175.

¹⁵⁸ Кастельс М. Информационная эпоха: экономика,

стельс выдвигает гипотезу о том, что в сетевом обществе пространство и время трансформируются под влиянием информационно-технологической парадигмы, в результате чего возникает новая темпорально-топологическая логистика, обозначаемая им понятием «*пространство потоков*». «Под потоками, – пишет Кастельс, – я понимаю целенаправленные, повторяющиеся, программируемые последовательности обменов и взаимодействий между физически разъединенными позициями, которые занимают социальные акторы в экономических, политических и символических структурах общества»¹⁵⁹.

Доминирующие социальные практики в информационную эпоху оказываются встроенными в доминирующие социальные структуры. Основными *сетевыми узлами пространства потоков*, по Кастельсу, выступают центры информационно-технических инноваций, экономических и культурных обменов, распределения и трансформаций системы административной и политической власти. Другими словами, *сетевая архитектура пространства коммуникативных потоков – это подвижная модель кристаллизации времени и констелляции властных компетенций в современную эпоху, это арена, где разыгрываются идеи, ценности и интересы социальных групп*.

Все наше современное общество, утверждает Кастельс, построено вокруг потоков и узлов, определяющих скорость изменений конфигурации капиталов, информации, технологий, организационного взаимодействия, идей, изображений, звуков и символов. *Пространство потоков есть организация материальных, социальных и виртуальных практик в дискретном времени, работающем посредством узлов и потоков*.

Современное общество, по убеждению Кастельса, асимметрично организовано вокруг доминирующих интересов и доминирующих хронотопов. На одном социальном полюсе – хорошо организованные элиты, контролирующие широкие целые сети хронотопов (пространственно-временных потоков), и потому доминирующие в социально-коммуникативном пространстве и времени. На другом – сла-

общество и культура / пер. с англ. под науч. ред. О.И. Шкаратана. М.: ГУ-ВШЭ, 2000. 608 с.

¹⁵⁹ Там же. С. 402.

бо организованные массы, чьи хронотопы локальны и блокированы социальными практиками элит. Стратегия элит – тщательная изоляция своей пространственно-временной среды от вторжения в неё хронотопа масс, сохранение контроля над потоками разного рода капиталов. Стратегия оппозиционных элите масс – расширение пространственно-временных коммуникаций вплоть до слома иерархической архитектуры хронотопа государственной власти. Максимальное включение народных масс в управление центральными узлами пространственно-временных потоков может привести в итоге к ликвидации коммуникативных барьеров и к возникновению качественно нового хронотопа – экстра-временного (мгновенно-коммуникативного)¹⁶⁰.

С нашей точки зрения, интеграционное соединение темпорального и топологического подходов, взятое в качестве исходного принципа структурной организации хронотопа, вполне применимо к исследованию травелога как формы активной творческой деятельности. Продуктами данной деятельности выступают, в частности, отчеты, письма, основанные на описании реальных мест, которые посетил их автор, на воспроизведении собственных впечатлений от реальных встреч с конкретными людьми. И какой бы эпизод мы ни взяли, в любом из них можно обнаружить признаки хронотопа, причем, хронотопа неоднородного, а подразделяющегося на разные подвиды. В этой связи обратимся к диссертационному исследованию Г.В. Шпака «Репрезентация образов времени и пространства в европейском травелоге XVII–XVIII вв.», в которой тексты травелогов типологизируются на основании применения к ним двух основных подходов. Первый подход сосредоточен на изучении фактографической стороны текста. В зависимости от установок исследователя выделяются исторические, культурологические, географические, естественнонаучные аспекты приведенных в нем описаний. При этом текст как целое остается вне области исследовательского интереса. Второй подход подразумевает акцентацию на выявлении целей и задач авторов, а не на причинах трансформаций, повлиявших на жанровую специфику текста травелога¹⁶¹. Нацеленность автора работы на анализ

¹⁶⁰ Там же. С. 446.

¹⁶¹ Шпак Г.В. Репрезентация образов времени и пространства в европейском травелоге XVII–XVIII вв.: специальность 07.00.09

в текстах травелога категорий пространства и времени, т.е. на изучение представляемого ими хронотопа, потребовала привлечения широкой базы теоретических работ.

Для разработки типологии хронотопов, представленных текстами европейских травелогов XVII–XVIII веков, Шпак предложил использовать две схемы, позволяющие выявить характерные особенности репрезентации пространства-времени в представляемых им текстах¹⁶². В первой схеме акцент делается на когнитивно-риторических стратегиях репрезентации хронотопа. При опоре на неё автором выделяются три основные парадигмы, в рамках которых происходит восприятие пространство-временного континуума или построение хронотопа. Это: *мифопоэтическая* рецепция хронотопа, *механистическая* и *органицистская*. Каждой парадигме соответствует доминирующий инструмент познания мира – воображение, эмпирика, душа. «Вторая схема основана на телеологических предпосылках передвижения героя и содержит четыре стратегии – *преодоление, освоение, изучение, понимание*»¹⁶³.

В своей работе автор отмечает, что механистической рецепции хронотопа соответствуют такие стратегии травелогов как «освоение» и «изучение», а для органицистской рецепции хронотопа весьма характерной является стратегия «понимание». При этом стратегия «преодоления» используется как в мифопоэтической рецепции хронотопа, так и в механистической.

В Британии, по мнению Шпака, механистическая модель хронотопа в травелогe, основанная на принципах эмпирического изучения мира, начинает утверждаться с того времени, когда путешествия стали санкционироваться Королевским Обществом. В 1660 году Королевское общество публикует инструкцию для исследователей, регламентирующую содержание научного текста. Отчасти с этим связано возникновение травелогов, нацеленных на изучение пространственных и временных категорий¹⁶⁴. Развитие данного типа хронотопа в той или иной степени можно уже обнару-

«Историография, источниковедение и методы исторического исследования»: дис. ... канд. истор. н. Москва, 2018. 161 с.

¹⁶² Там же. С. 135.

¹⁶³ Там же.

¹⁶⁴ Там же. С. 69.

жить в работах Уильяма Кемдена¹⁶⁵, Джона Тайлера¹⁶⁶, Оуэна Фелтхама¹⁶⁷, Ричарда Хаклюйта¹⁶⁸ и др. Автор, в частности, пишет, что Кемден вполне в духе механистической парадигмы обращает внимание на единичные элементы пространства, которые должны в идеале дать представление о работе «механизма» в целом¹⁶⁹.

Для исследования хронотопа в травелогe особенно интересным, как нам представляется, было обращение Шпака к очерку Френсиса Бэкона «О путешествии», включенном им в третье издание сборника «Эссе» (1625). Шпак фиксирует внимание читателей на том, что основной смысл путешествий Бэкон видит в образовании¹⁷⁰. Но нам представляется, что в том фрагменте, который цитируется, можно увидеть гораздо больше, а именно, Бэкон говорит о том, что обретение духа свободы позволило ему «искать только ту науку, которую мог обрести в самом себе или же в великой книге мира», употребив остаток своей юности на то, чтобы путешествовать. Только путешествуя, считает он, возможно «увидеть дворы и армии, встречаться с людьми разных нравов и положений и собрать разнообразный опыт, испытал себя во встречах, которые пошлет судьба, и всюду размышлять над встречающимися предметами так, чтобы извлечь какую-нибудь пользу из таких занятий». Далее Бэкон перечисляет то, что важно увидеть каждому путешественнику: «королевский двор, особенно во время приема послов; суд, когда там разбирается дело, а также церковные консистории; храмы и монастыри с находящимися там памятниками; стены и укрепления городов, а также гавани и пристани; памятники старины; би-

¹⁶⁵ Camden W. Britain, or, a Chorographical Description of the most flourishing Kingdomes, England, Scotland, and Ireland / A Vision of Britain through Time [Electronic resource]. London: George Bishop and John Norton, 1610. URL: <http://www.visionofbritain.org.uk/travellers/Camden>.

¹⁶⁶ Tylor J. Wanderings to See The Wonders of The West / John Tylor. Yeree, 1649. 24 p.

¹⁶⁷ Falham O. Resolves, Divine Moral and Political / Owen Falham. London: Pickering, 1840. 334 p.

¹⁶⁸ Hakluyt R. Voyages and Discoveries. The Principal Navigations, Voyages, Traffiques and Discoveries of the English Nation / Richard Hakluyt. London: Penguin Books, 1985. 656 p.

¹⁶⁹ Там же. С. 52.

¹⁷⁰ Там же. С. 58.

блиотеки; колледжи, происходящие в них диспуты и лекции; корабли и верфи; дворцы и общественные сады вблизи больших городов; арсеналы, склады боеприпасов; биржи; торговые склады; конные ристалища; состязания в фехтовании; места обучения войск и тому подобное; комедию, какую поощает порядочное общество; сокровищницы драгоценностей; кунсткамеры и антикварные лавки»¹⁷¹.

Нам данный список, как это ни странно, представляется, в первую очередь, *перечислением разновидностей хронотопов* (вспомним, хотя бы, виды хронотопов, которые называл М.М. Бахтин, к примеру, один из них назывался «хронотоп замка»), поскольку обозначаются именно те места, которые обладают ярко выраженными хронотопными свойствами – темпоральной динамикой и топологической точностью. Ярким примером тому выступают такие названные Бэконом топосы как места обучения войск, колледжи с их диспутами, конные соревнования, состязания в фехтовании и др.

И, наконец, по Бэкону, важное значение для полноты анализа опыта путешествия имеют знакомства. Он даже советовал путешественникам «уже на новом месте в новом городе... продолжать переезжать с квартиры на квартиру, заводя связи с местными жителями. А по возвращении домой, поддерживать с ними переписку»¹⁷². Заметим, что понятие «знакомство» также выступает одной из характеристик хронотопа.

Названные нами темпорально-топологические характеристики травелога не подверглись, к сожалению, специальному хронотопному исследованию в диссертации Г.В. Шпака, хотя предложенная им типология перцепций пространственно-временных параметров травелога вполне заслуживает научного внимания.

В недавней своей работе «Записки английских путешественников о России конца XVI – начала XVII века в контексте британской травелогаграфии» Шпак вновь обращается к проблеме моделирования пространственно-временных образов в травелоге. Травелог трактуется им как нарратив, детерминирующий отношение к пространству-

¹⁷¹ Бэкон Ф. Сочинения в двух томах / Фрэнсис Бэкон; пер. с англ. Н.А. Федорова, Я.М. Боровского. М.: Мысль, 1972. Т. 2. С. 390–391.

¹⁷² Шпак Г.В. Там же. С. 58.

времени¹⁷³. Однако автор так и не обращается к теоретическому осмыслению хронотопа как способу репрезентации и структурного моделирования травелога. Он ограничивает своё исследование только выделением моделей восприятия пространственно-временных реалий в травелоге на основании таких парадигмальных рамок как мифопоэтическая, механистическая и органицистская модели конструирования окружающего мира. Само же понятие «хронотоп» выпадает из поля зрения Шпака.

Итак, нами были рассмотрены различные подходы к хронотопу как концептуальному конструкту. На основе их анализа мы приходим к следующим выводам:

1) в тех работах, которые напрямую не связаны с изучением травелога, тематика хронотопа получила более или менее продуктивное развитие, что вылилось в производство новых категорий, к примеру, таких как «хронотоп рубежей», «историко-бытовой хронотоп», «профанный хронотоп», «глобальный хронотоп», а также – в создание более частных по своему объёму понятий – «хронотоп дороги», «хронотоп площади», «хронотоп порога» и др.;

2) в работах, которые делают непосредственным предметом своего изучения травелог, концепт «хронотоп» присутствует только в латентной форме, то есть, специально не вычленяется, не подвергается теоретико-методологическому анализу.

Сделанные выводы приводят нас к мысли о необходимости сосредоточиться на разработке самого понятия «хронотоп травелога». С учетом всего сказанного относительно существующих подходов к осмыслению хронотопа, а также – по поводу способов теоретического исследования пространственно-временных характеристик травелога, дадим следующее рабочее определение категории «хронотоп травелога»:

Хронотоп травелога – это мыслительный конструкт, представляющий собой инструментарий формирования

¹⁷³ Шпак Г.В. Записки английских путешественников о России конца XVI – начала XVII века в контексте британской травелографии // Диалог со временем. 2020. Вып. 70. С. 235–250. URL: https://roii.ru/publications/dialogue/article/70_16/shpak_g.v./english-travellers-notes-about-the-16th-17th-century-russia-in-the-context-of-british-travelography.

сложноструктурированных образов конкретного путешествия посредством выделения в качестве контекстуальной среды (для образов данного путешествия) определенного пространственно-временного континуума. Иначе говоря, под хронотопом травелога подразумевается его контекстуальный пространственно-временной континуум.

Важно также отметить, что в одном и том же травелоге могут присутствовать самые разные виды хронотопов, что связано со сложной конфигурацией его сюжетных линий, с обращением автора травелога к обзору различных мест своего пребывания, к разным темпоральным отрезкам своего путешествия. Каждый частный вид хронотопа травелога фиксирует ту или иную картину бытия своих героев или бытия его автора. При этом происходит постоянная смена бытийственности, то есть смена хронотопов.

Большую подвижность хронотопов внутри конкретного травелога мы решили продемонстрировать на примере хронотопного анализа документального произведения Захара Прилепина «Письма из Донбасса».

«Письма» – это серия документальных заметок автора, сделанных им в июле 2016 г. во время пребывания его на Донбассе в зоне военных действий.

«Письма из Донбасса» – это военный травелог, в котором говорится о судьбах людей Донбасса, о трудностях, с которыми они сталкиваются каждый день, поскольку оказались в эпицентре вооруженного конфликта, где прямыми участниками являются вооруженные силы Украины и ополченцы Донбасса.

Изучение «Писем» позволило нам выдвинуть гипотезу о том, что в них можно обнаружить присутствие, по крайней мере, пяти разновидностей хронотопа, находящихся между собой в состоянии динамического взаимодействия. По ходу развертывания данного травелога происходит переключение регистра с одного вида хронотопа на другой.

Итак, в «Письмах» мы обнаружили присутствие следующих видов хронотопа: 1) *биографический хронотоп* (описание основных жизненных вех главных героев повествования); 2) *хронотоп вооруженного конфликта* или *хронотоп войны* (описание военных столкновений и связанных с ними людскими и материальными потерями, физическими и психологическими травмами, нанесенными войной); 3) *хронотоп националистической (бандеровской) Украины* (рассмо-

трение практик превращения Украины в националистическое государство); 4) *хронотоп советской эпохи* (взгляд на развернувшийся конфликт между официальным Киевом и непризнанными республиками Донбасса с позиции условий жизни на Украине в советскую эпоху); 5) *хронотоп Донецка и Республик Донбасса* (взгляд на Донецк и Донбасс через призму освободительной борьбы и сопротивления украинскому политическому режиму).

Для подтверждения данной гипотезы возьмем для исследования четыре «Письма». Три из них посвящены главным героям – Мотороле, Бате и Анне. Еще одно «Письмо» под названием «Сильные люди и слабые люди» рассказывает о жителях города Донецка и республик Донбасса.

В письме «Моторола дома» (Моторола – позывной Арсена Павлова) автор в самом начале знакомства со своим героем, увидев многочисленные ранения на его теле, ведет разговор сразу в двух хронотопных режимах – биографическом и военном. Он обращается к Мотороле с вопросом: «У тебя сколько вообще ранений? – спрашиваю его. Он задумывается и отвечает: Если не считать полученные здесь в ходе боевых действий, то шесть». Далее следует краткий рассказ Моторолы о том, что он получил одно из ранений, когда вел группу на штурм одного из коридоров донецкого аэропорта. В тот же момент рассказчик делится собственным наблюдением: «Самое заметное: на левом локте сшитое развороченное мясо: сработал украинский пулемётчик в аэропорту». Далее, при совместном разглядывании фотографий, доминирующим становится биографический хронотоп: следует рассказ Моторолы о том, как он служил по контракту на исходе второй чеченской войны, как дважды был в Чечне в командировках. Затем автор переключается на хронотоп Донбасса: «Для людей в ДНР само присутствие Моторолы показатель того, что с республикой всё в порядке, что Украина сюда не вернётся». Далее, когда Моторола начинает говорить в присущей ему простой манере о политике украинского государства в отношении русского языка, происходит переключение регистра на советский исторический хронотоп и хронотоп националистической Украины: «Но, в принципе, если взять мову – до распада СССР она была вполне нормальной. Там человеческие слова – те слова, которые мы понимаем, потому что они у нас вот здесь вот, – он показывает куда-то себе в область солнечного сплетения. – Потому что

наши предки на этом языке разговаривали. А то что сейчас у них... – За 25 лет очень обновили язык. Понапридумывали замен русским словам...».

Затем траектория беседы снова разворачивается в сторону военного хронотопа, поскольку речь заходит о принципиальном отношении Моторолы к вопросу о том, кем для него являются украинские участники вооруженного конфликта: «У меня позиция конкретная... Все воюющие с той стороны – это незаконные вооружённые формирования. Это террористические группировки. Часть из них профашистские, часть – прозападные. И те и другие – бандиты и преступники. Украина как таковая тут не при чём». При этом Моторола не скрывает своего раздражения по поводу слабой пассионарности у донецких военных, собранных главным образом из шахтеров: «За два года войны можно было уже за Авдеевку вылезти целой бригадой. В Сирии за год понарыли тоннелей, они по тоннелям на БМП ездили между домами. Почему? Потому что они воюют. Потому что у них там есть какая-то своя идея. А люди здесь начинают терять в окопах идею. У них нет какой-то конкретной цели, у них всё призрачно, размыто. Два года на одном и том же месте стоят и ещё назад умудряются отходить. И это меня очень нервирует, когда люди оставляют позиции»¹⁷⁴.

В следующем письме под названием «Анна»¹⁷⁵ (Анна Долгарева – поэтесса с Украины, которая после гибели своего парня в результате вооруженного столкновения на Донбассе сама ушла на ту же войну) после нескольких вводных слов автор приводит отрывок из стихотворения Анны, в котором хронотоп войны проявляет себя в образно-поэтической форме:

«Сентябрь начался. С востока идет гроза,
Молчат минометы, автоматы притихли даже.
Один комроты, смотря на меня сказал,

¹⁷⁴ Прилепин Захар. Письма из Донбасса. Письмо первое. Моторола дома / Информационное агентство Русского Общественного Движения «Возрождение. Золотой Век». URL: <http://новости-донбасса.ru-an.info/новости/правда-о-сражающемся-донбассе-от-захара-прилепина-часть-1>. Дата публикации: 14.07.2016.

¹⁷⁵ Прилепин Захар. Письма из Донбасса: № 2. Анна / День Свагога. URL: <https://www.svarogday.com/zaxar-prilepin-pisma-iz-donbassa-2-anna/>. Дата публикации: 08.07.2016.

Что мечтает увидеть женщину не в камуфляже.
Здесь земля отверженных. Нам уже от неё не деться,
Ветер степной пахнет смертью, мятой и медом.
Мы пьем за любовь, за правду, за счастливое детство,
Пьем, не чокаясь, из гильз от гранатомета».

В данной поэтической репрезентации военного хронотопа фиксируются следующие его составляющие: смена ситуации боя и затишья («молчат минометы, автоматы притихли даже»); военная форма, в которую одета женщина («мечтает увидеть женщину не в камуфляже»); постоянная опасность смерти («ветер пахнет смертью»); высокие душевные порывы («Мы пьем за любовь, за правду, за счастливое детство»), которые реализуются посредством простых ритуалов и деталей военного быта («Пьем, не чокаясь, из гильз от гранатомета»).

Разговор с Анной ведется в телеграфном стиле и начинается с репрезентации биографического хронотопа, который перетекает то в советский исторический хронотоп, то в хронотоп националистической Украины. Так, в отрывочном рассказе Анны о своей семье, о людях старшего поколения (родители, учителя, знакомые), которые, по её словам, «все были нормальные» (советский исторический хронотоп). Разговор заходит о содержании украинских школьных учебников по истории, которые создавали в её сознании «когнитивный диссонанс». С данного момента происходит разворачивание украинского националистического хронотопа: Анна говорит о своих одноклассниках, с которыми она стала ругаться, «когда началось всё это: УПА, Бандера и так далее. А потом случился «оранжевый майдан», и многие у нас надели оранжевые ленточки...». Тут же она вспоминает своего брата: «У меня ещё братец есть. Причём вот он – яростный украинский националист... Нет, он даже не кричит кричалки. Он больше в инете воюет. Какое-то время я ещё думала, что можно с ним помириться, но когда после Одессы я увидела его пост про «жареных колорадов», я подумала, что всё... То, что они хотят прислониться к сильному, как раз и было той причиной, по которой у них поплыли мозги. Дело в том, что «майдан» шёл путём маленьких побед. Сначала там объявились какие-то люди, говорившие что-то про евроинтеграцию, следом побили студентов. Потом они собрались и увидели, что они сильны и могут на что-то влиять, потому что власть всё время шла на какие-то уступки – шаг вперед и два на-

зад. Они увидели, что если ещё чуть-чуть поднажать, то они смогут чего-то добиться. В итоге, это привело к тому, что уже в феврале «майдан» без большой крови уже было не разогнать. А когда «майдан» победил, они решили, что они могут называть себя сильными и ассоциировать себя с победителями. Если ты ассоциируешь себя с «майданом», ты ассоциируешь себя с победителями».

При рассказе Анны о своем парне – Лёшке – происходит переключение хронотопа националистической Украины на хронотоп военный: «Он за коммунизм пошел воевать... Приехал на поезде, тогда ещё поезда ходили в Луганск. Он собирался поехать в июне, но подобрал птенца стрижа и выкармливал его. Птенца стрижа нужно выкармливать сорок дней. Он выкормил стришонка, а потом поехал на войну. Его взяли в батальон «Заря», в артиллерию... Там реально не было никаких книжек, лишь пара человек, добровольцев из России, которые что-то знали, что-то умели и показали. Потрясающе! Я вообще не знаю, как они тогда умудрились Луганск удерживать. На Металлисте стояла его батарея во время августовских страшных боёв. Там было две батареи. Потом, когда я уже после его смерти приехала, мне рассказывали, что вторая батарея страшно мазала, «а вот наша не мазала, потому что у нас Паганель был вычислителем». Позывной его был – Паганель. Он погиб 26 марта 2015 года. В Лутугино под Луганском. К тому времени он уже командовал батареей, был капитаном... А потом его уволили задним числом... Есть такая команда сверху: минимум боевых потерь. Поэтому избавляются от погибших задним числом. После активных боёв порой озвучиваются такие низкие цифры жертв – оттого, что мёртвых увольняют».

Далее, зафиксировав некоторые детали биографии Анны (После похорон Лёшки она сначала приехала в Питер, раздала свои вещи, а затем, вернувшись в Луганск, стала работать военным репортером), автор посредством повествования своей героини вновь обращается к военному хронотопу: «...запомнилось, как я приехала на первое интервью. Бабушка из Новосветловки – там очень долго стоял батальон «Айдар». Эту бабушку избили двое «айдаровцев» до такой степени, что она потеряла зрение. Причём избили её из-за совершенно нелепой и мутной темы. Дело в том, что у неё во дворе её знакомые поставили джип, но вытащили из него аккумулятор. И эти «айдаровцы» били её, чтоб она сказала им, где аккумуля-

лятор. А его просто не было, его забрали... И вот этот первый разговор произвёл на меня ужасное впечатление. Потом уже были моменты, когда, скажем, неподалёку от Троицкого мы были на передовой, мины совсем рядом летали, но даже тогда не было такого ужаса. Потому что, блин, эта бабушка – она маленькая и худенькая, как воробушек, с абсолютно белыми глазами и с котёночком на руках. Плачет, ходит на ощупь...».

Во время беседы разговор на короткое время переключается с военного хронотопа на советский исторический хронотоп: «...много мужиков, которые всю жизнь работали на шахте, и тут к ним пришли... И они взяли в руки оружие и отправились воевать. Преобладают именно шахтёры. Многие из них как бы типа за казачество, но если копнуть поглубже, то окажется, что этот казак – за СССР и за коммунизм. В общем, они просто не заморачиваются на этот счёт».

Когда Прилепин спросил Анну, о чем она мечтает, Анна ответила коротко: «Отбить Авдеевку» (Авдеевка – это населенный пункт, находящийся под контролем ВСУ).

В «Письме» под названием «Батя» рассказывается об Александре Захарченко – главе Донецкой Народной Республики с 4 ноября 2014 г. (был убит 31 августа 2018 г.)¹⁷⁶. В данном «Письме» доминирует хронотоп войны. В центре внимания – деятельность украинских диверсионно-разведывательных групп – организаторов «охоты» за легендарными ополченцами: «Только что была попытка покушения на самого Захарченко. Только что едва не взорвали Моторолу (вместе с беременной женой – и когда приводили в действие взрывное устройство, видели, с кем он). Только что подорвали полковника, выходца из России – фугасом. Только что обстреляли другого офицера высшего звена в машине – успел упасть на пол, выжил, но ранило его жену, ехавшую в той же машине. Только что один из самых первых ополченцев, бывших при Захарченко с самого начала, вышел из дома за хлебом, оружия не взял – и его выкрали. Тело подбросили через неделю: страшно пытали, профессионально отрезали голову».

Далее хронотоп войны накладывается на хронотоп города Донецка: «Едем по улицам Донецка – я в машине Захар-

¹⁷⁶ Прилепин Захар. Письма из Донбасса. Батя. URL: <https://chagnavstretchy.mirtesen.ru/blog/43917501193/Pisma-iz-Donbassa.-Baty.-Zahar-Prilepin>.

ченко. Захарченко за рулём. У него открыто окно. Всю дорогу. Сотни людей видят главу: глава за рулём, глава не прячется. Многие улыбаются. Кто-то машет рукой. Но тоже без экзальтации, по-донецки: выдержанно и достойно. Спокойствие определяет, конечно же, не только этот элементарный факт: главный едет за рулём, показывает, что донецкие в своём городе хозяева и бояться тут нечего. Нет, тут надо брать шире: само поведение главы диктует модель поведения всему его окружению». Затем, в связи с появлением у автора «Писем» кинематографических ассоциаций войны на Донбассе с советскими фильмами о Гражданской войне, возникает советский исторический хронотоп: «Порой в последнее время война между донбасскими и киевскими напоминает мне советские фильмы про Гражданскую войну, где белые способны на любую подлость и зверство, а красные – честны, чисты, упрямы и принципиальны. И пусть им сравнение с белыми не льстит. Разрушители памятников, неугомонные люстраторы, тати ночные, держатели бритоголовых батальонов, неустанно стреляющие по мирным кварталам – никакие они не белые».

В рассказе о Захарченко биографический хронотоп почти полностью погружен в хронотоп войны. Даже когда «Батя» поет песни вместе с приехавшими на Донбасс артистами из России, чаще всего эти песни – на военную тематику: «Его неизменное присутствие на всех концертах славных представителей рок-н-ролла в Донецке – от группы «7 Б» до Чичериной и Вадима Самойлова... И Захарченко с Кобзоном на одной сцене, их приятельство, и этот славный момент, когда они в обнимку со Склярком поют «На поле танки грохотали»...».

В заключительной части «Письма» слились в одно целое сразу три хронотопа – биографический, хронотоп войны и хронотоп Донбасса. Данный хронотопный сплав потребовался автору для показа исторической миссии своего героя, который выступает символом освобождения всей Новороссии: «Всю историю с Донецкой республикой, со свободным Донбассом, с Новороссией и со всеми прочими входящими и исходящими придумали разные люди, и все они молодцы, одним – земля пухом, другим – дай Бог здоровья. Но сейчас во главе этой истории стоит один человек. Я всё время чувствую, как ему ужасно надоело быть «серьёзным», быть в их «правилах», быть в «системе координат». На передок бы,

и забыть про это про всё. Но ему – отвечать. На нём – миссия. Иногда это ещё называется: крест».

«Письмо» Прилепина «Сильные люди и слабые люди»¹⁷⁷ посвящено жителям города Донецка и Республик Донбасса. В данном травелоге главная роль отводится хронотопу Донецка и Донбасса.

В начале «Письма» Прилепин вспоминает о своем первом посещении Донецка. Уже тогда его потрясло упрямое сопротивление горожан превращению жизни города в зону военных действий со всеми вытекающими последствиями – разрушениями и смертями. В результате хронотоп города раздваивается или двоится, поскольку внутри него обнаруживается сразу два противоположных по смыслу образа Донецка: один представлен хронотопом войны, посредством которого город выглядит как зона военных действий, другой – хронотопом мирной повседневной жизни. Отсюда – двойственное чувство, возникающее у автора, когда он вспоминает конкретные эпизоды своего посещения города:

«Когда я сюда приезжал впервые, он казался пустым, стрелять начинали в 6 утра ровно, в город прилетало постоянно, в аэропорту шли бои; но по улице, словно внатяг, ехал трамвай, и в трамвае сидело несколько суровых стариков, и водитель трамвая был строг, торжественен и упрям, и казалось, что он ведёт трамвай по болоту... Рядом с «Донбасс Ареной» стоял только что разбомблённый краеведческий музей: в том, что досталось именно музею, была какая-то своя ирония: он таким образом стал вдвойне, втройне музей, его краеведческая ипостась словно бы многократно усилилась. Его руины – это сверхкраеведение. Я сидел там на лавочке, один, и однажды очень удивился, когда увидел, как туда пришла женщина с ребёнком и они гуляли там, совершенно спокойные. Потом я ушёл к себе, в тот дом, который снимал, и через час узнал, что на «Донбасс Арену» упала бомба, а через два – что там ранило ребёнка. Я никак не могу сопоставить того ребёнка, которого видел, пацана лет десяти, с «раненым ребёнком» из новостей, мне всё время хочется думать, что раненый – это какой-то ненастоящий ребёнок,

¹⁷⁷ Прилепин Захар. Письмо шестое. Сильные люди и слабые люди / Русская народная линия. URL: https://ruskline.ru/opp/2016/iyul/22/pismo_shestoe_silnye_lyudi_i_slabye_lyudi. Дата публикации: 22.07.2016.

специальный ребёнок для новостей, из папье-маше, чужой, ему не больно».

В противостоянии двух хронотопов все же побеждает хронотоп мирной жизни: «Донецк выглядит безупречно: ухоженный, зелёный, яркий, словно бы издевающийся над всем, что здесь случилось... Один мой товарищ сейчас находится в Донецке и шутит, выставляя в своём сетевом журнале местные фотографии – из центра города, конечно, – выдавая их то за турецкие, то ещё за какие-то – с лучших курортов мира. И большинство – верит. А как не верить, если Донецк так выглядит?».

«Здесь живут сильные люди» – умозаключает Прилепин относительно повседневного подвига горожан, которые, не смотря на военное время, на многочисленные жертвы и перенесенные испытания, смогли сохранить мирный облик Донецка, закрепить за ним хронотоп мирного города.

Слабыми людьми Прилепин считает тех жителей Донбасса, а также те слои российской интеллигенции, которые запаниковали, когда не оправдались их надежды на скорую победу республик Донбасса над украинскими вооруженными силами: Донбасс «не превратился в большую Новороссию, не вошёл победоносно в состав России, как Крым, – и уж тем более русские войска не пошли на Киев, вешая по пути бандеровцев на столбах».

В ответ на данные настроения Прилепин приводит аргументы в пользу значимости завоеваний, достигнутых Республиками Донбасса за годы их противостояния силам Украины, прибегая при этом к такому риторическому приему как *контрапункт*, а именно, показывает контраст между хронотопом современного Донбасса и хронотопом украинской националистической Украины:

«На территории Донбасса русский язык не находится в статусе второстепенного, третьестепенного, подшитого сбоку. Там русский язык – государственный, главный, неотменимый. На Донбассе в университетах и школах не учат нелепую историю древних укров, вечной борьбы с Россией, польско-украинского братства, битвы под Конотопом, Петлюры и Бандеры. Там учат нормальную, правдивую, истинную русскую историю. И этого не изменить. По Донецку и Луганску не ходят факельные шествия. И не пойдут, иначе их разорвут на куски. Там никому в голову не придёт скакать и кричать: «Москаляку на гиялку!». Там не уронят на-

земь памятник Ленину и не разворотят кладбище с могилами ветеранов Великой Отечественной... На Донбасс запрещён въезд всех самых одиозных олигархов Украины. Донбасс национализировал ту часть предприятий, которую смог национализировать на сегодняшний момент, и собирается национализировать остальные».

В качестве итога ко всему сказанному, Прилепин констатирует: «Донбасс – часть русского мира. И этого не отметить. Тем более что ничего ещё не закончилось».

На основе проведенного анализа хронотопов, которые были выделены нами в документальном травелоге Захара Прилепина, мы пришли к некоторым выводам методологического плана относительно конфигурации хронотопов в данном травелоге и способах их репрезентации:

– все пять разновидностей хронотопа находятся в положении *соконтинуальности*, то есть, их пространственно-временные поля в одном и том же документальном травелоге могут либо *проникать друг в друга*, либо *наслаиваться друг на друга*, либо попеременно сменять друг друга посредством переключения регистра *с одного вида хронотопа на другой*;

– *метод контрапункта*, то есть, *контрастного противопоставления одного хронотопа другому*, применяется в целях усиления воздействия аргументационных доводов в пользу одного из альтернативных видов хронотопа;

– обнаружение значительной подвижности хронотопных структур документального травелога позволяет сделать вывод об их *текущем и ризомном характере*, поскольку каждый вид хронотопа может наслаиваться на другие хронотопы или входить в них, а также поглощаться каждым из них.

ГЛАВА 2. ДИСКУРС-АНАЛИЗ ТРАВЕЛОГА

2.1. Понятие «дискурс травелога»

Прежде чем обратиться непосредственно к раскрытию содержания понятия «дискурс травелога», рассмотрим основные методологические подходы к анализу дискурса как такового, поскольку через них выражаются главные смыслы дискурсивного анализа социальных явлений и процессов.

В настоящее время в гуманитарных науках сложились научные школы и исследовательские направления, разрабатывающие оригинальные теории дискурса и дискурс-анализа¹⁷⁸. Назовем только два наиболее распространенных течения в современном анализе дискурса: 1) критический дискурс-анализ (КДА); 2) постмодернистский дискурс-анализ.

Для КДА характерными являются следующие подходы к исследованию дискурса:

– трактовка дискурса как формы социального действия, которая определяется ценностями, социальными нормами и практиками, находящимися под влиянием структур власти и исторических процессов¹⁷⁹;

– рассмотрение процедуры дискурса в качестве коммуникативной акции, производимой в форме текста и речевых практик;

– ярко выраженный кротологический уклон в исследовании дискурсов (согласно Ван Дейку, одной из главных задач КДА является определение связей между дискурсом и социальной властью, описание и объяснение того, как реализуется, воспроизводится и легитимируется злоупотребление властью с помощью дискурса доминирующих групп и институтов¹⁸⁰);

¹⁷⁸ Современные теории дискурса: мультидисциплинарный анализ. (Серия «Дискурсология». Выпуск 1). Екатеринбург: Издательский Дом «Дискурс-Пи», 2006. 210 с.

¹⁷⁹ Водак Р. Критическая лингвистика и критический анализ дискурса / пер. с англ. В.И. Карасика // Политическая лингвистика. 2011. 4(38). С. 288.

¹⁸⁰ Тён А. ван Дейк. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации / пер. с англ. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. С. 88.

- пристальное внимание к анализу дискурсов господства и подчинения, понимание дискурса как вербальной репрезентации отношений социального неравенства, доминирования и контроля;
- установка на выявление и разоблачение дискриминационных форм дискурса, репрезентирующих отношения социального неравенства, к которым относят, прежде всего, дискурсы расизма, этнизма, сексизма, эйджизма;
- центральная задача КДА – выяснение, как именно при помощи коммуникативной деятельности предписывается и воспроизводится социальное, гендерное, расовое или этническое неравенство, а также, – каковы способы языкового сопротивления данным видам неравенства;
- среди тематических направлений ведущее место занимают исследования образов угнетаемых социальных групп, анализ стратегий легитимации евроцентризма, постколониализма, правого и левого популизма;
- рассмотрение медиадискурса как инструмента манипулирования общественным мнением.

Наиболее известными представителями КДА являются Норманн Фэркло¹⁸¹, Рут Водак, Пол Чилтон, Мишель Мейер¹⁸², Кристина Шаффнер¹⁸³, Тён А. ван Дейк¹⁸⁴.

Представители КДА рассматривают дискурс как форму социальной практики, в ходе которой осуществляется конструирование властных отношений (отношений домини-

¹⁸¹ Fairclough N. A Dialectical-Relational Approach to Critical Discourse Analysis // *Methods of Critical Discourse Analysis* / ed. by R. Wodak, M. Meyer. London: Sage, 2009. P. 162–186; Fairclough N. *Language and Power*. London: Routledge, 2015. 264 p.

¹⁸² Wodak R. *The politics of fear: What right-wing discourses mean*. London: Sage, 2015; *A New Agenda in (Critical) Discourse Analysis. Theory, Methodology and Interdisciplinarity* / edited by Ruth Wodak and Paul Chilton. John Benjamin Publishing Company, 2005. 322 p.; *Methods of Critical Discourse Analysis* / ed. by R. Wodak, M. Meyer. London: Sage, 2015. 272 p.

¹⁸³ *Politics as Text and Talk. Analytic approaches to political discourse* / edited by Paul Chilton, Christina Schäffner. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamin Publishing Company, 2002. 246 p.

¹⁸⁴ Van Dijk T. *Critical Discourse Studies: A Sociocognitive Approach* // *Methods of Critical Discourse Analysis* / R. Wodak, M. Meyer. London: Sage, 2009. P. 62–86; Van Dijk T. *Discourse and Knowledge A Sociocognitive Approach*. Cambridge: Cambridge Univ. Pr., 2014. 407 p.

рования и неравенства). Согласно Н. Фэркло, дискурс формируется социальными структурами и практиками, а также социальными агентами, вовлеченными в социальные события. Это позволяет, по мнению исследователя, выяснить, каким образом материализуется, воспроизводится и навязывается та или иная система взглядов, ценностей и целеустановок¹⁸⁵. В то же время дискурс и социальные структуры являются взаимно конституирующими сущностями: социальные структуры создают дискурсивное событие, а оно, в свою очередь, формирует социальную и политическую реальность.

Считается, что в любом критической анализе дискурса присутствуют три стратегических концепта: концепты власти, истории и идеологии. Под идеологией понимается система мнений и убеждений, выдвигаемая социальной группой, имеющей власть. Представители данного направления занимают активную социальную позицию, ищут пути для предупреждения социальных конфликтов.

Постструктуралистский подход к дискурсу имеет следующие особенности:

- дискурс трактуется как синоним практики социального конструирования;
- между дискурсами складываются отношения конкуренции за доминирование в способах означивания (интерпретации) реальных явлений, событий и процессов;
- утверждается, что те явления и процессы, которые обычно именуют объективной реальностью, на самом деле являются конструктами, созданными доминирующими дискурсами;
- идеология представляется в качестве совокупности изменчивых знаков, имеющих различные артикуляции, и обозначается понятием «миф»;
- дискурс рассматривается как знаковая система, внутри которой выделяются *узловые точки*, или привилегированные знаки, к примеру, одной из таких точек в политическом дискурсе выступают понятия «гегемония»;
- *область дискурсивности* трактуется как резервуар для новых возможных обозначений, производимых практикой *артикуляции*, посредством которой постоянно воспроизводятся, оспариваются или преобразуются дискурсы;

¹⁸⁵ Fairclough N. Textual analysis for social research. New York: Routledge, 2003. 270 p. P. 22.

- интенция к объединению в дискурс-анализе концепции власти М. Фуко с психоанализом власти Лакана;
- трактовка дискурса как незавершенной и открытой структуры, как к конгломерату артикуляций, в котором всегда есть альтернативные варианты означивания и смыслопорождения;
- все социальные и политические понятия являются дискурсными конструктами.

Постструктуралистский подход к дискурсу в зарубежных исследованиях представлен работами Эрнесто Лакло¹⁸⁶, Шанталь Муфф¹⁸⁷, Якоба Торфинга, Дэвида Ховарда¹⁸⁸.

Постструктуралистский подход к дискурсу отличается от КДА тем, что его последователи отвергают онтологическую идею представителей критического дискурс-анализа об обусловленности дискурса внедискурсивными силами на уровне экономики и государственных институтов. Они не согласны, что такие кажущиеся недискурсивные феномены, как технологии, институты, экономические отношения, сконструированы как-то иначе, без участия дискурсивных практик, поскольку дискурс рассматривается ими в качестве атрибута любой социальной деятельности и любого социального института.

Доминирующие дискурсы устанавливают: 1) режим правды, который определяет, что следует считать правдой, а что ложью; 2) режим ценностей, который определяет критерии, по которым судят, что хорошо, а что плохо; 3) режим коммуникации, который определяет, кто кому разрешает говорить и с каких позиций; 4) режим комьюнити, когда решается, кто может находиться внутри сообщества, а кто не должен там быть, кто наши друзья, а кто – враги¹⁸⁹.

¹⁸⁶ Laclau E. *New Reflections on the Revolution of Our Time*, 1990. London: Verso; Laclau, E. *The death and resurrection of the theory of ideology* // *Journal of Political Ideologies*. 1996. 1 (30). Pp. 201–220.

¹⁸⁷ Laclau E. and Mouffe C. *Hegemony and Social Strategy. Towards a Radical Democratic Politics*, 1985. London: Verso.

¹⁸⁸ Torfing Jacob. *New Theories of Discourse*: Laclau, Mouffe, and Zizek / Jacob Torfing. Oxford: Blackwell Publishers Inc, 1999. 342 p.; *Discourse Theory in European Politics: Identity, Policy and Governance* / edited by David Howard and Jacob Torfing. Palgrave Macmillan Ltd, 2005. 364 p.

¹⁸⁹ *Ibid.* Pp. 220–221.

Авторы российских исследований дискурса, как правило, придерживаются либо социолингвистической и лингво-семиотической его трактовки¹⁹⁰, либо некой синтетической модели, в которой присутствуют черты как КДА, так и пост-структуралистского подхода¹⁹¹.

В наших работах, посвященных методологии дискурс-анализа, мы неоднократно останавливались на структурных моделях изучения дискурса публичной коммуникации¹⁹², а также на особенностях дискурса травелога¹⁹³. На основании проведенных исследований дадим далее краткое определение понятию «дискурс травелога», а также выделим его основные структурные компоненты и сформулируем основные функции.

Прежде всего, отметим, что под дискурсом травелога, рассматриваемом в *широком его понимании*, (а именно, как публичной акции экспедиционного характера), мы подразумеваем сложноструктурированную систему, состоящую из следующих основных компонентов: 1) *интенциональный*

¹⁹⁰ Гаврилова М.В. Лингвокогнитивный анализ русского политического дискурса: дис. ... д. ф. н. / М.В. Гаврилова. Санкт-Петербург, 2005. 468 с.; Олянич А.В. Потребности – дискурс-коммуникация: монография / А.В. Олянич. Волгоград: ФГБОУ ВПО Волгоградский ГАУ, 2014. 216 с.; Карасик В.И. Дискурс // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2015. № 3–4 (20–21). С. 147–148.

¹⁹¹ Дискурсы власти: коллективная монография / Н.А. Меркурьева, А.В. Овсянников; отв. ред. А.Г. Пастухов. Орёл: ООО «Горизонт», 2015. 378 с.; Современный дискурс-анализ: повестка дня, проблематика, перспективы: коллективная монография / под ред. Е.А. Кожемякина, А.В. Полонского. Белгород: ИД «Белгород», 2016. 244 с.; Русакова О.Ф., Грибовод Е.Г. Персональный вклад уральских ученых в изучение политических дискурсов: структурно-тематический обзор // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2018. № 2 (31). С. 30–113.

¹⁹² Русакова О.Ф., Русаков В.М. PR-дискурс: Теоретико-методологический анализ. С. 113–169; Русакова О.Ф. Структурный дискурс-анализ статьи президента РФ В. Путина «75 лет Великой Победы: общая ответственность перед историей и будущим» // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2020. № 4 (41). С. 10–25.

¹⁹³ Русаков В.М. Дискурс травелога: словари и справочники как изречение неизреченного // Научно-практический альманах «Дискурс-Пи». 2008. № 8. С. 29–33; Русаков В.М., Русакова О.Ф. Методология дискурс-исследования травелога // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2014. № 4 (17). С. 12–19 и др.

план дискурса травелога (коммуникативный проект, включающий его миссию, новизну, стратегии, мотивы и планы акторов); 2) *актуальный* план дискурса травелога (практическая реализация проекта в живой практике); 3) *дескриптивно-аналитический* план дискурса травелога – описание и анализ собранных данных); 4) *контекстуальный* план дискурса травелога (рассмотрение полученных материалов в историческом, политическом, культурном и иных контекстах); 5) *репрезентационный* план дискурса травелога – демонстрация полученных данных и собственных впечатлений перед заинтересованной публикой; 6) *«осадочный»* план дискурса травелога: отклики и реакции публики на дискурс травелога, изменения представлений об объектах окружающего мира у общественных кругов и у самих акторов травелога).

В узком смысле слова, под дискурсом травелога нами понимается *ментальное образование*, связанное с реализацией дескриптивно-аналитического плана данного дискурса и выполняющее следующие *коммуникативно-семиотические функции*:

– функция реализации коммуникативно-познавательных стратегий в травелоге, направленная на производство и трансляцию нового знания и новых образов;

– функция означивания способов осуществления травелога, взятого во всей полноте своих текстовых и внетекстовых (визуальных, звуковых, мультимедийных) форм выражения и продвижения;

– функция смыслопроизводства, направленная на формирование определенной картины мира, на раскрытие мировоззренческих и знаково-символических аспектов травелога;

– функция нарратизации (создание повествовательных моделей) для описания стратегий, маршрутов, преодоления препятствий и результатов травелога;

– функция интерпретации рассматриваемых событий и объектов исследований в травелоге;

– функция идентификации и позиционирования новых объектов, открываемых в травелоге.

Если говорить кратко, то под *дискурсом травелога* нами подразумевается *многосоставная система способов означивания, интерпретации, нарратизации и репрезентации путешествия*, взятого во всей полноте своих текстовых и внетекстовых форм выражения и продвижения.

От способов означивания зависит то, какая доминирующая версия путешествия утвердится в массовом сознании, какой нарратив станет главным, определяющим сущность рассматриваемых событий и фактов, характер организации пространственно-временных параметров травелога. Например, с позиции данного подхода становится важным, раскрывает ли дискурс того или иного травелога имперскую славу конкретного государства, фокусирует ли внимание на его культурно-исторических взлётах и достижениях, или, напротив, говорит об его колонизаторской природе, репрессивных практиках, угнетений свобод.

Дискурс травелога задаёт оптику видения действительности посредством совершаемых в процессе путешествования открытий Иного, Другого, Незнакомого. При этом путешествующий субъект производит коррекцию собственной идентичности, собственных представлений о месте Своей культуры в мире. Его угол зрения, таким образом, оказывается подвижным, текучим, изменяющимся. Данные трансформации могут в итоге приводить к интенциональным сдвигам в дискурсе травелога. К примеру, обычный туристический травелог может обернуться травелогом выбора новой культурной идентичности.

2.2. Семиотический аспект дискурса травелога

Процесс *семиозиса* – означивания всего пространственно-временного континуума, в котором жизнедействует субъект, является универсальной необходимостью человеческого существования¹⁹⁴. Это есть также ничто иное, как смысловое ориентирование, без которого человек не может существовать как человек (он стремится осознать – что он есть такое и как он к этому пришел, каковы направления движения – к наличию позитивного смысла или отсутствию его, в каких направлениях предпочтительно двигаться, а в каких – нет).

Идеи семиотического механизма культуры были многообразно проработаны в отечественной литературе Ю. М. Лотманом¹⁹⁵, ему же принадлежит идея «семиосферы» и «семио-

¹⁹⁴ Как гласит древнеегипетская мудрость: без своего слова вещь не существует.

¹⁹⁵ Лотман Ю. М. О семиотическом механизме культуры (совм.

тического пространства»¹⁹⁶. С точки зрения Лотмана, «язык есть функция, сгусток семиотического пространства» и «вне семиосферы нет ни коммуникации, ни языка»¹⁹⁷, так, что «неразложимым работающим механизмом – единицей семиозиса – следует считать не отдельный язык, а все присущее данной культуре семиотическое пространство. Это пространство мы и определяем как *семиосферу*»¹⁹⁸. Заметим здесь же, что «высшей формой структурной организации семиотической системы является стадия самоописания»¹⁹⁹, то есть некая рефлексия над собой и самокодификация (жанры травелога и есть, в сущности, «самопроговаривание» культуры о путях ее движения).

Травелог в знаково-символическом пространстве-времени связан с семиозисом через *семиотические машины* – наделяющие смыслами и значениями окружающий мир и все явления и процессы в нем системы задания, означивания и переозначивания семиотического пространства²⁰⁰. Особенно остро это переживается в описании ранее неизвестных миров – географических, человеческих, с которыми сталкивается Путник (Ю.М. Лотман специально подчеркивал роль *границы* для культуры: «Всякая культура начинается с разбиения мира на внутреннее («свое») пространство и внешнее («их»)»²⁰¹).

Семиозис в травелоге невозможно понять без уяснения природы наррации (сказовости): именно путем сказания, т. е. именованного неименованного, выражения невыразимого,

с Б.А. Успенским) // Семиосфера. СПб.: Искусство-СПБ., 2000. С. 485–503.

¹⁹⁶ Лотман Ю.М. Семиосфера. Семиотическое пространство. Там же. С. 250–257.

¹⁹⁷ Там же. С. 250.

¹⁹⁸ Там же. С. 251.

¹⁹⁹ Там же. С. 254.

²⁰⁰ «Культура как семиотическая машина» (см.: Гриценко В.П. Социальная семиотика. Екатеринбург: ИМС, 2006. С. 80–92).

²⁰¹ Он делает вывод: «Сознательная человеческая жизнь, т. е. жизнь культуры, также требует особой структуры «пространства-времени». Культура организует себя в форме определенного «пространства-времени» и вне такой организации существовать не может. Эта организация реализуется как семиосфера и одновременно с помощью семиосферы» (Лотман Ю.М. Семиосфера. Семиотическое пространство. Там же. С. 257, 259).

при котором отчетливо проступает позиция субъекта, отделяющего себя от именуемого (в переводческих затруднениях, подыскании наиболее адекватных языковых и вообще знаково-символических форм обозначения и выражения различных явлений происходит человеческое освоение).

Понятие «нарратива» происходит от термина «нарратив». Нарратив (англ. и фр. narrative, от лат. narrare – рассказывать, повествовать) – самостоятельно созданное повествование о некотором множестве взаимосвязанных событий, представленное читателю или слушателю в виде последовательности слов или образов. Часть значений термина «нарратив» совпадает с общеупотребительными словами «повествование», «рассказ»; имеются и другие специальные значения. Учение о нарративе – нарратология²⁰².

Предметом изучения нарратологии является вопрос об отношении между репрезентируемым объектом действительности и его нарративной репрезентацией, а также то, благодаря чему одна репрезентация является лучше другой, выполненной приблизительно на ту же тему²⁰³.

Нарратив также относится к основным категориям философии постмодернизма, которая призвана фиксировать процессуальность самоосуществления как способа бытия повествовательного текста. Термин был заимствован из историографии, где он появляется при разработке концепции «нарративной истории», рассматривающей исторические события не как фрагменты бытия, относящиеся к объективной реальности, а как продукты нарративных практик, связанных с процедурой их интерпретации²⁰⁴. Событие, понятое в контексте нарративной истории, не считается привязанным к некой онтологической первопричине. Оно, по мнению постмодернистов, конструируется посредством нарратии, которая и наделяет его определенным смыслом. Такой подход позволил Жаку Дерриде сформулировать идею о разрушении

²⁰² Значение слова «нарратив» // КартаСлов.Ру – Карта слов и выражений русского языка. URL: <https://kartaslov.ru/карта-знаний/со-словом/нарратив>

²⁰³ Анкерсмит Ф. Нарративная логика. Семантический анализ языка историка / перевод с англ. О. Гавришиной, А. Олейникова; под науч. ред. Л. Б. Макиевой. М.: Идея-Пресс, 2003. 360 с. С. 10.

²⁰⁴ См.: Тойнби А. Человечество и колыбель-земля. Нарративная история мира / А. Тойнби. М., 1976. 416 с.

«онто-тео-телео-фалло-фоно-лого-центризма» как системы парадигм, присущих культуре классического типа. В соответствии с данной установкой «философия постмодернизма осуществляет радикальную переориентацию на презумпции, представляющие полную противоположность презумпциям О. – Т. – Т. – Ф. – Ф. – Л.²⁰⁵

По оценке Й. Брокмейера и Р. Харре, нарратив является не описанием некой реальности, а «инструкцией» по определению и пониманию последней, приводя в качестве примера правила игры в теннис, которые только создают иллюзию описания процесса игры, являясь на самом деле лишь средством «вызвать игроков к существованию». Они предлагают «рассматривать нарративы не столько в качестве когнитивных, лингвистических, металингвистических или онтологических сущностей, сколько в качестве *modus operandi* особых дискурсивных практик. Термин «нарратив» обозначает различные формы, внутренне присущие процессам нашего познания, структурирования деятельности и упорядочивания опыта»²⁰⁶. Идея авторов о том, что «повествование» есть, скорее, не описание (некой единой онтологической реальности), а некоторый конденсированный набор правил «инструкций, служащих для того, чтобы привести то, что кажется независимым бытием, к существованию» вполне укладывается в современные представления о дискурсе и его главных свойствах (аспектах) – например, праксиологическом (порождение набора антропологических практик) и кратологическом (властно-распорядительный ресурс). Эти свойства объединяет нарратив с дискурсом: в этом контексте Й. Брокмейер и Р. Харре соотносят нарратив с феноменом дискурсивности, рассматривая его как «подвид дискурса»²⁰⁷. Более того, идея о том, что повествование (нарратив) лежит в основе того, что мы называем литературой в отличие от мифа – была высказана О.М. Фрейденберг еще в 1939 г. в лекциях «Введение в теорию античного фольклора» и в книге «Об-

²⁰⁵ Можейко М.А. Онто-тео-телео-фалло-фоно-логоцентризм. Постмодернизм. Энциклопедия. Минск: Интерпрессервис: Книжный Дом, 2001. 1040 с. С. 545.

²⁰⁶ Брокмейер Й., Харре Р. Нарратив: проблемы и обещания одной альтернативной парадигмы / пер. с англ. Е.А. Мамчур // Вопросы философии. 2000. № 3. С. 29–42.

²⁰⁷ Там же.

раз и понятие» 1953 г.²⁰⁸ Травелог и его дискурс возникает именно как *наррация*, повествование (о действительных или мнимых) путешествиях, некий специфический способ конструирования и установления реальности, а не описание ее.

Согласно представлениям известного семиолога культуры Р. Барта, нарратив не является образом реальности, он только создает коды для её обозначения, призванные лишь выражать реальность: «Другими словами, в «объективной» истории «реальность» всегда представляет собой лишь неформулируемое означаемое, скрывающееся за кажущимся всемогуществом референта. Такой ситуацией характеризуется то, что можно назвать *эффектом реальности*»²⁰⁹. Барт рассматривал культуру как империю знаков²¹⁰, а Текст – как систему интертекстуальных кодов и коннотаций. Для него было важным различать Произведение и Текст: если произведение – это то, что сказал автор, то Текст – это то, что «сказалось» в произведении, независимо от воли автора²¹¹.

Текст – это и коннотативно означаемое и собственно – дискурс. Особенно пристальное внимание Барт уделял анализу семиотических дискурсов феноменов культуры – дискурсу Моды (модной одежды), дискурсу фотографии²¹², дискурсу, представляющему знаковый и символический характер японской культуры (традиции письма, поэзии, употребления пищи, организации ландшафта, городской среды и др.)²¹³.

Семиотические аспекты дискурса травелога могут быть представлены, во-первых, в семиотическом анализе посещающих актором травелога мест (топографическая семиотика

²⁰⁸ Фрейденберг О.М. Миф и литература древности. М.: Наука, 1978. С. 206–229.

²⁰⁹ Барт Р. Система Моды. Статьи по семиотике культуры / пер. с фр., вступ. ст. и сост. С.Н. Зенкова. М.: Издательство им. Сабашниковых, 2003. 512 С. 439.

²¹⁰ Барт Р. Империя знаков / пер. с фр. Я.Г. Бражниковой. М.: Праксис, 2004. 144 с. С. 138.

²¹¹ Косиков Г. Идеология. Коннотация. Текст // Барт Р. S/Z / пер. с фр. Г.К. Косиков. 3-е изд. М.: Академический проект, 2009. 373 с. С. 26.

²¹² Барт Р. Фотографическое сообщение // Барт Р. Система Моды. Статьи по семиотике культуры / пер. с фр., вступ. ст. и сост. С.Н. Зенкова. М.: Издательство им. Сабашниковых, 2003. С. 378–392.

²¹³ Барт Р. Империя знаков. М.: Праксис, 2004. 144 с.

территорий, семиотика городов и жилищ); во-вторых, – в семиотическом анализе этнографических традиций, специфики национальной кухни; в-третьих, – в семиотике театрального и художественного искусства, литературных, музыкальных и иных произведений, выражающих культурный код данного народа и страны в целом; в-четвертых, – в семиотических моментах дискурса отчетов о травелоге, в сопровождающих их фотографических и видеоматериалах. Похожие разновидности семиотического дискурса-анализа можно обнаружить при обращении к отчетам о туристических поездках, совершаемых в разные местности, страны и города. Для иллюстрации сказанного рассмотрим семиотические аспекты дискурса-анализа города, о которых говорится в статье А.В. Олянича «Тюркоязычный город как гастрономический «текст» и «дискурс»²¹⁴.

В статье раскрываются семиотические аспекты дискурса травелога, связанного с посещением А.В. Оляничем Стамбула. Специальное внимание автор отводит репрезентации гастрономической семиотики этого типичного тюркоязычного города: «...мы опишем тюркоязычный город как многоголосное средоточие некоторых дискурсивно-презентационных практик, связанных с национально значимыми пищей и питьем». Раскрытие семиотических аспектов гастрономических коммуникативных практик, характерных для дискурса Стамбула автор производит, опираясь на категорию гостеприимства: «Тюркоязычный город демонстрирует свои специфические семиотические и коммуникативные устои: доминантой в этой сфере выступает такая социокультурная категория, как гостеприимство. Для человека Востока гость священен в принципе: он является ключевой ценностью среди тюркоязычных этносов, и это аксиома, освященная веками и самим Аллахом»²¹⁵. Данный тезис находит подтверждение в многочисленных турецких и азербайджанских пословицах и поговорках, в определенных нормах социума и межкультурного общения: «Ценностные основы гостеприимства вербализируются в целом ряде тюркоязычных паре-

²¹⁴ Олянич А. В. Тюркоязычный город как гастрономический «текст» и «дискурс» // Концепт. Научно-методический электронный журнал. 2014. Т. 20. С. 26–30. URL: <http://e-koncept.ru/2014/54265.htm>.

²¹⁵ Там же.

мий: qonaq ruzisini gətirər və əhlinin qənahlarını aparar (азерб. «гость приносит свое пропитание и уносит грехи домочадцев») <...> Гостеприимство – это приобщение к Богу, просьба защиты и покровительства высших сил; получение баракат (тур. bereket «благодать») – залога изобилия; «осваивание» чужого – приобретение друга; укрепление связей с соплеменниками; утверждение социального статуса; передача жизненного опыта; формирование ценностных ориентиров; усвоение морально-этических норм социума; реализация коммуникативной потребности»²¹⁶.

Улицы Стамбула, его базары автору видятся через призму обещания глуттонического наслаждения. Они зовут к непрекращающему насыщению едой, соблазняют привлекательной рекламой, запахами вкусной пищи. Семиотика глуттонического дискурса раскрывается через интеракции общения туристов с продавцами снеди, с многочисленными зазывалами. Она проявляется также через напитки и блюда, каждый из которых является знаком гастрономической коммуникации. Семиотическая функция данного дискурса поддерживается и обогащается самими гостями города посредством трансляций на публику своих впечатлений от увиденных и посещаемых гастрономических мест и точек питания: «А после мы плывем на пароме в Азию, к пристани Кадыкёй, где переходишь через дорогу – и внедряешься в кварталы с лавочками, где громоздятся полукилограммовые пачки чая, являют себя темно-красные поленья бастурмы, свисают связки сушеных баклажанов и помидоров и мешки со специями и орехами разных родов стоят раскрытыми – и тут же: кебабы, жареная хамса и мидии в кляре (пробуем и то и другое в виде сэндвичей) – и кокорёч, жареные порубленные потроха, которые еще мельче рубят прямо на жаровне лопаткой, похожей на большой шпатель, подкладывают резаных помидоров, прижимают к горке булку и набрасывают в нее жаркий этот и острый порох»²¹⁷.

Гастрономический текст тюркоязычного города, считает Олянич, насквозь семиотичен и презентационен и одним из типов знаков, особенно значимых для его существования, являются знаки обработки, приготовления и потребления пищи, которые, были обозначены автором понятием «пре-

²¹⁶ Там же.

²¹⁷ Там же.

зентема». Под презентемой понимается знаковый комплекс, состоящий из когнитивно освоенных субъектом концептов и образов окружающего мира, и переданный в процессе коммуникации другому субъекту с целью воздействия на него²¹⁸.

Олянич выстраивает типологию знаков-презентем, формирующих семиотическое «тело» гастрономической культуры тюркоязычного города:

Презентемы-локативы. К ним относятся этноспецифические номинации заведений общественного питания или локанты (тюрк. Lokanta – предприятие питания быстрого обслуживания): «Среди презентем-локативов назовем также такие тюркоязычные номинации, как balik lokantasi – рыбный ресторан; kofte lokantasi – ресторан, в котором готовят кёфте (мясные тефтели) как специалитет; kebab lokantasi, в котором готовят кебабы как специалитет; meyhane – ресторан, где к употреблению разрешен алкоголь (букв. тюркск. mey – вино, hane – дом); zayhane – чайхана; yemek odasi – точка питания, столовая; evi sarar – дом вина, рюмочная»²¹⁹.

Презентемы-глуттонимы. Представляют собой конгломерат знаков, рефлектирующий национальную гордость гастрономической среды тюркского города, которые включены в его «текст». К ним относятся названия, способы приготовления и подачи блюд, имеющие определенный культурно-национальный смысл: «Так, атистирма табаги, т.е. национальная закуска турков из баклажан, обжаренных на гриле и подаваемая с чесночным и масляным соусами, свежей фасолью, бобами, смородиной и абрикосами... состоит из продуктов, известных всему миру, однако тюркоязычный специфический смысл кроется в национальном своеобразии самой совокупности этих продуктов при приготовлении и подаче... Такой общеизвестный продукт как креветки (karides) в турецком ресторане традиционно подаются пряными (acili) и томленными в оливковом масле (sote), в национально признанном сочетании с рисом басмати (basmati) и сацумой (satsumali) –

²¹⁸ Олянич А.В. Презентационная теория дискурса: Монография. М.: Гнозис, 2007. 407 с. С. 182.

²¹⁹ Олянич А.В. Тюркоязычный город как гастрономический «текст» и «дискурс» // Концепт. Научно-методический электронный журнал. 2014. Т. 20. С. 26–30. URL: <http://e-koncept.ru/2014/54265.htm>.

с цитрусовым фруктом, родственником мандарина, который произрастает только в тюркоговорящих странах»²²⁰.

Далее автор останавливается на сакральных глутто-нических презентемах, связанных с особенностями «постного стола» в месяц Рамадан, говорит о ритуальных презентемах, практикующихся во время застолья и др.

Статья А.В. Олянича, таким образом, раскрывает особенности семиотического подхода к дискурсу травелога посредством выявления и демонстрации знаковых систем гастрономического дискурса тюркоязычного города. Методологический подход, продемонстрированный автором статьи, можно считать базисным для формирования семиотического взгляда на разнообразные формы презентационных дискурсов, которые можно обнаружить в репрезентациях любого травелога.

2.3. Перформативный аспект дискурса травелога

Одним из методологических поворотов современного гуманитарного знания является перформативный поворот, акцентирующий внимание исследователей на перформативных актах, характеристиках коммуникативного действия, на способах репрезентации культурных практик, социальных притязаний, идентичностей, на технологиях презентации, позиционирования, имиджевого конструирования и брендинга того или иного объекта или субъекта. Все это выступает предметной областью изучения современных performance studies²²¹.

Понятие перформативности имеет собственную историю становления в гуманитарном знании: Ж. Деррида говорил о перформативной силе письма, Дж. Остин сформулировал концепцию перформативных высказываний²²², Дж. Батлер разработала перформативную теорию гендера, в которой

²²⁰ Там же.

²²¹ Доманска Эва. Перформативный поворот в современном гуманитарном знании // Способы постижения прошлого: Методология и теория исторической науки / ответ. ред. М.А. Кукарцева. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2011. С. 226–235.

²²² Остин Д. Три способа пролить чернила: Философские работы / пер. с англ. В. Кирющенко; М. Колопотина. СПб.: Изд-во «Алетейя»: Изд-во С.-Петербур. Ун-та, 2006. 335 с. С. 262–281.

перформанс рассматривается в качестве многократно повторяемого ритуала, совершаемого под воздействием силы табу²²³. Кроме того, перформанс-исследования своими корнями уходят в работы М. Бахтина о феномене карнавальной культуры²²⁴, в анализ общества спектакля Ги Дебора²²⁵, в изучение ритуалов В. Тёрнера²²⁶. Определенный вклад в разработку перформативного концепта (в контексте теории символического капитала) внес П. Бурдьё, который ввел в научный оборот такое сценарное понятие как «габитус» (принцип регулируемой импровизации) в качестве реакции на структуралистское понятие о культуре как системе правил²²⁷.

В настоящее время масштаб исследований включает в себя изучение самых разнообразных перформансов, к которым относятся медиа-перформансы, педагогические перформансы, театрализованные политические шоу, спортивные шоу, маркетинговые презентации, а также хирургические операции и террористические акты. Базовой установкой перформанс-исследований выступает постулат о том, что перформанс есть ключевой аспект человеческого существования и процесса выстраивания социокультурных коммуникаций, он является топосом социальной трансгрессии. Ряд исследователей говорят о перформативном повороте как о новой парадигме, как о знаке вхождения в новую эпоху, в которой предмет, знак и вещь сливаются воедино. Специалист в области сравнительной теории социально-гуманитарного знания Эва Доманска, говоря о новой парадигме, отмечает: «Можно выделить следующие характеристики перформативного поворота: фокус на действии и изменениях в реальности; экс-

²²³ Батлер Джудит. Психика власти: теории субъекции / пер. Завена Баблюяна. Харьков: ХЦГИ; СПб.: Алетейя, 2002. 168 с. С. 121–122.

²²⁴ Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. 2-е изд. М.: Худож. лит., 1990. 543 с.

²²⁵ Дебор Ги. Общество спектакля / пер. с фр. С. Офертас и М. Якубович; ред. Б. Скуратов; послесловие А. Кефал. М.: Издательство «Логос», 2000. 174 с.

²²⁶ Тёрнер В. Символ и ритуал / составитель и автор предисл. В.А. Буйлин. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1983. 277 с.

²²⁷ Бурдьё П. Структура, Габитус, Практика // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Том I, № 2. С. 44–59.

траполирование концепта действия нечеловеческие формы жизни (постгуманизм перформативной идиомы); меж- или антидисциплинарные исследования; отказ от метафоры мира как текста и апелляция к метафоре мира как множеству перформативных действий и перформанса, в котором кто-то или что-то участвует»²²⁸.

На наш взгляд, данный поворот следует рассматривать как переход от оптики текстовых интерпретаций к оптике репрезентаций. При этом постмодернистская теория дискурса оказывается весьма органично вплетенной в репрезентативный акцент перформанс-исследований, поскольку рассматривает дискурс в качестве коммуникативной интеракции и символической практики конструирования идентичности²²⁹. В перформанс-исследованиях как и в постмодернистских дискурс-исследованиях субъект выступает в роли деятельного начала, он находится в постоянном взаимодействии с другими акторами (по терминологии Ю. Кристевой «субъект-в-процессе»²³⁰). Постмодернизм неоднороден, он не сводится к эпистемологии текста и к утрате субъекта. В концептуальном арсенале постмодернизма обнаруживаются идеи формирования интересубъектности (Дж. Батлер²³¹) и дискурсивного конструирования символической реальности и власти (П. Бурдьё²³²). Кроме того, именно в рамках

²²⁸ Доманска Эва. Перформативный поворот в современном гуманитарном знании // Способы постижения прошлого: Методология и теория исторической науки / ответ. ред. М.А. Кукарцева. М.: «Канон+» РООИ «Реадилитация», 2011. С. 230.

²²⁹ Русакова О. Ф. Перформативный поворот в современных гуманитарных исследованиях // Гуманитарная академическая наука Урала: приоритеты и перспективы исследовательского поиска: материалы Всероссийской научной конференции. 17–18 июня 2013 г. Екатеринбург: АМБ : РАН : УрО РАН : ИИиА : ИФиП, 2013. С. 66–74.

²³⁰ Кристева Ю. Избранные труды: Разрушение поэтики / пер. с франц. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. 656 с. С. 68–83.

²³¹ Батлер Джудит. Психика власти: теория субъекции / пер. Зевена Баблюна. Харьков: ХЦГИ; СПб.: Алетейя, 2002. С. 92–111.

²³² Бурдьё П. Рынок символической продукции / пер. с фр. Е. Д. Вознесенской // Вопросы социологии. 1993. № 1/2. С. 49–63; Социоанализ Пьера Бурдьё. Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии Российской

постмодернистской парадигмы получили свое развитие концепции соблазна Ж. Бодрийяра²³³ и обольщения Ж. Липовецки²³⁴, которые раскрыли механизмы аттрактивности перформанса как символической коммуникации.

В современной культурологии перформативный поворот проявляет себя, прежде всего, в трёх формах: 1) в виде усиленного внимания к изучению ритуальных перформансов (жертвоприношение, погребальный акт, коронация, присяга и т. д.); 2) в форме исследований символики проведения публичных празднеств (государственных, религиозных, народных) и юбилейных торжеств; 3) в виде практической реконструкции и репрезентации образа жизни, знаковых событий и культуры прошлых эпох. По поводу первых двух форм известный историк культуры Питер Бёрк пишет следующее: «Публичные празднества, очевидно, лучше поддавались анализу с точки зрения перформанса, и их действительно так анализировали, как в случае с коронацией королевы Елизаветы Второй, интерпретированной как «перформанс консенсуса», или с народными праздниками в Венесуэле, рассматривавшимися как националистические перформансы»²³⁵.

Дискурс травелога несет в себе *перформативное* начало, поскольку выступает формой репрезентации способов (или инструментов) осуществления путешествий. Архаические способы путешествия (пешком, на мулах, на оленях, на лошадях, на собаках) сначала сменяют путешествия на водных судах и на железнодорожном транспорте, позднее возникают автомобили и самолёты, а во второй половине XX-го столетия появляются космические корабли, которые открывают возможность космических путешествий.

Дискурс путешествия, рассматриваемый с перформативной точки зрения, наглядно демонстрирует масштабность

Академии наук. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2001. С. 125–126.

²³³ Бодрийяр Ж. Соблазн / пер. с фр. А. Гораджи. М.: Из-во Ad Marginem, 2000. С. 36, 96, 99.

²³⁴ Липовецки Ж. Эра пустоты. Эссе о современном индивидуализме / пер. с фр. В. В. Кузнецова. СПб.: Владимир Даль, 2001. С. 31–45.

²³⁵ Бёрк П. Что такое культуральная история? [Текст] / пер. с англ. И. Полонской; под науч. ред. А. Лазарева; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». 2-е изд. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. С. 145.

исторической эволюции средств передвижения и значительный рост технической оснащенности путешествия: от парусника и повозки, запряженной лошадьми, до тривиального обращения в турфирму с целью бронирования места (в автобусе, вагоне поезда, на корабле или в самолете), номера в отеле, часто расположенного на другом континенте, с оплатой всех туристических услуг посредством банковской карты.

Дискурс травелога обогащает человека не только новыми способами перемещения в пространстве-времени (объективном и субъективном), но и новыми способами существования, вплоть до способов смысложизненного ориентирования. К примеру, повальное увлечение многих просвещенных людей Востоком в XIX в., восточным образом жизни, восточными духовными ритуалами способствовали формированию многомерного видения мира и человека, обогатили существующие культурные практики новыми видами перформанса. Развитие в XX в. глобальных коммуникаций, усиливших интенсивность взаимодействия с чужими культурами, вращаясь в чужие цивилизационные структуры со всеми их диковинными институциями, нормами и ценностями, технологиями существования, «практиками себя», привели к появлению такого дискурса травелога, который характерен для «гражданина мира», открытого к восприятию действительности как единой и целостной системы.

Однако сводить перформативный аспект дискурса травелога только к самим практическим формам межкультурной коммуникации было бы неверно. Дело в том, что перформативный аспект дискурса травелога предполагает реализацию заложенного внутри него наставительно-инструктивного начала, направленного на передачу важной информации о том, как следует проникать в неведомое, какие здесь накопленные знания и формы опыта могли бы помочь. Речь в данном случае идет о лингвопрагматической функции перформативного дискурса травелога, которая связана с переориентацией исследований языка с изучения его структур на изучение его функционирования.

В развитие лингвопрагматики значительный вклад внесли работы Дж. Остина по теории речевых актов²³⁶.

²³⁶ Остин Дж. Как производить действия при помощи слов / пер. В.П. Руднева; Смысл и сенсibiliити / пер. Л.В. Макеевой // Избранное. М.: Дом интеллектуальной книги, 1999. 332 с.

Дж. Остин предложил разграничивать два типа высказываний – перформативные и констативные. Если констативные высказывания или «констативы» лишь описывают, изображают окружающую действительность, т.е. сообщают что-то о ней, то «перформативы» производят речевые поступки, имеющие определенные результативные следствия как для говорящего, так и для слушающего, другими словами – осуществляют какие-то действия; само произнесение данных высказываний является осуществлением некоторого акта.

Вопрос о соотношении перформативных и констативных высказываний привел к появлению, как минимум, двух позиций: одна настаивала на строгой дихотомии констативов и перформативов, а другая – на относительности их различия, поскольку они всегда погружены в речевой акт, направленный на то, чтобы посредством речи вызвать необходимое действие (в противном случае речь оказывается бесцельным «сотрясанием воздуха»). Поэтому слоган «Слово как действие» требует уточнения: о каком действии идет речь? К высказываниям перформативного типа, как подчеркивал Д. Остин, неприменим критерий истинно/ложно, но применим критерий успешно/неуспешно, поскольку перформативный дискурсивный акт означает для него «оперативный». Соответственно, в речевых актах следовало различать «локутивные» (описывающие, констатирующие) и «иллокутивные» компоненты, подразумевающие действия, отличные от собственно самого речевого действия (акта говорения).

В дальнейшем произошло неизбежное различие так называемого «сильного перформатива», произнесение которого непосредственно влекло социальные, юридические и иные действия, акты, и «слабого перформатива». Акцент смещался на изучение коммуникативной ситуации: что происходит/не происходит в процессе говорения, произнесения высказываний.

Для целей нашего исследования важно то, что употребление перформативов подразумевало изменение или способа мышления, рассуждения («ментальный перформатив») или социальной среды путем совершения поступка, за которым наступала та или иная ответственность (юридическая, моральная, политическая и т.п.). В этой связи выделим следующие виды перформативных сообщений: признание, обещание, просьба, предложения, советы, предупреждение, требование, запрет, разрешение, согласие, возражение, одобрение,

осуждение, прощение, речевые ритуалы, социальные акты передачи сообщений, отмена, отказ, назначение, нареkanie.

В литературе делаются попытки сформулировать наиболее важные признаки перформатива: характерной формой для них выступают побудительные предложения (просьбы, приказы). Кроме того, хорошо известно, что перформативность высказывания создается не только наличием или отсутствием перформативного глагола, но и рядом других средств, например таких, как ударение, интонация, коннотация, жесты, мимика, контекстуальность.

Исследователь Ю.Д. Апресян выделяет признаки перформативных глаголов на основе анализа семантических и грамматических характеристик перформативов: «...перформативным является всякий глагол речи, лексическое значение которого удовлетворяет двум условиям:

1) не содержит компонентов, противоречащих сущности перформативного употребления или делающих такое употребление абсурдным;

2) содержит семантические компоненты, оправдывающие затрату усилий, связанную с введением в высказывание перформативной формулы.

Глаголы речи, лексико-семантическая структура которых не удовлетворяет ни одному из указанных условий, являются принципиально неперформативными глаголами»²³⁷.

Исследование дискурса травелога с позиции перформативного подхода позволяет выделить в отдельную жанровую группу его наставительные практики. К ним можно отнести, во-первых, самые древние продукты устного народного творчества – сказания, которые, в принципе, и были дискурсом-предписанием каждому члену племени относительно того, как следует воспринимать устройство мира, задавали универсальные надвременные схематизмы поведения. Во-вторых, – это огромный корпус текстов травелога в жанре путеводителей, карт-схем, лоций, инструкций экстренного покидания в случае ЧП и т. п., которые предполагают неукоснительное исполнение связки «слово-дело», за соблюдение чего предусмотрены разнообразные санкции (юридические, экономические, политические и т. п.). В данных жанрах травелога их дискурс выступает не только настоящим перфор-

²³⁷ Апресян Ю.Д. Перформативы в грамматике и словаре // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. Т. 45. № 3. 1986. С. 28–36.

мативом, но и требуют реализации перформанса как определенной практики.

В-третьих, отметим достаточно обширный корпус текстов травелога в жанре методических советов, самоучителей, инструкций по обучению, руководств по выработке и принятию решений. Он также текстуально насквозь перформативен: обучаемый-инструктируемый выступает Путником, делающим первые шаги по неведомым странам (Так их авторы часто и называют свои пособия, стремясь достичь максимального воздействия: «Страна Философия», «Приключения в мире (далее – на выбор: электронов, атомов и молекул, растений и животных, чисел и букв и т.п.)). При этом очевидно тяготение этих предписаний к целому представлению, где важны и сценарий, и состав участников, и интрига, и «контрапункт», в котором должно свершиться правильное разрешение всех конфликтов.

Отвлекаясь от споров о культурных достоинствах перформанса как явления, сосредоточим внимание на некоторых, если можно так выразиться, «технологических» сторонах. Действительно, перформанс есть, во-первых, действие (мика, жест, речь), самого рассказчика-информатора,; во-вторых, как представление или репрезентация – это наррация, повествование, создание определенного образа в восприятии адресата; другими словами, это – сценарно-постановочное действие, заранее спланированное и «срежиссированное»; в-третьих, хотя сам перформативный дискурс не вовлекает адресата непосредственно в само практическое действие, он предоставляет ему возможность переживать степень действенности создаваемого образа, фактически, задавая и даже предписывая способ восприятия сказанного и представленного.

При этом важно помнить: перформативный дискурс обязательно оценивается успешностью произведенного действия, достижением поставленной цели. В случае, когда актором травелога выступает Гость, его первой обязанностью является рассказ, повествование о Пути (цели, препятствия, приключения, сведения о городах и странах и людях). Так, в пушкинской сказке о царе Салтане в подражание традиции устного народного сказительства троекратно повторяется сцена приема царем заморских гостей с обязательным предложением поведать о том, что «за морем житье – не худо, в свете ж вот какое чудо...». Гость (Путник, Сказитель) обя-

зан угодить хозяину максимально интересным рассказом об увиденном, услышанном и т.п. Поскольку Гость-Путник в своих странствиях сталкиваются с Неведомым, возникает естественная трудность передать это непонятное явление всеми доступными средствами – вербальными (речь) и невербальными (мика, жест, интонация).

Перед рассказчиком встает проблема нахождения понятного для слушателей языка, чтобы доступно описать явления чудесного и невиданного, которое он встретил на своём Пути: иноземцы едят не ту пищу, не таким способом, не в то время, не в том месте; вступают в «противоестественные» отношения друг с другом, молятся не тем богам, ведут неправильный, «противоестественный» образ жизни. Гость-Путник должен изобразить и представить все сказанное максимально наглядным, действенным образом.

Со временем перформативный дискурс травелога модифицируется, сообразно новым, наработанным средствам передачи информации о координатах важных объектов в виде, карт, лоций, схем движения, путеводителей, о границах и прочих ограничениях (пункты пограничного и таможенного контроля, запретные зоны), о трассах сплавов по рекам, проходах по тропам через перевалы и т.п. Прочерченные, установленные и закрепленные (предписанные) маршруты движения обладают властно-распорядительным характером, поскольку ограничивают возможные отклонения в пространстве и времени, в характере передвижения и т.п. Таким образом описание маршрута (повествование о Пути) приобретает характер четко заданного сценария будущего Спектакля-Отчета о путешествии.

Отдельно необходимо сказать о травелоге в форме отчетов научных экспедиций, в которых перформативный аспект становится обязательной частью достоверности повествования. Для достижения максимального эффекта достоверности используются все потенциальные возможности перформанса: макеты, чучела, гербарии, зарисовки, фото-, кино-, аудио-, видеосъемка, коллекции образцов горных пород и изделий народных промыслов и т.п. Отчеты об экспедициях выдающихся ученых-первооткрывателей (Т. Кук, Ч. Дарвин, Н. Миклухо-Маклай, Н. Пржевальский, П. Семенов-Тянь-Шанский, В. Обручев, И. Ефремов и др.), дополненные путевыми записками, дневниками, документальными произведениями, соединяют в себе достоинства «живых картин»,

спектакля, зрелища, представления, обладающих мощным воздействием на их адресат.

В общем и целом перформативные свойства дискурса научного травелога, например, представленного в форме методического пособия или самоучителя, давно и хорошо известны. На использовании этих свойств основывается перспектива повышения усвояемости учениками и студентами теоретического и учебного материала. Огромную перформативную роль в учебном процессе выполняет педагогическое мастерство преподавателя, который «пропускает» учебный материал «через себя», дополняет его изложение своей мимикой, интонацией, жестами, использованием наглядных пособий (чертежи, схемы, таблицы, диаграммы, макеты, действующие модели и т. п.), то есть, зрелищно обставляет свой педагогический спектакль, призванный убедительно продемонстрировать процесс движения мысли, раскрыть пути познания.

Перформативный аспект дискурса «путеводной» литературы, выступающей «учебником жизни», наиболее полно и синтетически выражается посредством своего воспитательного воздействия на читателя. Ее позитивные герои выступают образцами поведения, задают смысложизненные ориентации, объясняют, «делать жизнь с кого».

Видовое разнообразие перформативных дискурсов травелога в значительной степени обусловлено многообразием коммуникативных событий, из которых состоят путешествия. Одним из видов такого рода перформативных дискурсивных практик выступает дискурс автомобильного путешествия.

Рассмотрим далее алгоритм репрезентации перформативного дискурса автомобильного путешествия, взятого в качестве целостного коммуникативного события. Теоретической основой для такого рода анализа для нас является работа Т.Н. Некрасовой и А.В. Олянича, посвященная лингвосемиотике автомобильного путешествия, в которой дана двуаспектная модель дискурса травелога, соединяющая семиотический и перформативный подходы²³⁸.

Если в краткой форме воспроизвести структуру автомобильного путешествия, которая предлагается авторами дан-

²³⁸ Лингвосемиотика автомобильного путешествия: монография / Т.Н. Некрасова, А.В. Олянич. Волгоград: ФГБОУ ВПО Волгоградский ГАУ, 2013. 160 с.

ной работы, то она будет выглядеть приблизительно таким образом: 1) участники автомобильного путешествия (субъекты), «среди которых – водители, пассажиры, пешеходы, регуляторы движения, работники дорожных служб»²³⁹; 2) автодорожная магистраль, которая для России является зоной риска для жизни, социальных коллизий и конфликтов как с властью в лице дорожной полиции, так и между самими участниками дорожного движения²⁴⁰; 3) знаковая система регулирования движения, включающая специализированные дорожные знаки и топографические знаки – наименования населенных пунктов, обозначения границ территорий с использованием пограничных стел («Ставропольский край», «Республика Алтай», «Волгоградская область» и т.п.), топографонимы, указывающие на религиозную специфику территории, по которой проходит маршрут путешествия (приверженность население территории православной вере обозначена православным крестом; национальный символ Калмыкии – лотос – можно увидеть на границе Волгоградской области и Калмыкии и т.п.)²⁴¹; 4) институциональные регуляторы дорожного движения: дорожная полиция, сотрудники ГИБДД, работники сферы услуг для обеспечения технической безопасности движущегося средства, – пункты автосервиса, шиномонтажа, бензозаправок; пункты питания, торговли, обеспечения комфортного ночлега, служащие медпунктов; работники ремонтных дорожных служб²⁴²; 5) зона профессионального дискурса автомобилистов, которая подерживается текстами четырёх типов речевых жанров: жанр «техническая характеристика» (техническое описание); жанр «инструкция» (совет); жанр «комментарии к увиденному»; жанр «журналистское (рекламное) ревью»²⁴³; 6) ритуальные дискурсы, призванные посредством обрядовых действий предотвращать опасности, которые могут грозить водителю и пассажирам большими неприятностями²⁴⁴; 7) коммуникативные интеракции между участниками автомобильного путешествия, включающие использование всех видов про-

²³⁹ Там же. С. 105.

²⁴⁰ Там же.

²⁴¹ Там же. С. 27–28.

²⁴² Там же. С. 129.

²⁴³ Там же. С. 130.

²⁴⁴ Там же. С. 59–63.

фессионального перформативного дискурса, а также – применение неформального («карнавального») перформативный дискурса²⁴⁵.

В работе авторы подробно останавливаются на особенностях перформативных дискурсов, выступающих в роли институциональных регуляторов автомобильного путешествия. Отметим, в частности, высокий профессионализм проведения семиотического анализа пунктов общественного питания, чьи названия (знаки-прагматонимы) обусловлены прагматическими соображениями их авторов, а потому могут быть отнесены к разряду перформативных дискурсов. «Знак-прагматоним рассматриваемой сферы, – отмечают авторы, эксплуатируется его создателем для достижения ряда прагматических целей, при этом структура знака и заложенные в него номинативные свойства используются по-разному. Придорожное заведение питания – это бизнес, соответственно, основная цель его хозяина – извлечение прибыли. Прибыль нельзя получить без привлечения клиентов, поэтому следующей целью владельца заведения является стремление сделать своё предприятие максимально привлекательным для путешественников, а в идеале – обеспечить его постоянными посетителями. Наконец, третья цель – выиграть «битву за бизнес-территорию» или выстоять в борьбе с конкурентами, которых у каждой точки питания на трассе немало...»²⁴⁶.

Названные авторами цели детерминируют креативность товарного знака придорожного заведения общественного питания, придают коммуникативно-аттрактивный характер его вывеске. Схожими свойствами обладают рекламные вывески придорожных рекреативных центров, призванных обеспечить отдых и поддержать здоровье путешественников. К примеру, подъезжая к г. Белгороду можно увидеть следующее рекламное объявление, размещенное на билборде большого размера: «Путник, подумай: не пора ли тебе сбавить скорость? Остановись и отдохни у нас! К твоим услугам:

- современные номера (кондиционер, ванна, душ, туалет),
- бильярд, пинг-понг, шашки, шахматы, нарды,
- игровой уголок для детей,
- парикмахерская для дам и их кавалеров,

²⁴⁵ Там же. С. 104–114.

²⁴⁶ Там же. С. 37.

-
- бесплатный массаж плеч за 15 минут, ...
 - непревзойденные блюда азербайджанской кухни,
 - настоящий турецкий кофе,
 - шикарная стоянка для твоего авто!

Путник, остановись и подумай: стоит ли спешить дальше?»²⁴⁷.

Приведенный текст рекламного объявления свидетельствует о прямом намерении владельцев придорожного места рекреации (скорее всего, небольшого отеля) оказать дискурсивное воздействие на участников автомобильного травелога, с целью побудить их посетить данное заведение. Само объявление выступает ярким примером перформативного дискурса, функционирующего внутри знаковой системы автомобильного травелога.

К сожалению, авторы работы ограничили свой лингвосомиотический анализ травелога исключительно изучением внутрಿದорожных перформативных дискурсов, не выходя во внешнюю сферу – в область перформативных дискурсов, связанных с обзором достопримечательностей и встреч с людьми, проживающих на обследуемых территориях.

Отметим, что «внешние» перформативные дискурсы автомобильного травелога, бесспорно, широко присутствуют в видеофильмах об автомобильных путешествиях, в которых главной целью выступает составление визуально отчета об образе жизни людей в других странах. Ярким тому примером служат автомобильные травелоги В. Познера и И. Урганта по Северной Америке, Франции и Италии. В них буквально все сюжеты выступают манифестациями дискурсов перформативного характера. Однако для их подробного анализа потребуется отдельное исследование, которому мы собираемся посвятить наши последующие работы.

2.4. Кратологический и аксиологический аспекты дискурса травелога

Говоря о кратологическом аспекте дискурса травелога, мы очевидным образом намекаем, что он связан с некоей *властью* или обладает таковой²⁴⁸. Понимая власть в общефи-

²⁴⁷ Там же. С. 46.

²⁴⁸ Русакова О.Ф., Спасский А.Е. Дискурс как властный ресурс // Современные теории дискурса: мультидисциплинарный

лософском плане как *способность субъекта навязать свою волю объекту*, используя для этого различные средства (*силу или угрозу ее применения, материальное богатство в натуральной или денежной форме, убеждение как воздействие с помощью знаний, как внушение с помощью чувств и, наконец, социальные институты – обычаи, традиции, организации и учреждения*), мы неизбежно обнаруживаем, что *дискурс травелога тесно связан с феноменом общественной и государственной власти.*

Всякое повествование (нарратив) неизбежно «вплетен» в систему определенных регуляторов человеческого поведения в обществе²⁴⁹. Хорошо известно, что рассказывать в обществе что-либо без соблюдения определенных правил построения нарративного дискурса нежелательно, а в ряде случаев просто запрещено. Существуют определенные виды ответственности за речь: юридическая, моральная, нравственная, политическая, религиозная и т.п. Поэтому не всякое повествование о путешествии будет уместным и воспринято правильно. Исповедь о совершенных в прошлом (на жизненном пути) поступках может быть воспринята как признание в совершении противоправного или аморального деяния.

Дискурс травелога обладает *властно-распорядительным ресурсом*: любая экспедиция предполагает целый комплекс необходимых и совершенно неизбежных мероприятий – определение целей, маршрута, сроков, состава участников, материального и информационного обеспечения, взаимодействия на случай форс-мажора. Современные лоции, карты и справочники содержат предписания, обязательные к их выполнению. Гиды и путеводители специально предписывают Путнику придерживаться определенного маршрута, соблюдать те или иные правила продвижения, сообщают, что следует игнорировать, отбрасывать, а что фиксиро-

анализ. Сер.: «Дискурсология». Вып. 1. Екатеринбург: Издательский Дом «Дискурс-Пи», 2006. С. 162.

²⁴⁹ Вряд ли нарратив уместен вне человеческого общества: даже отправленное послание (рассказ о человечестве) внеземным цивилизациям, которые встретятся межпланетной космической станции «Пионер-10» (1972) на ее пути к Альдебарану, будет все-таки исходить из идеи возможного контакта (отправителя и адресата) (http://www.nasa.gov/mission_pages/pioneer/).

вать и брать на вооружение, что можно приобрести, а что не рекомендуется.

Особенно отчетливо кратологический (властно-распорядительный) аспект дискурса травелога проявляется в системах, становящихся и затвердевающих в форме *социальных институтов* – странноприимные дома и приюты, турфирмы и страховые компании, межправительственные соглашения и традиции гостеприимства, распространение и усвоение языков межэтнического, межплеменного, межнационального общения. Правовое регулирование всевозможных перемещений и передвижений весьма разнообразно и детально проработано:

а) запреты и предписания о местах экстренного (чрезвычайного) передвижения, обозначаемые табличками «Exit», «Emergency», «No Entry», «No Go Area» и т.д.;

б) всевозможные инструкции по спасению туристов, путешествующих по суше и по морю и т.п., указания, что делать и чего не делать, к примеру, предписание в случае наступления опасности – звонить в службу спасения по номеру 911 и т.п.;

в) утверждать маршруты передвижения групп туристов, отдыхающих и т.п., от которых те не имеют право отклоняться.

Речь идет о сформированной в обществе системе *норм и правил* (как писаных, юридических, на охране которых стоят государственные институты, так и неписанных, опирающихся на авторитет общественного мнения), задающей пространство и способы максимально возможного бесконфликтного общения и взаимодействия людей, могущих приобщаться к нормам и ценностям (религиозным, культурно-историческим, нравственным, политическим и т.п.) непривычных и даже первоначально чуждых для них культур.

Более того, властно-распорядительный ресурс дискурса травелога *предписывает* юношам из благородных семейств отправляться в заграничное путешествие, дабы набраться «ума-разума» и жизненного опыта. В течение такого путешествия *они обязаны* либо регулярно писать родителям (отчеты-описания проделанного пути), либо вести дневник, либо и то и другое вместе.

Проделанный географический или жизненный путь необходимо было изложить в виде некоего повествования, весьма ценного в дискурсе травелога с точки зрения осуществления саморефлексии, извлечения жизненного опыта в назидание другим. Так, ушедшие в отставку военные, государственные и гражданские политические деятели, садились писать

мемуары. Тем более это занятие было важным для ученых дабы не пропали втуне плоды их изысканий, представления о правильных и ложных путях к истине и о значении и роли множества факторов, о которых не принято говорить в официальных отчетах.

Особенный властно-распорядительный ресурс присущ всякого рода *методическим наставлениям и самоучителям*, картам-схемам и логиям: требования и правила, сформулированные в документах данного рода, подлежат обязательному исполнению. Уклонения влекут серьезные последствия.

Наряду с кратологическим аспектом дискурса травелога, в нем глубоко укоренен и разнообразен *аксиологический аспект*. Он получил серьезную разработку в культурной истории самосознания человечества.

Прежде всего, универсальный характер имеет идея *ценности* путешествия, но не только самого путешествия, а именно – переживания и, соответственно, продумывания и *повествования о путешествиях*. Важен артикулированный опыт путешествия. И, коль скоро, дискурс травелога обладает архетипическими чертами – он амбивалентен, в том смысле, что изначально ценность не предопределена – положительная она или отрицательная. Как мы уже говорили в главе о концептах травелога – может быть ситуация не только «позитивного» опыта странствий, но и негативного: что называется, «горький хлеб изгнания», чужбины и беженства. Предельным выражением такого негативного опыта в иудео-христианской традиции выступает образ Агасфера, «вечного жида», когда Путь окончательно и бесповоротно побеждает Путника. Путешествие превращается в бегство, а Путник – в вечного беженца. Тогда начинается «дурная бесконечность» и «скука вечности». В сущности, в этой непрерывной маете непрестанного бегства ничего не происходит и повествовать здесь уже не о чем.

И все-таки, ценность путешествия, в котором происходит перерождение Путника, имеет исключительно важное значение в культурном плане, и потому все великие и малые путешествия, когда-либо свершившиеся, вновь и вновь нами рассказываются и пересказываются. Мы мысленно-практическим способом поворачиваем их так и сяк, пытаясь усилить «оптику» их рассмотрения, переосмыслить с высоты нового обретенного опыта²⁵⁰.

²⁵⁰ Множество замечательных примеров можно привести

Ценность именно травелога – повествования о путешествии, пройденном пути, а не о самом путешествии, – выражена в мировой литературе предельно разнообразно.

С Древности хорошо известен архетип (схематизм) путешествия молодого человека как обязательный элемент его становления как личности, обретения им необходимого жизненного опыта. Вспомним знаменитое предание о беседе Платона с египетским жрецом, в котором последний как раз и подчеркивает значимость подобного действия: «Вы, греки, как дети и нет у вас учения, поседевшего от времени». Поиски опыта не обязательно упираются в обретение «учения, поседевшего от времени». Обычно под ними подразумевается важный и необходимый этап формирования личности, «воспитания чувств»²⁵¹. Антиподом этого схематизма выступает другой: местечковая ограниченность и частная заскорузлая тупость, вплоть до идиотизма²⁵².

Действительно, опыт переживания странствий (в поисках ли сведений об окружающем мире, в поисках ли самого себя) преобразует личность, в пределе, возводя ее на мировой, общечеловеческий уровень. А травелог, повествование об этом, помогает пережить этой личности и нам следом за ней – катарсис.

в подтверждение данного тезиса, в том числе, например, работу С.С. Аверинцева о Плутархе, об его знаменитых «Жизнеописаниях», т.е., в сущности, о травелогах (См.: Аверинцев С.С. Плутарх и античная биография. М.: Наука, 1973. 276 с.).

²⁵¹ Вспомним хрестоматийные «Письма русского путешественника» Н.М. Карамзина или «За рубежом» М.Е. Салтыкова-Щедрина. Другая сторона таких травелогов ярко представлена М. Твенном в его «Простаки за границей, или Путь новых паломников» (*The Innocents Abroad, or The New Pilgrims' Progress*).

²⁵² Понятно, что речь идет не столько о персонажах типа «г-жи Простаковой», заявляющей – «зачем мне география, когда есть извозчики», или Кабанихи, черпающей от каликов переходных достоверные сведения о землях, «где люди с песьими головами», сколько о древнегреческом смысле понятия «идиот» (человек, живущий в отрыве от общественной жизни, не участвующий в общем собрании граждан полиса и в иных формах государственного и общественного демократического управления), которое со временем пригодились для обозначения людей, страдающих глубокой формой умственной отсталости.

Часто на первый план в дискурсе травелога выступает сама *ценность путешествия* (Пути для Путника)²⁵³, при этом выделяются:

а) *врачующая сила* путешествия, которая, в частности, выражается в сюжетах бегства за границу знаменитых литературных героев XIX века с целью «залечить» их душевные раны, уйти от бездушно-удушливой атмосферы отупляющей повседневности с ее давно проложенными другими людьми жизненными тропами, установленными другими признаками (или призраками) жизненного успеха и личной состоятельности (герой Байрона – Чайльд Гарольд, Александр Чацкий из «Горе от ума» Грибоедова, пушкинский Евгений Онегин и др.);

б) *спасающая сила* путешествия – бегство от политических и религиозных преследований в изгнание (А. Герцен, П. Кропоткин);

в) *страсть к приключениям*²⁵⁴, породившая специальную «литературу приключений» – от всевозможных «робинзонад» до авантюрно-бытового романа XVIII в., романтической приключенческой литературы XIX и XX вв. во всем блеске ее жанрового многообразия.

Отдельно необходимо отметить путешествия в *познавательных целях*, изучение неведомых прежде стран и народов (от Геродота, Страбона, Плиния, Тацита, до описаний экспедиций и путевых записок великих и малых первопродцов и первооткрывателей). Выражением ценности путешествия здесь выступают рациональная и эмоциональная формы оценки данных, собранных благодаря травелогу и связанные с этим чувственные переживания участников травелога: именно переложенный в формы индивидуально-чувственного опыта или универсальных категорий научного знания опыт переживания и осмысления всего свершившегося в Пути, делает эти нарративы такими ценными и притягательными. Остается только догадываться, как много путешествий и приключений человечество пережило в своем непре-

²⁵³ Сапрыкина Е.Ю., Шпагин П.И. Путешествие // Краткая литературная энциклопедия в 9 томах. Т. 6. М.: Издательство «Советская энциклопедия», 1971. С. 86–89.

²⁵⁴ Наркевич А.Ю. Приключенческая литература // Краткая литературная энциклопедия. Т. 5. М.: Издательство «Советская энциклопедия», 1968. С. 973–974.

рывном глобальном «антропотокке», которые так и остались «белыми пятнами» во всемирной памяти человечества, поскольку не были рассказаны (или эти рассказы в силу каких-то причин оборвались). И, наоборот, остается восхищаться тому, сколько же совершилось фантастических, вымышленных путешествий за всю писаную историю человечества – от «Беседы разочарованного со своей душой», «Рамаяны» и «Махабхараты» до «Утопии», «Новой Атлантиды», «Города Солнца», «Путешествия из пушки на Луну», «Двадцать тысяч лье под водой» и далее – до «Туманности Андромеды», «Возвращения со звезд», «Магелланова облака», которые оказали невероятно мощное воздействие на ценностные ориентации, мысли и дела человеческие.

Ценность *обретенного опыта* (как положительного, так и отрицательного) в процессе прохождения Пути (пространственно-временного, географического, цивилизационно-исторического или жизненного), выражается в судьбоносных дискурсивных формулах: «как мы потеряли Россию», «как я стал таким (богатым/умным/красивым/храбрым и т.п.)», а также – в рассказах о преодолении житейских, бытовых и иных трудностей, встречаемых во время путешествий. Особенно ценен опыт, обретенный во время встреч и знакомств с незнакомыми людьми, связанный с погружением в их быт и повседневность. Здесь происходит переосмысление собственного образа жизни, обогащение его новыми чувствами, переживаниями и представлениями о мире и о себе.

В дискурсе мемуарной литературы особенно важны ценностные аспекты рассказов о событиях и переживаниях, взятые из личного опыта авторов, которые транслируются читающей публике²⁵⁵. Ценностные аспекты повествования о лично пережитом, о том, чему автор мемуаров был лично свидетелем, а тем более – выступал в качестве непосредственного участника – находят своё аксиологическое выра-

²⁵⁵ Мемуары // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Спб., 1890–1907. Т. XIX (1896). С. 70–74. Этот процесс не сразу сформировал свое субъективно-личностное, смысловое ядро и содержание: еще Ламеттри пользовался термином «Мемуар о дизентерии» (*Oeuvres philosophiques de La Mettrie / by La Mettrie, Julien Offray de, 1709–1751*).

жение в реализации функции смысложизненного ориентирования, которая достигается путем проведения сопоставления собственного опыта переживаний с чужим, иным жизненным опытом²⁵⁶.

Большим потенциалом переориентации читателей на жизненные ценности народов других стран обладают травелогии, в которых главные герои осуществляют спонтанные «прыжки» в иную реальность. Так, к примеру, Питер Майль, благодаря своему рассказу «Год в Провансе» (1989), в котором герой совершает свой побег из темной и промокшей Англии в солнечный Прованс (юг Франции), не только создал особый субжанр рассказов в стиле «необычное – рядом!», но и породил тьму подражателей, которые наводнили солнечные провинции Франции. Такому же набегу подражателей подверглась Тоскана в Италии, благодаря «обольстительным книгам Фрэнсис Мэйес»²⁵⁷.

Отечественная литература в XIX и XX вв. породила целую серию травелогов, приводящую к массовым формам подражания его героям. К ним можно отнести «Записки охотника» И.С. Тургенева²⁵⁸, «Владимирские проселки» В. Солюхина и др. В Великобритании похожую реакцию вызвали рассказы У. Хадсона «Пешком по Англии»²⁵⁹.

Несмотря на определенные издержки жанра «записок» в травелогии, он неизменно вызывает огромный интерес у публики и сопровождается попытками использования его в самых различных целях (для реабилитации, «восстановления правды», разоблачения и просто с целью «оставить след»). В итоге дискурс травелога транслирует устойчивую ценностно-привлекательную систему воззрений и чувств,

²⁵⁶ Bruce Chatwin. In Patagonia. 1977. Как известно, бывший аукционист Sotheby's, эрудит Брюс Чатвин покинул лондонский журнал Sunday Times телеграммой своему редактору («уехали в Пагагонию»).

²⁵⁷ См., например: Мэйес Ф. Под солнцем Тосканы / перевод Топчий Е.В. М.: Издательство Эксмо, 2020. 370 с.

²⁵⁸ Русаков В.М. Образ России в травелогии И.С. Тургенева «Записки охотника» // Образно-ментальный мир России: вчера, сегодня, завтра [Текст]: материалы II Междунар. науч. очно-заочной конф. / [отв. ред. В.В. Егоров]. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2014. С. 114–119.

²⁵⁹ Hudson W.H. Afoot in England / W.H. Hudson. URL: <http://www.gutenberg.org/5/4/0/5406/>.

способных находить практический отклик в культурной жизни больших масс людей.

2.5. Институциональный аспект дискурса травелога

Разнообразные акторы травелога, совершая творческое освоение социокультурного пространства, действуют, во-первых, в институциональной сфере общественной жизни, во-вторых, сами собственными усилиями осуществляют институализацию процесса производства определенных видов и жанров травелога. Рассмотрим каждый из этих двух направлений, отвечающих за формирование и реализацию институционального аспекта дискурса травелога.

В основе нашего подхода к выделению институционального аспекта дискурса травелога лежит положение о том, что данный дискурс представляет собой властный ресурс, выступающий как система способов означивания, дескрипции (описания), интерпретаций и оценок социальных субъектов и объектов реальности, которые закрепляются и легитимируются социальными институтами. Теоретическим основанием предлагаемой в настоящем разделе нашей работы институциональной концепции дискурса травелога являются, прежде всего, работы М. Фуко и П. Бурдьё.

У Фуко, институциональный дискурс трактуется как поле дискурсивных практик (Фуко использует термин «дискурсивная формация»), которые властно навязывают обществу определенную шкалу оценок, устанавливают режимы коммуникации и порядок мышления, дисциплинируют разум и чувства, структурируют объекты посредством отделения нормы от ненормы, нормального от ненормального, разделяют людей по статусно-ролевым и иерархическим признакам. Фуко, к примеру, пишет, что в XVIII веке в Европе устанавливается дисциплинарно-педагогическая система церковной власти, направленная на установление собственного контроля над телесными сексуальными практиками: «...была предпринята попытка привить руководство совести и исповедь, все эти новые формы религиозного опыта, в среде дисциплинарных механизмов, которые в эту же эпоху были введены в казармах, школах, больницах и т. д.»²⁶⁰.

²⁶⁰ Фуко М. Ненормальные: Курс лекций, прочитанных

Различные социальные институты, а также области научного знания Фуко рассматривает как сферы дискурсивного контроля и надзора за соблюдением установленного порядка словоупотребления и порядка вещей. В начале XIX в. происходит усиление дисциплинарной функции институциональных дискурсов «в связи с установлением новых систем регистрации, записи, описания, классификации, интеграции в числовые и статистические последовательности, с установлением новых форм обучения, введением в научный оборот новой информации, с взаимодействием различных теоретических областей – будь то наука или философия, – и, разумеется, различных институтов – административных, политических, экономических и проч.»²⁶¹.

У Бурдьё нас привлекает его концепция политического поля, агенты которого определяют, кто, что и как может и должен говорить: «Поле политики явным образом утверждает себя в качестве того, кто призван говорить, что есть социальный мир... Другими словами, спекулятивная идея становится форс-идеей в силу способности поля политики к мобилизации людей, через присвоение ими предложенных принципов видения... Навязывание определения мира – это уже сам по себе акт мобилизации, направленный на утверждение или изменение отношений силы. Моя идея становится форс-идеей благодаря силе, которую она проявляет, когда навязывается как принцип видения... Политика есть борьба за навязывание дегитимного принципа видения и деления, доминирующего и признанного как заслуживающий этого, т. е. исполненного символического насилия»²⁶².

Государство, по Бурдьё, является самым крупным собственником социальных капиталов, к которым относятся: 1) капитал дисциплинарного принуждения (школы, больницы, полиция, тюрьмы и т. п.); 2) экономический капитал (финансовые потоки, промышленные и торговые индустрии);

в Коллеж де Франс в 1974–1975 учебном году. СПб.: Наука, 2005. С. 272.

²⁶¹ Фуко Мишель. Археология знания / пер. с фр., общ. ред. Бр. Левченко. К.: Ника-Центр, 1996. С. 54.

²⁶² Социоанализ Пьера Бурдьё. Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии Российской Академии наук. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2002. С. 125–126.

3) культурный капитал (продукция культурных институтов и индустрий, уникальное мастерство коллективов и деятелей культуры); 4) символический капитал (системы ценностей, юридические и нравственные нормы, традиции, ритуалы, почести, верования и др.). Сконцентрированные в руках государства данные капиталы образуют собственно государственный капитал²⁶³.

Бурдьё отмечает, что социальные институты производят и транслируют дискурсы, которыми задаются рамки, фокусные центры нашего видения и осмысления реальности. «Любой социальный агент, по его мнению, обладает некими принципами восприятия и деления. Мы всегда приходим в мир, и особенно в мир социальный, с очками на глазах. К нас «всегда уже» есть категории восприятия, принципы видения и деления, которые сами частично являются продуктом инкорпорации социальных структур»²⁶⁴.

Следуя логике рассуждений Фуко и Бурдьё о власти дискурса, мы констатируем, что любой социальный институт формирует дискурсивное пространство, в рамках которого ведется борьба за монополизированное осуществление легитимных форм насилия, включая такую его форму как контроль за способами мировидения и миропонимания²⁶⁵.

Бурдьё анализирует дискурсивные поля, образованные социальными науками и журналистикой как общественными институтами. И те и другие занимаются управлением деятельности по закреплению в общественном сознании доминирующей позиции в понимании, интерпретации и видении реалей действительности, вплоть до навязывания определенной точки зрения как самой правильной.

Дискурс журналистики и других институтов массмедиа в значительной степени зависим от государственных и коммерческих структур, которые превращают его в инструмент

²⁶³ Бурдьё П. Дух государства: генезис и структуры бюрократического поля // Поэтика и политика. Сборник статей. Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии Российской Академии наук. СПб., 1999. С. 136.

²⁶⁴ Социоанализ Пьера Бурдьё. С. 121.

²⁶⁵ Русакова О.Ф., Русаков В.М. PR-дискурс: Теоретико-методологический анализ. С. 263.

контроля над идеологическими предпочтениями и поведением широких масс населения²⁶⁶.

Опираясь на идеи Фуко и Бурдьё, выделим основные характеристики институционального дискурса, которые могут быть рассмотрены в контексте анализа дискурса травелога. Во-первых, институциональный дискурс травелога – это дискурс порядка и надзора, который закрепляет в общественном сознании и социальной практике статусно-ролевые нормативы, требующие своего исполнения. В качестве таковых выступают установленные государственными, коммерческими и общественными учреждениями правила и нормы организации и проведения экспедиций, походов, путешествий по воде, на автомобиле, в автобусе, на железнодорожном и воздушном транспорте. Они получают своё развитие и конкретизацию в инструкциях и требованиях учреждений, которые сопутствуют процессу продвижения путешественников по своему маршруту. К ним относятся, к примеру, инструкции пребывания в аэропортах и на аэровокзальном транспорте, в отелях и кемпингах, на туристических стоянках.

Во-вторых, институциональный дискурс реализует функцию принуждения к соблюдению правил, сформулированных в определенных нормативных актах, направленных на выработку алгоритмов проведения научных работ в процессе совершения травелога. Данные акты создаются и транслируются, главным образом, государственными институтами, благодаря чему происходит легитимация исследовательской деятельности во время экспедиции или травелога. Например, организация научных экспедиций по освоению районов Севера и Арктики в СССР во второй половине XX в. проектировалась правительственными учреждениями, прежде всего – Госпланом СССР, разработавшим проект освоения северных территорий под названием «Генеральные схемы». В качестве головной организации по выполнению данного проекта выступил Совет по развитию производительных сил (СОПС) СССР, подготовивший в 1960 г. по итогам изыскательных работ 500-страничный отчет²⁶⁷.

²⁶⁶ Социоанализ Пьера Бурдьё. С. 133.

²⁶⁷ Карпов В.П. Север и Арктика в «Генеральной перспективе» СССР: проблемы комплексного освоения // Уральский исторический вестник. 2016. № 1 (50). С. 92–93.

В настоящее время в России взят на вооружение проект Минприроды РФ о геологоразведочных работах в Арктике до 2035 года. Согласно данному проекту, к организации проведения в зоне Арктики доразведки месторождений «Победа» и «Медынское море», «Ленинградское», «Лудловское», «Русановское» и «Ледовое», «Долгинское» допускаются нефтегазовые госкорпорации, такие как «Газпром» и «Роснефть». «Газпром» планирует запуск трех морских месторождений в арктической зоне – «Каменномыское море», «Северо-Каменномыское» и «Крузенштернское» до 2030 года. «Роснефти» принадлежит около 30 проектов проведения разведочных работ на шельфе Арктики. За последние семь лет было выполнено уже более 144 тыс. пог. км сейсморазведочных работ 2D, около 26 тыс. кв. км сейсморазведочных работ 3D²⁶⁸, 312 тыс. пог. км аэрогеофизических исследований, проведено 13 геологических экспедиций²⁶⁹. Понятно, что все институциональные структуры, участвующие в осуществлении геологоразведывательной деятельности, проводимой в Арктической Зоне, нормативно определяют условия и порядок её проведения, то есть, представляют институциональный аспект дискурса экспедиции или травелога.

В-третьих, институциональный дискурс конструирует и закрепляет статусно-ролевые, иерархические отношения между участниками коммуникации в травелоге. О данном институциональном аспекте дискурса травелога пишет, в частности, Беверли А. Симмонс в своей статье «Говоря одни и те же старые вещи: современный дискурс о путешествиях и популярный журнальный текст»²⁷⁰. Автор, проа-

²⁶⁸ Сейсморазведка 2D и 3D проводится с целью картирования перемещений флюидов, локализации скважин для извлечения остатков нефти и выполнения дальнейшего нагнетания, уточнения гидродинамической модели залежи. В конечном итоге это приводит к повышению эффективности работ по увеличению нефтеотдачи пластов.

²⁶⁹ Освоение Арктики в перспективе // ЦДУ ТЭК. URL: https://www.cdu.ru/tek_russia/issue/2020/1/705/. Дата публикации: 12.03.2020.

²⁷⁰ Simmons B.A. Saying the same old things: a contemporary travel discourse and the popular magazine text // *Tourism and Postcolonialism* / Eds.: C. Michael Hall and Hazel Tucker. New York: Routledge, 2004. Pp. 43–56.

нализировав наиболее популярные в Австралии журналы о путешествиях, говорит о том, что журналисты в своих путевых записках конструируют отношения власти между западными путешественниками и местными жителями, помещая их в «рамку» постколониальной картины мира. Речь идет о ключевой стратегии коммуницирования в дискурсе западных туристов, проявляющейся во время травелога. Выделяются и рассматриваются некоторые дискурсивные элементы этой стратегии. К примеру, такой элемент как «привилегия» характеризует поведение индивидуальных туристов, которые считают, что их статус позволяет ставить себя выше массовых туристов и представителей местного населения. Нарративы в журнальных текстах оправдывают такую позицию, поскольку предусматривают исключительный доступ туристов данного ранга к предметам роскоши и к нетронутой природе. Журналистские тексты о травелогах, по мнению автора, создают у туристов впечатление о том, что они являются путешествующей социальной элитой, и что осматриваемые ими места уже хорошо знакомы и легко доступны²⁷¹. Таким образом, журналистский дискурс, с одной стороны, воспроизводит ситуацию наличия статусно-ролевой иерархии между основными акторами коммуникации в травелоге, а, с другой стороны, сам выполняет функцию закрепления в общественном сознании нормативный характер данной иерархии.

В-четвертых, с момента появления на свет индустрии туризма основными институциональными инстанциями, занимающимися организацией путешествий (туров), становятся туристические агентства и турфирмы. Институциональный дискурс данных организаций на всем протяжении туров регламентирует поведение своих клиентов. Нормативный характер отношений между фирмой-организатором туров и их клиентами наиболее полно отражается в таком документе как «Памятка туристу». Рассмотрим далее некоторые особенности его дискурса.

Под понятием «памятка» подразумевается свод кратких наставлений, правил, сведений о чем-либо, предмет, служащий написанием²⁷². Памятка туристу представляет

²⁷¹ Там же. С. 44–46.

²⁷² Рекомендации по составлению памятки // Республиканский медицинский колледж. URL: http://medcollege.ru/library/for_

собой информационный листок, прилагаемый к туристской путевке, содержащий полезную информацию о стране пребывания, правилах поведения, прохождения таможни, телефоны для экстренных случаев. Дискурс памятки туристу обычно транслирует следующую полезную информацию:

Подготовка к поездке/что взять с собой:

– Ознакомьтесь с особенностями страны/местности Вашего пребывания, особенностями менталитета, кухни, пересечением границы и таможенными правилами той или иной страны и так далее накануне поездки;

– возьмите с собой влажные и бумажные салфетки, индивидуальную аптечку;

– дождевик или зонт на случай дождя (в теплое время года);

– удобные и практичные вещи (джинсы, спортивные костюм), теплую одежду – в холодное время года и т. д.;

Правила перевозки пассажиров:

– посадка в автобус начинается за 15 минут до отправления. На лобовом стекле автобуса находится табличка с названием тура;

– места в автобусе необходимо занимать согласно указанным в ваучере; на местах находятся таблички с ФИО туриста;

– сопровождающий не должен ждать опаздывающих – более чем на 10 минут – туристов;

– в салоне автобуса разрешается провозить одно место ручной клади, т.е. вещи, которые будут необходимы в дороге. Она может располагаться под ногами или на полке над сиденьем (только легкие предметы во избежание их падения во время движения автобуса). В целях безопасности запрещается оставлять вещи в проходе между креслами;

– крупногабаритные вещи следует сдавать в багажное отделение автобуса. Доступ в багажное отделение производится с разрешения сопровождающего группы и только на санитарных остановках;

– пассажиры обязаны быть пристегнуты ремнями безопасности во время движения автобуса. При наличии не пристегнутого ремня безопасности, а также контроля со стороны сотрудников ГИБДД, турист, который не был

пристегнут, обязан заплатить штраф согласно действующему законодательству ПДД и т. д.;

Порядок экскурсионного дня:

– маршрут движения туристов осуществляется по утвержденной экскурсионной программе; туристы получают перечень экскурсий при покупке путевки в офисе, а расписание экскурсионного дня узнают от гида при посадке в автобус. Компания оставляет за собой право вносить некоторые изменения в экскурсионную программу тура без уменьшения общего объема и качества услуг. В программе время указано ориентировочное.

– время посещения экскурсионных объектов сообщается сопровождающим/экскурсоводом. Убедительная просьба строго соблюдать время, отпущенное для осмотра конкретного объекта посещения.

– турист, опаздывающий к отправке группы, догоняет группу самостоятельно и за свой счет и т. д.;

Как ориентироваться в городе:

– Отправляясь на экскурсию или прогулку необходимо носить при себе: адреса отелей, контактный телефон сопровождающего, страховую карточку, небольшую сумму денег, по возможности работающий мобильный телефон.

– Если Вы заблудились в городе, Вам следует:

– связаться с сопровождающим по телефону,

– взять такси, сказать (или показать) место парковки или название и адрес отеля,

– обратиться к прохожим (полицейскому) с просьбой помочь и указать на карте место встречи или показать адрес (название) отеля и т. д.

Безопасность:

– Будьте внимательны: крупные города и туристические центры во всем мире привлекают жуликов и карманных воришек. Деньги и документы необходимо хранить так, чтобы они не стали добычей мошенников в то время, когда Вы осматриваете достопримечательности. К числу мест повышенной опасности относятся все вокзалы. Не оставляйте без присмотра Ваши вещи во избежание их кражи. Важно!!! Будьте внимательны к своим вещам в холлах и ресторанах отелей. Не вешайте сумки на спинки стульев.

– Паспорт желательно хранить отдельно от денег – при утере паспорта все расходы, связанные с получением справки, оплачиваются туристом самостоятельно.

– Неадекватное поведение туриста на маршруте позволяет сопровождающему произвести его высадку около поста ДПС или ближайшего отделения полиции с оформлением акта о снятии с рейса.

Туристам, нарушающим правила поведения в автобусе, может быть отказано в совершении дальнейшей поездки, без компенсации стоимости тура. Во всем остальном, что не урегулировано настоящей Памяткой, применяются нормы действующего законодательства²⁷³.

Как видим, в документе данного типа особенно отчетливо выражен предписывающий и регулятивно-запретительный характер институционального дискурса туризма, а, следовательно, и травелога как предлагаемого сервисного продукта.

Обратимся далее к рассмотрению институционального статуса жанров травелога.

Каждый вид и жанр травелога обладает собственным спектром наиболее адекватных форм институционализации. Устные народные предания (сказания) о странствиях и подвигах героев народного эпоса (Манас, Калевала, Рамаана, Махабхарата, и т. п.)²⁷⁴ существуют непосредственно в устной речи, которая воспроизводится и запоминается с целью последующей культурной трансляции. Данная трансляция осуществляется в форме совершения архаических обрядовых практик. В последующем, обряды и культовые действия стали сопровождать различные празднества, к примеру, народные сказители (акыны в Казахстане или «масанчи» – сказители киргизского эпоса «Манаса») совершают определенные обрядовые действия на праздничном пиру. Сказитель, таким образом, обретает определенный статус, положение в обществе, почет (вплоть до того, что благодаря этому он получает средства к существованию). Сказитель не только сам запоминает, порой, до несколько тысяч сти-

²⁷³ Памятка туристу, отправляющемуся в автобусную поездку // Туроператор «Дельфин». URL: https://www.delfin-tour.ru/system/tours/27486/docs/pamyatka_turistu.pdf.

²⁷⁴ «Произведения, созданные разными авторами и передававшиеся из уст в уста, претерпев различные изменения, ставшие результатом совместного народного творчества, называют фольклором (от английского folklore – народное знание, народная мудрость)» (<http://history-doc.ru/narodnoe-tvorchestvo-skazki-i-ix-vidy/>)

хов, но и готовит себе *ученика-преемника*. В процессе данной социальной практики, связанной с функцией передачи ценной информации посредством обрядов и праздничных церемоний, проявляется институциональный план жанрового дискурса травелога.

Во времена, когда происходит разложение мифа и появляется жанр сказки (о животных, волшебные, бытовые), он также обретает институциональный статус своего бытования, а именно, *статус поучительно-наставляющей литературы* («сказка – ложь, да в ней – намёк, добрым молодцам – урок»).

Любопытно, что в политической истории бывали прецеденты политико-юридических запретов на сказки. Так известный советский политический деятель Н.К. Крупская, будучи министром просвещения, с ультрарационалистических позиций внедряла идею о вредности сказок для формирующегося детского сознания и мышления, поскольку в сказках содержатся ложные, фантастически-мистические представления об окружающем мире, сродни религиозному мировоззрению²⁷⁵.

Специфической особенностью жанра сказки как травелога была унаследованная им от прежнего первобытного мифа *анонимность* происхождения: сказания о странствиях и приключениях (подвигах) мифических героев являются продуктом коллективного творчества. В последующем, вместе со становлением литературы и науки, травелог сказки обретает *авторство* (хорошо известны сказки братьев Гримм, Х.С. Андерсена, А.С. Пушкина, П.П. Ершова и др.). Тексты авторских сказок, как и других художественных произведений, могут подвергаться институциональной регламентации, устанавливающей их авторство, подлинность и т. д.

Научные отчеты и методические руководства, карты-схемы и морские лоции, служебные справочники-путеводители проходят процедуры обретения институционализированного аспекта посредством проведения процедуры *экспертного заключения*, производимого специальными уполномоченными от государственных и общественных

²⁷⁵ Маслинская С.Г. Неутомимый борец со сказкой (критика детской литературы в трудах Н. Крупской) // Историко-педагогический журнал. 2017. № 1. С. 172–186.

инстанций. Данные заключения могут быть предоставлены, в случае необходимости, в другие инстанции, к примеру, в судебные, где они выступают в качестве доказательной базы своей научности и достоверности, могут также служить источниками при разрешении межгосударственных споров и т. п.

Даже такой жанр травелога как приключенческая (и отдельно- фантастическая) литература, обладает своим социальным статусом и значением. Он является общепризнанным мощным *средством воспитательного воздействия*, формирования гуманистического мировоззрения, утверждения положительных социально значимых ценностей в сознании своих читателей, прежде всего, детей и молодежи. Сколько выдающихся людей, свершивших великие и замечательные деяния, признавались в том огромном влиянии, которое оказала на них литература приключений. В то же время фантастическая литература в пессимистических тонах живописующая деградацию и распад общества, деморализацию и дегенерацию людей (например, под влиянием технического прогресса), способна оказывать пагубное воздействие на читающую публику, возбуждать у нее чувство тотального негативизма в отношении к общественным реалиям, вызывать потребность в разрушительных действиях.

В современном обществе, вместе с развитием технических средств аудиовизуальной фиксации событий, появляются новые формы травелога и, соответственно, институты, обеспечивающие их существование и функционирование. Речь идет об аудиокнигах и видеофильмах. Если первые лишь озвучивают исходные тексты (лишаясь художественно-образной динамичной картинки), то вторые, наоборот, жертвуют текстуальной идентичностью в пользу более глубокой и обстоятельной разработки образной, художественно-эстетической стороны сообщаемого текста. Интересно, что эволюция материальных носителей этих произведений (магнитная лента, диски, опико-электронные CD и DVD диски, жесткие диски HDD или нынешние «облачные» хранилища) существенно влияет на их бытование в социуме. Например, травел-блог²⁷⁶ функционирует совершенно иначе, чем «Письма русского путешествен-

²⁷⁶ Бродский М. Ю. Travel blog как травелог. С. 315.

ника» или даже «Путешествия на край ночи», благодаря возникновению виртуального сегмента в информационно-коммуникативного пространстве. Здесь вступают в силу правила действий в Интернет-пространстве, сообщая тем самым новым жанрам травелога дополнительный институциональный аспект регламентационного характера.

ГЛАВА 3. МНОГООБРАЗИЕ ВИДОВ И ЖАНРОВ ТРАВЕЛОГА

3.1. Архаические виды и жанры травелога

3.1.1. Миф и травелог

Миф как форма, в которой впервые опредмечивается травелог, еще не есть его собственная форма: здесь еще нет разделения мироздания на объективное и субъективное существование, нет наррации. Перемещение в пространстве-времени в архаическом мифе еще не подвергается субъективной рефлексии (нет отделения субъекта движения от процесса, есть отождествление состояний субъекта и внешних событий).

Такими архаическими видами травелога-повествования о реальных и вымышленных странствиях и путешествиях следует считать *мифы*, сохраняющиеся и передающиеся устным путем, путем изустной передачи рассказа о путешествии от поколения к поколению. В то же время, при изустной передаче/воспроизведении повествования происходило изменение, дополнение, определенное «мерцание смысла». Здесь необходимо отметить важную роль перформативного аспекта дискурса травелога, поскольку собственно процесс «сказания»/повествования вплетался в целый ряд культово-обрядовых действий. Огромную роль играют сказители, носители народного эпоса.

В соответствии с концепцией О.М. Фрейденберг, различавшей миф и литературу по появлению принципиально нового сущностного элемента – наррации – мы можем сказать, что, строго говоря, в классическом мифе Древности как такового травелога не было. Не было *повествования* о странствиях героя, а было лишь описание строго последовательно сменявшихся фаз, стадий, ситуаций (заданных Роком, Судьбой) перемещений Героя мифа, в которых он не претерпевает никакого *превращения*, как итога этих странствий. Эти перемещения не являются его свободным выбором – они заданы фактом его рождения от союза смертных и богов. Поэтому слушатели/зрители сказителя/античного театра наперед знали всю схему событий, связанных с Героем.

О.М. Фрейденберг показывает, что первоначальные мифы были мифы героические: «Не следует ожидать, что первые мифы будут непосредственно говорить о природе и ее сотворении, о ее гибели и новом рождении, что древнейшие мифы дадут эсхатологии и космогонии»²⁷⁷. Точно так же, строго говоря, следует отличать содержащиеся в первоначальных мифах описания странствий и путешествий героев от травелога. И первым важнейшим признаком является именно отсутствие феномена наррации – это продукт более позднего разложения мифологического сознания, выделение субъекта сознания и познания. В мифе герой странствует по подземному миру и совершает подвиги не в силу свободного выбора, а в соответствии предназначением, уделом, судьбой, роком. Например, греческий роман, – анализирует Фрейденберг, – «опирается на очень древний материал. Тут «рассказ» носит субъектно-объектный характер; в нем нет различия между тем, кто рассказывает, что рассказывает, кому рассказывается. Здесь слушающий – это бог; рассказ носит форму молитвы, обращенной к богу – слушателю и зрителю, «перед лицом» которого протекают события... В таком мифе сам рассказчик идентичен своему рассказу... Как известно, на этом основаны все эпосы, герои которых только и делают, что ведут борьбу или «претерпевают», пока снова не побеждают; на этом обыкновенно рассказ о них искусственно ставит точку»²⁷⁸.

Рассказ-миф, указывает автор, имеет свои стабильные черты. Самая основная – «он не самостоятелен, а служит только одной из частей дву- или трехчлена, в котором имеются еще элементы мольбы и заклания»²⁷⁹.

Речь есть первая форма рассказа, но она еще не есть повествование, но только его замена, и драма представляет собой доповествовательную форму, изображение воочию, не требующее еще ни рассказа, ни действия. И далее, поясняет О. Фрейденберг, «Собственно, пока нет понятий, рассказ представляет собой словесную «картину», лишенную времени, «подобие» действительности, показ чего-то зримого воочию»²⁸⁰. Через введение вместо прямой речи косвенной

²⁷⁷ Фрейденберг О.М. Там же. С. 49.

²⁷⁸ Там же. С. 211.

²⁷⁹ Там же.

²⁸⁰ Там же. С. 213.

происходит становление понятий, поэтому она служит показательной формой нарождающегося повествования. В грамматическом смысле повествование, считает автор, есть соединение винительного с неопределенным, кроме того, косвенная речь использует для повествования союз $\omega\varsigma$, ut (словно, якобы, что, будто) – он организует сравнения и наррации. У греков всякий рассказ назывался $\mu\acute{\iota}\theta\acute{o}\varsigma$ (миф). «Рассказ – это то, чего нет в действительности, это ее подобие, «образ», «правдивая история», заведомый вымысел»²⁸¹.

В эпосе мифический герой не имеет внутренней характеристики; его свойства описываются путем уподобления другому герою (например, Ахилл – Мелеагру), или путем противопоставления другому герою, или путем сравнения с кем-то или чем-то иным. Присутствующие элементы наррации здесь несамостоятельны. «Античная наррация еще не имеет своей собственной функции. Она приводится для чего-то другого, она вся целиком служит для смысловой цели, лежащей за ее пределами»²⁸². Так, приводит пример Фрейденберг, платоновский «Пир» посвящен Эросу, которого нет среди персонажа, но зато он дан в косвенной позиции, в рассказе об Эросе, и в фигуре Сократа, воплостителе идеи Эроса.

Повествование появляется с разделением мира на «тот» и «этот» – в пространстве и времени, с появлением чувства длительности, изменяющегося времени. Прежние вкрапления наррации претерпевают превращение – она становится понятийной и в ней появляется несколько времен, минимум два. Наррация разграничивает активное начало (субъект) от другого, пассивного (объект), в ней дается не просто наличие сопричастующих лиц, предметов, действий, обратимых в свою противоположность, в ней есть носитель действия, производящий это действие с предметом действия: кто-то делает что-то с кем-то или чем-то, для чего вводится не менее двух лиц, наделенных известным образом поведения, которое дает какой-то результат²⁸³. Автор делает вывод: «В наррации отражается становление субъектного мира, отделенного от объектного и во времени, и в пространстве»²⁸⁴. И в противоположность мифу она усиливала композицион-

²⁸¹ Там же. С. 214.

²⁸² Там же. С. 216.

²⁸³ Там же. С. 225–226.

²⁸⁴ Там же. С. 227.

ную линию и доводила ее до степени господства над всем содержанием.

Затем мифопоэтическое сказание неизбежно расслаивалось и подвергалось письменным фиксациям, позволявшим восстанавливать (или реконструировать) первоначальные смысловые единства. Расслоение мифа в процессе его жизни в культуре носило весьма многообразный характер: появляется *былины, сказки, литература, хроники и жития*. Они удаляются из сферы культово-обрядовых действий сакрального характера²⁸⁵, в значительной степени лишаются статуса объективных фиксаций неких действительных событий, появляется феномен наррации и позиция нарратора, повествователя. Поэтому до нас дошли мифы о странствиях Героев в переработанном, «обмысленном» виде, пропущенные через призму рефлексии.

Переходные формы травелога – от мифа к литературе – складываются уже в Древнем Египте.

Как известно, в древнеегипетской литературе большое внимание уделялось «странствиям в потустороннем мире, населенном не только богами, но и бесчисленными злобными существами, самыми страшными из которых, кажется, были змеи, могли оказаться опасными для царственного покойника»²⁸⁶. Большое значение придавалось при этом увековечению имени: «вещь, не имеющая названия, не существует»²⁸⁷. Однако наряду с таковыми, значительное место занимают рассказы о реальных путешествиях, экспедициях и походах. Хотя, понятно, что в древнеегипетской литературе, фактически, нет даже намека на авторство.

Особенно содержательные и интересные автобиографии дошли до нас от времени V и VI династий (прим. Серее-

²⁸⁵ Обрядовая сторона (прочно связанная с перформативным аспектом дискурса) не исчезает, она в процессе культурно-исторического развития десакрализуется, приобретает характер принятых установлений (институционализация), закрепленных многолетней практикой правил: например, представление отчетов об экспедициях и кампаниях, всегда вызывавших живейший интерес, в том числе – вполне профанной аудитории, жаждущей сведений о заморских диковинах.

²⁸⁶ Коростовцев М. А. Литература Древнего Египта // История всемирной литературы в девяти томах. Том первый / ответственный редактор И. С. Брагинский. М.: Издательство «Наука», 1983. С. 58.

²⁸⁷ Там же. С. 60.

дина XXVI – середина XXIII в до н. э.). Интересную надпись оставил на стенах своей гробницы близ первого нильского порога, у нынешнего Асуана, знаменитый Хархуф, правитель самой южной области Египта – Элефантины, служивший двум фараонам VI династии. Преисполненный гордости, «начальник земель южных, разливающий страх перед [богом] Хором по странам чужим», рассказывает о совершенных им по повелению своих владык походах за пределы Египта, на юг, вверх по Нилу, в страну Иам. Особенно удачным оказался последний поход, результаты которого привели в восторг царя Пепи II... Экспедиции египтян вглубь Африки в середине III тысячелетия до н. э. не были редкостью, а возглавлявшие их сановники в своих надгробных надписях подробно о них повествуют»²⁸⁸.

Особый интерес исследователей вызывает автобиография старшего современника Хархуфа – Уни, начертанная на плите в его гробнице в г. Абидосе (хранится в Каирском музее). Уни, не занимая до поры до времени высоких должностей, выполнял разнообразные и трудные поручения трех фараонов, которым он служил. Случилось ему и возглавлять войско, посланное царем Пепи II на северо-восточные рубежи страны «против азиатов, жителей песков»²⁸⁹. Исследователи спорят о характере этого произведения: проза это или поэзия?

Литературу Среднего царства принято называть классической, и она несравненно богаче и разнообразнее литературы Древнего царства. Один из папирусов Государственного Эрмитажа, начало которого не сохранилось, известен в науке под названием «Потерпевший кораблекрушение». Папирус содержит рассказ от первого лица о фантастических приключениях на море, точнее, на пустынном острове среди моря. Герой рассказа отправился к рудникам фараона на судне с командой из опытных корабельщиков²⁹⁰. Но когда разразился шторм, судно со всей командой погибло. Спасся только рассказчик. Он очутился на плодороднейшем острове совершенно один. Однако колоссальный змей, властитель острова явился к нему и спросил, как и почему этот древнеегипетский «Робинзон» оказался в его владениях. Он же пред-

²⁸⁸ Там же. С. 61.

²⁸⁹ Там же. С. 61.

²⁹⁰ Там же. С. 65.

сказал потерпевшему, что через четыре месяца сюда придет египетское судно и герой вернется домой. Пророчество змея сбывается, потерпевший кораблекрушение возвращается домой и рассказывает эту историю фараону, поднося богатые дары²⁹¹.

Весьма интересным и не до конца исследованным произведением древнеегипетской литературы является широко известная «Беседа разочарованного со своей душой». Она представляет собой диалог человека, разочарованного в жизни и стремящегося покончить жизнь самоубийством, и его души, которая возражает против этого и доказывает необходимость жить²⁹². Высказываемые точки зрения диаметрально противоположны. Человек стремится к смерти, поскольку жизнь для него отвратительна и смерть представляется желанным избавлением от всех превратностей земного существования, переходом в несравненно лучший загробный мир. «Разочарованный» жалуется, что имя его «смрадно» и между ним и окружающими его людьми нет ничего общего: «Кому мне открыться сегодня?» – риторически восклицает он неоднократно. И характерно отвечает: «Алчны сердца, на чужое зарится каждый», «раздолье насильнику, вывелись добрые люди», «Зло наводнило землю и нет ему ни конца, ни края»... «Разочарованный» чувствует себя одиноким в этом обществе, которому он чужд и которое ему враждебно²⁹³.

Душа его, напротив, ничего не говоря о земных порядках, возражает: она убеждена, что незачем думать о смерти и загробной жизни как избавлении, незачем заботиться о заупокойном культе, надо пользоваться благами жизни! Она явно критикует традиционные представления о смерти и загробной жизни, стремясь примирить человека с жизнью, какой бы она ему ни казалась. «Кончается диалог довольно неопределенно: «душа» призывает разочарованного прислушаться к ее мнению и вместе с тем дает обещание быть с ним после его смерти»²⁹⁴. Хронологические сопоставления указывают на то, что Египет в течение последних двух веков III тысячелетия до н.э. переживал мощные социальные потрясения.

²⁹¹ Там же.

²⁹² Там же. С. 68.

²⁹³ Там же. С. 69.

²⁹⁴ Там же.

Травелог как повествование о *жизненном пути* представлен в рассказе египтянина Синухе о своей жизни. «Язык рассказа ярок, богат, разнообразны грамматические обороты и фразеология, описания живы, непосредственны и вместе с тем изысканны» – характеризует это произведение академическое издание²⁹⁵. Правдоподобность рассказа и психологически убедительная детализация приводят к мнению об исторической достоверности личности Синухе. Синухе повествует об участии в карательной экспедиции будущего царя Сенусерта I против ливийского племени темеху, перипетиях смутного времени – борьбы за престол после смерти отца Сенусерта I – Аменемхата I. Синухе бежит на северо-восток и от неминуемой гибели в пустыне его спасает кочевник-бедуин после чего он вынужден вести бродячий образ жизни. В стране Кедем, где он в конце концов обосновался, Синухе встречается с Амуенши, правителем так называемой Верхней Ретену и объясняет, почему бежал из Египта, славословя при этом покинутого им царя Сенусерта I и предлагает Амуенши подружиться с этим новым царем Египта. Амуенши приглашает Синухе к себе и обещает ему, что ему будет хорошо и что он услышит египетскую речь. Далее Синухе рассказывает, как получил земли и женился на дочери Амуенши, стал вождем племени, возглавил войско Амуенши, а потом его сыновья, в свою очередь, тоже стали вождями племен. Посланцы фараона, ездившие в Азию и возвращавшиеся обратно, останавливались у Синухе, и потому фараон знал о его положении. Но однажды Синухе был вызван на поединок неким силачом из Ретену, решившим завладеть его имуществом. Однако, как красочно повествует Синухе, ему удалось победить злодея и самому овладеть всем имуществом того. С годами Синухе овладевает тоска по родине: «Впервые в истории мировой литературы это чувство воплощается в мольбе Синухе: «О, бог, предначертавший мое бегство, кто бы ни был ты, будь милосерден, приведи меня в царское подворье! Быть может, ты дашь мне узреть края, где сердце мое бывает, что ни день. Что желаннее погребения в той стране, где я родился? Приди мне на помощь! Прошедшее – прекрасно: даровал мне бог милость свою. Ныне вновь да будет милость его, да украсит он кончину того, кого пре-

²⁹⁵ Там же. С. 70.

жде унизил»²⁹⁶. Воистину, архетипично изреченное: сколько раз в последующие тысячелетия изгнанники и беглецы, странники и скитальцы будут на все лады проговаривать этот запечатленный в папирусе смысл.

И что же? Желание Синухе становится известно фараону! Он шлет дары и послание, в котором уговаривает вернуться в Египет. Синухет шлет царю ответное согласие. Передает все имущество старшему сыну и отправляется в Египет. И фараон принимает его «по высшему разряду», лишь иронично заметив: «Вот пришел Синухе, он, как азиат, превратился в кочевника». Синухе не только был обласкан владыкой, но и получил дом и все то, на что имел право вельможа при жизни и после смерти²⁹⁷.

Литература эпохи Нового царства, разумеется, еще более богата и разнообразна, нежели предшествующая. И здесь жанр травелога разнообразится множеством воплощений, приобретших характер образца. Так, в знаменитой «Сказке о двух братьях» вкраплено повествование об удивительных приключениях младшего брата, с помощью богов спасающегося от клеветы, безуспешно пытавшейся его соблазнить жены старшего брата и лютого гнева последнего, ослепленного ложным наветом на младшего, будто бы пытавшегося обесчестить его жену. В Ливане, в долине кедров с ним происходят всевозможные волшебные приключения. В конце концов, наступает прозрение, и старший брат помогает вернуться младшему в Египет, разоблачает и казнит неверную и коварную жену, а младший брат становится... фараоном Египта!²⁹⁸ Мы можем убедиться, что древнеегипетская литература умела лихо закрутить сюжет, не хуже иного голливудского блокбастера (а, может, наоборот?).

Другой вариант древнего травелога реализован в «Анналах» великого завоевателя – фараона Тутмоса III, начертанных на стенах Карнакского храма Амона в Фивах²⁹⁹. Это – записи писца Чанини, сопровождавшего фараона в его походах. Как подчеркивают исследователи: «Своими художественными достоинствами выделяется в «Анналах» запись 23 года царствования Тутмоса III, где говорится о взятии вражеского

²⁹⁶ Там же. С. 71.

²⁹⁷ Там же. С. 71–72.

²⁹⁸ Там же. С. 74.

²⁹⁹ Там же. С. 76.

города Мегиддо»³⁰⁰. Да, именно того самого, где согласно Библии, состоится Армагеддон.

Отмечается в литературе и такое произведение жанра «травелог» как «Путешествие Ун-Амона», или знаменитый рассказ египтянина о его путешествии в Библ, дошедший до нас в единственном экземпляре, хранящемся в ГМИИ им. А.С. Пушкина в Москве. Рассказ содержит ряд интереснейших сведений о тех странах, которые посетил Ун-Амон, об их отношении к Египту, о политическом положении в самом Египте... По достоверности и художественным достоинствам путешествие Ун-Амона можно сравнить с «Рассказом Синухе»³⁰¹.

Настоящей древнеегипетской «сагой о Форсайтах» является древнейшее повествование о судьбах одной семьи на протяжении ряда поколений – демотический папирус Райландс IX (45 м. длиной, исписанный с обеих сторон). В нем рассказывается история жреческой семьи из города Тауджи, история насыщена достоверными бытовыми деталями, не содержит никаких фантастических или сверхъестественных элементов»³⁰².

Историки всемирной литературы приходят к следующему выводу: «На протяжении нескольких десятков веков развития литература Древнего Египта достигла очень высокого уровня, была богата жанрами, носила вполне самобытный характер... Несомненно, влияние египетской литературы и на литературу античную, древнегреческую особенно. Но далеко не всегда мы можем проследить конкретные пути этого влияния»³⁰³.

3.1.2. Травелог в волшебной сказке

Особенности места и значения травелога в волшебной сказке определяются ее спецификой и происхождением из архаического фольклора. Е. Мелетинский отмечает: «В архаическом фольклоре различие между мифом и сказкой (С.) трудноустановимо... Происхождение С. из мифа у большинства исследователей не вызывает сомнения. Архаические С.

³⁰⁰ Там же.

³⁰¹ Там же. С. 77.

³⁰² Там же. С. 80.

³⁰³ Там же. С. 81.

обнаруживают отчётливую сюжетную связь с первобытными мифами, ритуалами, племенными обычаями»³⁰⁴. Это – с одной стороны. Но, с другой: «В генезисе С. существенна роль демифологизации времени и места действия, переход от строгой локализации (там, где она имела место) событий к неопределённости сказочного времени и места действия»³⁰⁵. Отсюда – заметная элиминация собственно пространственных перемещений героя (на Коньке-Горбунке, Сером волке, Сивке-Бурке), в облике комара («Да спокойно в свой удел Через море прилетел»). Процесс пространственно-временного или хронологического передвижения героя протекает через узловые точки – остановки или локусы, где персонаж совершает важные действия или переживает события). Уместным здесь будет дать определение сказочному локусу как хромотопной единице: сказочный локус, означает конкретное место (узловую точку, пункт, остановку) внутри хромотопного развития сюжетной линии, обозначающей Путь сказочного героя. Это – место, в котором происходит испытание (инициация) героя, в результате чего он обретает новый опыт, овладевает магическими силами, и в итоге достигает (или еще не достигает) успеха. При этом локусами могут быть также местами обитания нечистой силы, врагов, «чужих». «Свой» же локус обычно представлен в образе родного Дома, родной стороны.

Путешествие сказочного героя, соответствующее хромотопной композиции сказки, может быть представлено в виде последовательной смены локусов. Их количество может быть увеличено за счет дополнительных остановок (в избушке Бабы Яги, в логове Змея Горыныча, в царстве Кошечки Бессмертного и в других местах обитания «врагов») ³⁰⁶. Подобное движение от локуса к локусу считается типичным для волшебных сказок: «Согласно традиционным представлениям сказочный герой следует всегда в одном направлении

³⁰⁴ Мелетинский Е.М. Сказки и мифы // Мифы народов мира в двух томах. Том второй. М.: Издательство «Советская энциклопедия», 1982. С. 441.

³⁰⁵ Там же. С. 441–442.

³⁰⁶ Соловьева Н.В. Особенности пространственно-временной организации мифологической и сказочной картин мира // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 10 (64). Ч. 3. С. 48–54. С. 52.

от *locus*'а к *locus*'у, не отклоняясь в сторону и никогда не возвращаясь на покинутую территорию»³⁰⁷.

Любопытно, что сказочный хронотоп эволюционирует в части пространственной составляющей, так как в более поздних записях народных сказок пространственная композиция включает «разнохарактерное или ломаное» движение, то есть «на смену принципа «нанизывания» приходит иной способ организации сюжета, материалом для которого по-прежнему остаются локусы. Но соединяет их автор сказки уже по-другому – не только посредством нанизывания, но также и протягивания нити от одного локуса к другому, нередко захватывая один и тот же *locus* дважды»³⁰⁸.

В процессе выделения сказки из мифа происходит демифологизация результата подвига героя: «Если в мифе деяния демиурга (даже если они по своему характеру подобны трюкам мифологического плута), мифологические приобретения имеют коллективное и космическое значение, определяя космогонический процесс (происхождение света, огня, пресной воды и т. д.), то в С. добываемые объекты и достигаемые цели составляют индивидуальное благополучие героя, приобретения которого носят семейно-родовой, социальный характер. Так, герой волшебной С. похищает живую воду для излечения больного отца (напр., в гавайских С. или в С. европейских народов) или добывает огонь с помощью зверей для своего очага (у фон), а персонаж животной С. (заяц или паук) хитростью похищает для себя одного воду из колодца»³⁰⁹.

Столь же важные изменения происходят с героем сказки: «сказочный герой не имеет изначально магических сил, которыми по самой своей природе обладает герой мифологический. В архаических С. он приобретает эти качества в результате инициации, шаманского искусства, особого покровительства духов»³¹⁰.

На роль героя в классической волшебной сказке выдвигаются нарочито ничтожные персонажи – сироты, «золушки», дурачки и т. п. Сказочные герои, в отличие от мифологиче-

³⁰⁷ Комлева Г. А. Пространственная композиция фольклорной сказки // Проблемы исторической поэтики. 1992. № 2. С. 67–73. С. 68.

³⁰⁸ Там же. С. 69.

³⁰⁹ Мелетинский Е. М. С. 442.

³¹⁰ Там же.

ских персонажей, совершающих вертикальный Путь – вверх и/или вниз, движутся по горизонтально-поступательной траектории. Их путешествие предстает в виде серии сцен, ситуаций испытания, которые переживает герой, причем, верхом победного завершения испытаний является женитьба на царевне: «Иерархическая структура волшебной С. состоит из двух или чаще трёх основных звеньев – испытаний героя: предварительного (некий даритель контролирует знание героем правил поведения), основного (подвиг, ведущий к ликвидации первоначальной беды или недостачи) и дополнительного (испытание на идентификацию: герой должен доказать, что имен но он совершил подвиг, после чего происходит посрамление соперников и самозванцев). Финал классической волшебной С. – непременно счастливый, как правило, – женитьба на царевне и получение пол царства»³¹¹.

Таким образом, сюжет сказочного травелога развивается по следующей логической схеме: главный герой внезапно обнаруживает некое отсутствие у себя чего-либо весьма важного, после чего приступает к его интенсивным поискам, то есть пускается в дальний путь. На этом пути ему приходится преодолевать целый ряд испытаний, которые он успешно проходит при поддержке дружественных сил, которые наделяют его магическими способностями. Посредством испытаний и с помощью обретенных магических качеств наступает волшебное преобразование героя. В награду он получает царский чин, то есть повышает свой социальный статус.

3.2. Современные виды и жанры травелога

Современный травелог в «снятом виде» содержит внутри своей структуры все формы архаического травелога. Однако центральная роль в нем всё же принадлежит рациональным компонентам, литературно-концептуальным способам интерпретации действительности, научным методам выстраивания доказательной базы. Он канонизирует стремление к достоверности, возможности перекрестной проверки, использует такие формы репрезентации знаний как карта, логия, словарь, справочник, электронная навигация и др. В то же время под понятием «современный травелог» подводится широкий спектр литературных произведений – от ли-

³¹¹ Там же. С. 443.

тературы приключений с её авантурными сюжетами до приближающихся к документалистике жанрам мемуаристики и биографий.

3.2.1. *Травелог в литературе приключений*

Наряду с литературой путешествий, знаменитые образцы которой формировали концептуальную структуру и сам дискурс травелога, происходило бурное развитие литературы, в которой обязательно присутствуют в качестве главной сюжетной линии – приключения её героев (комические и трагические), и в которой авторы дают волю творческому воображению, повествуя о действительных (или вымышленных) авантурных путешествиях.

Обыкновенно, данный литературный жанр определяется так: «приключенческая литература – один из видов художественной литературы, проза, основным содержанием которой является увлекательный, захватывающий рассказ о реальных или вымышленных событиях. Признаки приключенческой литературы – динамичный сюжет, острота ситуаций, накал эмоций, мотивы тайны, похищения, преследования, преступления, путешествия и т. п. Внутри приключенческой литературы можно выделить несколько устойчивых жанров, различающихся по двум признакам: в *какой обстановке* происходит действие и *каково основное содержание сюжета*. Так, к приключенческой литературе относятся *детективы*, основное содержание которых – расследование какого-либо преступления. Мастерами детективов были Э. По, А. К. Дойл, А. Кристи и др.»³¹².

Другой жанр: «*Фантастическая* приключенческая литература рассказывает о вымышленных существах, их приключениях или о вымышленных событиях, происходящих с людьми. Действие фантастических произведений может быть перенесено на другие планеты, в прошлое или будущее Земли; в них действуют инопланетяне, сказочные существа и т. п. Известные авторы фантастики – Г. Уэллс, Р. Брэдбери, С. Лем, К. Булычёв, А. и Б. Стругацкие. Занимательность

³¹² Приключенческая литература // Литература и язык. Современная иллюстрированная энциклопедия / под редакцией проф. Горкина А. П. М.: Росмэн. 2006. URL: <http://niv.ru/doc/dictionary/literature-and-language/fc/slovar-207-4.htm#zag-920>.

фантастической приключенческой литературы основана на изображении необычных существ и механизмов, а также неординарных событий, происходящих с ними»³¹³.

Еще один жанр – *Историческая* приключенческая литература – рассказывает о какой-либо удалённой от автора и читателя эпохе, стараясь как можно точнее восстановить детали быта и обстановки. «В этом жанре работали В. Скотт, А. Дюма-отец, В. Гюго. В исторических романах обычно действуют вымышленные главные герои, а реальные исторические лица являются эпизодическими героями (напр., главные герои романа «Три мушкетёра» – Атос, Портос, Арамис и д'Артаньян – выдуманы автором, а кардинал Ришелье, король и королева Франции – реальны)». Но некоторые особенности этих произведений заставляют выделить жанр, «связанный с экзотикой различных народов и племён, природы разных стран – таковы романы Ф. Купера, Дж. Лондона, Р.Л. Стивенсона, Ж. Верна, Т.М. Рида, Дж. Конрада, Г.Р. Хаггарда. Автор может изображать жизнь бок о бок с такими племенами (как Т.М. Рид, описывающий жизнь в США и вводящий в свои произведения индейцев). Ведущим мотивом в таких произведениях может быть мотив путешествия, как, напр., у Г.Р. Хаггарда». В жанре приключенческой литературы путешествий работали также В.А. Каверин («Два капитана»), А.Н. Толстой («Аэлита»), А.П. Гайдар («Р.В.С.»), «Чук и Гек»), В.П. Катаев («Белеет парус одинокий») и др.³¹⁴.

Высказывается мнение, что именно в XIX веке «слагается литература, в которой мотив приключения обретает самодовлеющий характер; приключение становится гл. методом изображения и доминантой в построении образов героев». Именно по отношению к этой литературе применяется преимущественно термин «приключенческая литература» в современном литературоведении. Для неё характерны следующие общие свойства: «динамичность, острота сюжета, избыливающего загадками, исключительными ситуациями, внезапными поворотами действия». Сюжетные линии насыщены «преследованиями, похищениями, переходами

³¹³ Фантастика // Там же. URL: <http://niv.ru/doc/dictionary/literature-and-language/fc/slovar-212-1.htm#zag-1266>.

³¹⁴ Приключенческая литература // Там же. URL: <http://niv.ru/doc/dictionary/literature-and-language/fc/slovar-207-4.htm#zag-920>.

от опасности к избавлению, неожиданными катастрофами»³¹⁵. В приключенческой литературе действие часто протекает в необычных условиях, что придаёт дополнительную сюжетную остроту в разворачивающемся травелогге.

На становление процесса описания приключений как литературного жанра повлияли романтизм и неоромантизм. Писатели – представители данного направления – делали попытки ускользнуть от обыденности в мир приключений и героизма.

«Золотым веком» приключенческой литературы принято считать конец XIX-го – начало XX-го века. К этому времени формируются основные её жанры: колониальный роман, шпионский роман и др. По тематике колониальный роман можно разделить на: произведения о поиске сокровищ («Остров сокровищ» Р.Л. Стивенсона, «Копи царя Соломона» Г.Р. Хаггарда и др.); морские романы («Одиссея капитана Блада» Р. Сабатини и др.).

Центральным сюжетом для многих колониальных романов становится борьба за новые территории, а также борьба местных жителей против колонизаторов³¹⁶. Большая Советская Энциклопедия уточняет: «Одним из первых образцов П. л. явились «морские романы» Ф. Купера и Ф. Марриета, историко-приключенческие романы А. Дюма-отца и социально-приключенческие – Э. Сю. Романтическим пафосом отмечены наиболее известные произведения П. л. 19 – начало 20 вв.: Т.М. Рида, Р.Л. Стивенсона, Р. Хаггарда, Дж. Конрада (Великобритания); Г. Ферри, Г. Эмара, Ж. Верна, Л. Жаколио, Л. Буссенара, П. Бенуа (Франция); Дж. Лондона (США)»³¹⁷.

Одним из наиболее ярких примеров шпионского романа-травелога можно назвать роман Редьярда Киплингу «Ким», впервые опубликованный в 1901 году. Роман пред-

³¹⁵ Наркевич А.Ю. Приключенческая литература // Краткая литературная энциклопедия. Т. 5. М.: Издательство «Советская энциклопедия», 1968. С. 973–974.

³¹⁶ Приключение как жанр художественной литературы / Справочник24. URL: https://spravochnik.ru/literatura/hudozhestvennaya_literatura/priklyucheniya_kak_zhanr_hudozhestvennoy_literatury/.

³¹⁷ Муравьев В.С. Приключенческая литература // Большая советская энциклопедия, БСЭ. 2012. URL: <https://slovar.cc/enc/bse/2032647.html>.

ставляет собой взгляд на британский империализм восторженными глазами подростка. Его главный герой – Кимбол О'Хара – лахорский мальчишка-сирота, зарабатывающий на жизнь уличным попрошайничеством и исполнением поручений торговца лошадьми по имени Махбуб Али. По ходу дела выясняется, что афганский купец связан с британскими спецслужбами. Именно от него Ким узнает о «Большой игре» за обладание Внутренней Азией, которую ведут между собой британское и русское правительства. По прошествии некоторого времени «Ким становится учеником заезжего ламы, который направляет его с поручением к британскому командованию в Амбале (англ. Ambala). Тамошние католические миссионеры, признав в Киме сына покойного ирландского офицера, направляют его на обучение в католическую школу в Лакхнау. Помимо классических дисциплин, в этом заведении Ким приобщается к ремеслу разведчика-пандит. По окончании школы его направляют с миссией в Гималаи, где он должен одурачить русских агентов и заполучить их секретные документы»³¹⁸.

В значительной степени произведение Киплинга – это роман «большой дороги», где человек идет по жизни, с ним случаются то одно, то другое приключение. Маршрут пути главного героя лежит по Великому Колесному Пути (так называется шоссейная дорога, проложенная в 40-е годы XIX века от Калькутты к афганской границе).

По мере продвижения по данному пути Ким и его компаньон Лама оказываются в жизненном водовороте многоликой и красочной Индии, сталкиваются с людьми разных каст и родов деятельности. Образ Кима столь же многолик и неоднозначен как сама Индия: герой способен перевоплощаться, он, по словам Ламы – «маленький чертёнок», в нем соединились житейская оборотистость, ловкость, умение найти подход к любому человеку и чувство юмора³¹⁹.

В структуре романа – три композиционных узла. Первые пять глав в основном посвящены Ламе, где он – централь-

³¹⁸ Норец М. В. Роман Р. Киплинга «Ким» – вектор эволюции жанра шпионского романа // Вісник Маріупольського державного університету. Серія: Філологія. 2013. № 9. С. 51.

³¹⁹ Кагарлицкий Ю. И. Редьярд Киплинг и его роман «Ким» // Киплинг Р. Ким: Роман / предисл., коммент. Ю. И. Кагарлицкого. М.: Высш. шк., 1990. с. 3–39. С. 35.

ная фигура в повествовательной и сюжетной канвах. В главах с шестой по десятую рассказывается непосредственно о воспитании Кима и на «большой дороге жизни» – в школе святого Ксаверия для детей английских солдат, в чудном доме Ларган-сахиба, факира и колдуна, который на поверку оказывается резидентом английской разведки. Наконец, главы с одиннадцатой по пятнадцатую – это сведение вместе всех сюжетных линий и персонажей в одной общей «игре», мастерски разыгранной Хурри, Махбубом Али и Кимом. Речь идет о проведении интриги против русских разведчиков, проникших на территорию Пенджаба и выполняющих секретную миссию по «сколачиванию» антибританского союза северных индийских раджей. Третий композиционный узел «сшивает» три основных элемента содержательной структуры произведения: духовно-религиозные искания Ламы, поиски Кимом Красного Быка на Зеленом Поле (им оказался флаг Мавирикского полка, в котором когда-то служил отец Кима) и собственно «Большую игру»³²⁰.

К концу романа усиливается мотив самоидентификации главных героев, причем кульминация самопоисков совпадает с их восхождением в горы, что воспринимается как символ очищения и освобождения от мирских связей, «подъема к истине». Все выше они идут в горы, и все очевиднее перед ними открывается вечность мира и его бесконечность, вечные нравственные ценности, которые именно здесь подвергаются самым большим духовным и физическим испытаниям. Именно в горах после глубоких снов-медитаций Лама находит свою Реку Стрелы, а Ким после тяжелых физических испытаний и болезни обретает истину превосходства Любви и Дружбы над всеми другими ценностями жизни. Причем, горы «просветляют» даже таких далеких от философских поисков персонажей, как Махбуб и Хурри. Однако, не смотря на все это, именно горы оказываются центральным местом разворачивания шпионской деятельности³²¹.

Таким образом, в романе Киплинга «Ким» травелог представлен одновременно в трех своих жанровых формах: 1) в жанре колониального шпионского произведения,

³²⁰ Норец М.В. Роман Р. Киплинга «Ким» – вектор эволюции жанра шпионского романа // Вісник Маріупольського державного університету. Серія: Філологія. 2013. № 9. С. 52.

³²¹ Там же. С. 53.

2) в жанре «дорожного романа», 3) в жанре романтического романа, повествующего о путях поиска философского смысла жизни. Данные форматы тесно взаимосвязаны и перекликаются друг с другом, сливаясь в одну целостную, динамично развивающуюся, увлекательную картину приключенческого травелога.

3.2.2. Мемуары как травелог

В «Краткой литературной энциклопедии» дается следующее определение жанру мемуаров: «Мемуары (франц. *mémoire* – воспоминание) – повествование в форме записок от лица автора о реальных событиях прошлого, участником или очевидцем к-рых он был»³²².

Трансляция материала в мемуарах производится, как правило, от первого лица. По хроникальности и фактографичности изложения они примыкают к *дневнику* – периодическим записям о событиях текущей жизни. По достоверности материала большинство мемуаров близко *исторической прозе*, или научным *биографиям*, или *документально-историческим очеркам*, или *исповедальным трактатам*. Однако в отличие от исследователя-биографа мемуарист воспроизводит лишь ту часть действительности, которая находилась исключительно в его поле зрения, «при этом повсюду на переднем плане или он сам или его точка зрения на описываемое»³²³. В отличие от жанра «Исповедь», в центре внимания мемуарной литературы не столько духовные искания и душевные травмы автора, сколько авторское видение и понимание событий и фактов прошлого, разговоров и встреч с реальными людьми.

Мемуары являются ценными свидетельствами своего времени, не смотря на то, что они не чужды субъективности и по фактической точности уступают документу. «Однако неполнота фактов и почти неизбежная односторонность информации искупаются в М. живым и непосредственным выра-

³²² Левицкий Л.А. Мемуары // Краткая литературная энциклопедия / главный редактор А.А. Сурков. Т. 4. М.: Издательство «Советская энциклопедия», 1967. С. 759.

³²³ Там же.

жением личности их автора, что является по-своему ценным «документом» времени»³²⁴.

К устойчивым признакам мемуаров относятся: 1) фактографичность; 2) ретроспективность материала и авторского взгляда; 3) интенция к реконструкции увиденного и осмысленного прошлого; 4) особое внимание к описанию неизвестных и малоизвестных событий и фактов, к которым имел отношение автор; 5) воспроизведение контекстуального плана событий прошлого – особого духа времени, атмосферы, обстановки, настроений, связанных с борьбой интересов, амбиций и самолюбий, свидетелем которых стал автор мемуаров.

Зарождение мемуаров обычно связывают с появлением в эпоху античности первых работ данного типа: воспоминания Ксенофонта (о Сократе), его записки о военном походе греков («Анабасис», 401 до н.э.); «Записки о Галльской войне» и «Записки о гражданской войне» Г.Ю. Цезаря, в которых автор излагает соответственно события 58–51 и 49–48 гг., ставя целью оправдать свою деятельность в глазах современников³²⁵.

В XII в. в Западной Европе появляются произведения, в которых отчетливо видны признаки мемуарного жанра. К ним можно отнести «Историю моих бедствий» (1132–1136) Петра Аберяра³²⁶, в которой автор повествует о своей педагогической и философской деятельности, о своих разнообразных талантах, порой, возводя их в превосходную степень, о ненавистных врагах в лице, прежде всего, католической церкви, а также о перепетиях трагической любви к Элоизе и своём физическом оскотлении.

Важную роль в развитии жанра мемуаров играют произведения XVI века, проливающие гораздо больше света на политико-религиозную борьбу эпохи Возрождения, чем многие официальные документы. Сюда относятся: мемуары Мишеля де Кастельно, Агриппы д'Обинье, Блеза де Монлю-

³²⁴ Там же.

³²⁵ Шталь И. В. Цезарь // Краткая литературная энциклопедия / главный редактор А. А. Сурков. Т. 8. М.: Издательство «Советская энциклопедия». 1975. С. 381.

³²⁶ Абельяр, Петр. История моих бедствий [Текст] / Петр Абельяр; перевод с лат. С. С. Неретиной; [примеч. С. С. Неретиной]; послесловие С. С. Неретиной. Рос. акад. наук, Ин-т философии. М.: ИФРАН, 2011. 125 с.

ка (1521–1572), Маргариты де Валуа (первая жена Генриха IV), записки которой описывают атмосферу придворной жизни и др.

Выдающимся литературным произведением, созданным в 1552–1562 гг., является книга Б. Челлини «Жизнь Бенвенуто Челлини, написанная им самим». Её можно отнести как к мемуарному жанру, так и к автобиографическому.

Страницы мемуаров Челлини – это яркое повествование о собственной жизни, о делах и конфликтах с заказчиками его художественных работ – герцогами, королями, высшими чинами католической церкви, просто с разного рода обидчиками. Вначале он описывает годы учения во Флоренции, затем – странствования подмастерьем, наконец, годы мастерства и славы. Челлини ведет кочевой образ жизни: Болонья, Пиза, Сиена, Венеция, Рим, Париж, Флоренция – вот основные места его пребывания. У мастеров Болоньи он совершенствуется игре на флейте, в Пизе и Риме постигает ювелирное искусство (резьба печатей, медалей, монет), во Флоренции и Риме создает свои школы камнерезного искусства и чеканки монет. В 1540–1545 гг. Челлини работал в Париже и Фонтенбло, выполняя заказы короля Франциска I, исполнил его портретную медаль.

Челлини описывает финансовые и иные сложности, с которыми ему пришлось сталкиваться при выполнении заказов высокопоставленных особ, в частности, при создании своей знаменитой скульптуры «Персей, держащий голову Горгоны Медузы» (над её созданием он работал 9 лет).

Мемуары Челлини насыщены рассказами о потасовках, драках, кровавых столкновениях с личными врагами, соперниками, а то и просто с первыми встречными, имевшими несчастье его задеть неосторожным словом. Свой длинный кинжал, с которым Челлини не расставался никогда, он пускает в ход весьма «решительно». На его совести есть несколько убийств, хотя, исходя из текста, не видно, чтобы это его особенно тревожило. «Несомненно, что о своих драках автор мемуаров рассказывает с удовольствием, не без гордости сообщая, как он один ворвался в дом к оскорбителю, где, орудуя кинжалом направо и налево, нагнал страху, как «в судный день», как вышел победителем против дюжины противников. Вообще, начиная с его участия, пятнадцатилетним юношей, в уличной потасовке, за которую он подвергается изгнанию в Сиену, реестр подобного рода подвигов ведет-

ся не менее аккуратно, чем перечень художественных работ, и эти подвиги описываются с неменьшим красноречием»³²⁷.

В своих мемуарах Челлини делает весьма наблюдательные замечания относительно различий в общественных порядках между Италией и Францией. В отдельной главе он рассказывает, что, когда он приехал во Францию, несмотря на лестный прием у короля и ряд выгодных заказов, ему скоро стало не по себе. Настолько, что он даже собирался поскорее закончить начатые работы и вернуться в Италию, «не в силах будучи ужиться со злодействами этих французов» (в устах Челлини эта жалоба звучит весьма забавно). «Оказывается, что он уже успел «для своей защиты учинить много этих самых дел». А во Франции несколько другие порядки, чем в итальянских городах. В Италии на «эти самые дела» смотрели часто сквозь пальцы, и наказание обычно сводилось к изгнанию из города; буйство ему легко сходило с рук. Здесь же весьма развито судопроизводство, и против постановлений муниципалитета иногда бессилён сам король».

В этой связи у Челлини во Франции сразу возникает ряд процессов: с соседями, с натурщицей и т. д. Эти тяжбы приводят его в отчаяние. По возвращению во Флоренцию он сообщает об этой страсти французов к тяжбам: тяжбы даже продают и «дают в приданое», а кто не умеет судиться – пропавший человек. «Челлини вручают повестки – и вот он и зале суда. Здесь ему, иностранцу, все кажется просто поразительным. Наконец, он приходит к выводу, что перед ним настоящая картина ада, а судья, «этот удивительный человек – истинный облик Плутона»³²⁸.

«Жизнеописание» Челлини можно отнести к той разновидности мемуарной литературы, где на передний план вынесена личность автора, которая господствует над всем повествованием и больше всего приковывает к себе внимание. Колоритный образ автора доминирует на живописном фоне повседневного быта итальянских городов, папского

³²⁷ Пинский Л. Бенвенуто Челлини и его «Жизнеописание» // Жизнь Бенвенуто Челлини, написанная им самим / перевод с итальянского М. Лозинского; вступительная статья и примечания Л. Пинского. М.: государственное издательство художественной литературы, 1958. С. 12.

³²⁸ Там же. С. 14.

двора, королевских замков: «Беспокойные дороги и шумные площади, зала суда и тюремные камеры, папский двор и королевские апартаменты, но, прежде всего, повседневный быт художника века Возрождения в Италии, его дом и мастерская, условия его работы, зависимость от титулованных потребителей, взаимоотношения с соперниками, с товарищами по ремеслу или с учениками и натурщицами – все это хорошо запоминается читателю»³²⁹.

Травелог Челлини, пронизанный страстностью изложения событий из личного опыта автора, побывавшего в 30 городах Италии, а также жившего несколько лет во Франции – Париже и в Фантенбло, – рисует убедительную картину творчески богатой и авантюрно насыщенной жизни выдающегося человека эпохи Возрождения. Именно этим он продолжает возбуждать неподдельный интерес у современного читателя.

В XVII веке жанр мемуарных травелогов продолжает обогащаться новыми произведениями. Во Франции – это время расцвета мемуарной литературы. Обильную жатву мемуаров принесла полоса религиозных войн XVI в. Аналогичное происходило и после Фронды. Порожденные общественным кризисам середины XVII столетия, многочисленные мемуары оказались весьма разнообразными с точки зрения жанровых особенностей. «Здесь и своего рода исторические хроники, тяготеющие к бесстрастному фиксированию внешнего хода событий, и воспоминания очевидцев, содержащие колоритные, как правило частные, эпизоды и детали исторических перипетий, мемуары-диографии и мемуары-политические трактаты, содержащие обоснование и оправдание общественных позиций их авторов»³³⁰. Среди известных мемуаров – воспоминания Ришелье, Лорошфуко, Бюсси-Рабютена, мадмуазель де Монпасье и др. Но самыми знаменитыми являются «Мемуары Жана-Франсуа-Поля де Гонди кардинала де Реца» (1675–1677 гг.). Примечателен стиль «Мемуаров» Реца, в которых «воплотились стремление освободиться от условности риторических канонов, тяготение к дышащей энергией целеустремленности и к простоте выражения

³²⁹ Там же. С. 21.

³³⁰ Виппер Ю.Б. Проза 60–70-х годов XVII в. // История всемирной литературы в девяти томах. Том 4 / отв. ред. Ю.Б. Виппер. М.: Издательство «Наука», 1987. С. 166.

мыслей»³³¹. Мемуары Реца свидетельствуют о весьма отчетливых представлениях автора об острых противоречиях, раздиравших абсолютистскую Францию XVII столетия, о том, что он отвергал тиранию, что подспудной движущей силой Фронды было низовое движение общественных сил, а не цепочка отдельных заговоров, частных сделок и политических комбинаций. Рец «проницательно и метко раскрывает... сокровенные мотивы поведения своих соратников по Фронде». При этом он не склонен к самоидеализации, не скрывает своих просчетов и слабостей. Он умет не только рассказывать и анализировать, но и «рисовать» впечатляющие портреты своих современников – Ришелье, Мазарини, Ларошфуко и др. При этом свои наблюдения Рец нередко обобщает в форме сентенций и афоризмов³³².

Увлечение мемуарным жанром значительно возросло во времена Французской революции XVIII в и эпохи Наполеона (мемуары Неккера, Безанваля, Феррьеера, Александра Ламета, Лафайета, мадам де Сталь, Кампан, Барбару, Бидьо-Варенна, Дюмурье, мадам Ролан, Мирабо, Мунье, Барера, Камилла Демулена, Биньона, О'Меары, Констана, Лавалетта, Савари, герцогини д'Абрантес и др.). В XIX в. наиболее известными произведениями мемуарного плана стали работы Ф. Гизо, мадам де Сталь, И.В. Гёте, Г. Гейне, Евгения Вюртембергского, Клеменса Меттерниха, М.А. Бестужева, П.А. Кропоткина, А.Ф. Кони др.

К важнейшим произведениям данного рода относятся «Воспоминания как материалы для истории моего времени» Франсуа Гизо, которые были изданы в восьми томах (1858–1867 гг.) при жизни автора. Данная работа изначально претендовала на то, чтобы стать достоянием самой широкой публики, что позволяет отнести её к разряду «современные истории». В ней транслируется авторское видение общественно значимых событий первой половины XIX в.

Подготовка текста к публикации заставила Гизо сгладить или упростить некоторые моменты, внести коррективы в исходные записи (например, ослабить критику в адрес Наполеона I и режима Первой империи, которую Гизо позволял себе в период Реставрации). Сам автор пытался обозначить свою позицию по всем основным вопросам, связанным

³³¹ Там же. С. 167.

³³² Там же. С. 166–167.

с государственной деятельностью. Вполне закономерно, что суждения периода пребывания Гизо в оппозиционном лагере были менее осторожными и более провокационными по отношению к власти, чем относительно взвешенные поздние формулировки. Гизо хорошо понимал, что «Воспоминания» станут важным источником для изучения французской и европейской истории, о чем свидетельствует их заглавие и структура, в основе которой лежит проблемно-хронологический принцип. Несмотря на то, что историк начал составление мемуаров после вынужденного ухода из политики в 1848 г., они включили в себя без изменений значительный массив личных материалов более раннего периода (политическая корреспонденция, частная переписка, тексты речей и памфлетов). Сопоставление документов, отразивших отношение мыслителя к событиям, современником которых он являлся, с текстами, специально подготовленными для мемуаров, обнажает зазор между мировоззрением раннего и зрелого Гизо³³³.

Особенно богатой на мемуарные произведения оказалась русская литература начала XX-го века, отразившая грандиозные события Первой мировой войны и трёх русских революций. В советской России публикуются воспоминания большевиков, участников Гражданской войны, многих дипломатов, писателей, ученых, среди которых – мемуарные очерки М. Горького, «Силуэты» А. Луначарского, «Моя жизнь в искусстве» К. Станиславского. В 1930-е годы выходят «Воспоминания» В. Вересаева, цикл воспоминаний А. Белого («На рубеже двух столетий», «Начало века», «Между двух революций») и др. В 1950–1980-е гг. выходят многочисленные воспоминания участников Великой Отечественной войны.

Масштаб издания мемуаров был поистине огромен. С 1959 по 1990 г. Военным издательством Министерства обороны СССР издавались воспоминания участников войны, тружеников тыла, советских и партийных руководителей, объединенные в серию «Военные мемуары». Только в этой серии вышло 320 томов. «В 1977 г. в Военном издательстве вышел аннотированный указатель «О войне, о товарищах, о себе», посвященный военно-мемуарной литературе, опубликованной центральными и местными издательствами

³³³ Матвеев С.Р. Идея «среднего класса» в мемуарах Ф. Гизо // Диалог со временем. 2013. Вып. 42. С. 181–182.

в период с 1941 по 1975 гг. Указатель содержал аннотации на 886 книг»³³⁴.

Наиболее известными и наиболее неоднозначно оцениваемыми являются «Воспоминания и размышления» Маршала Советского Союза Г.К. Жукова³³⁵. Впервые книга вышла в свет в 1969 г. Второе издание, исправленное и дополненное с участием самого Г.К. Жукова, опубликовано уже после его смерти, в 1974 г. В данном варианте сам Жуков старался исправить допущенные неточности, пополнить книгу не вошедшими в первое издание материалами.

Жуков был единственным из всех военачальников и полководцев Великой Отечественной войны, входившим в состав Ставки Верховного Главнокомандования от первых дней войны и до Потсдамской конференции. В своих мемуарах маршал последовательно описывает многочисленные военные операции, в том числе: борьбу за Ленинград, битву за Москву, Сталинградскую битву, битву на Курской дуге, затем – сражения за Украину, освобождение Белоруссии, путь от Вислы до Одера и, наконец, штурм Берлина.

При описании деятельности Ставки и Генштаба в начальный период войны Жуков признаёт ошибки в стратегическом планировании и проведении военных операций, видя их, например, в том, что Ставка «не знала реальной обстановки, сложившейся к исходу 22 июня. Не знало действительного положения дел и командование фронтов. В своем решении Главное Командование исходило не из анализа реальной обстановки и обоснованных расчетов, а из интуиции и стремления к активности без учета возможностей войск, чего ни в коем случае нельзя делать в ответственные моменты вооруженной борьбы»³³⁶. Говоря об ошибках и просчетах, допущенных органами руководства страны, Жуков пишет: «за первые 18 дней войны Северо-Западный фронт потерял Литву, Латвию и часть территории РСФСР, вследствие чего создалась угроза выхода противника через Лугу к Ленинграду, подступы к которому были еще недостаточно укреплены

³³⁴ Быков А.В. Мемуарная литература в историографии Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2014. № 3 (3). С. 56.

³³⁵ Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. В 2 т. М.: Олма-Пресс, 2002. 415 с.

³³⁶ Там же. Т. 1. С. 283.

и слабо прикрыты войсками. За все это время Генеральный штаб не получал от штаба Северо-Западного фронта ясных и исчерпывающих докладов о положении наших войск, о группировках противника и местоположении его танковых и моторизованных соединений. Приходилось иногда предположительно определять развитие событий, но такой метод, как известно, не гарантирует от ошибок»³³⁷.

Давая анализ состояния организации Сталинградской битвы, Жуков особо подчеркивает, что важнейшими предпосылками разгрома немецких войск в операциях «Уран», «Малый Сатурн» и «Кольцо» явились умелая организация оперативно-тактической внезапности, правильный выбор направления главных ударов, точное определение слабых мест в обороне врага³³⁸.

В главах, повествующих о контрнаступлении Советских войск и освобождении территории страны от врага, Жуков дает важные сведения о состоянии войск, их расположении, составе фронтов, численности и действиях партизанских войск, потерях противника. Так, в частности, подводя итоги летней военной кампании 1944 года, он пишет: «...зимой 1944 года Красная Армия нанесла немецко-фашистским войскам тяжелое поражение. Были полностью уничтожены 30 дивизий и 6 бригад, 142 дивизии и 1 бригада потеряли от половины до двух третей боевого состава. Для пополнения своих войск немецкому командованию пришлось перебросить на советско-германский фронт 40 дивизий и 4 бригады из Германии и других стран Западной Европы. Красная Армия освободила колоссальную территорию почти в 330 тысяч квадратных километров, на которой до войны проживало около 19 миллионов человек»³³⁹.

Среди мемуаров о Великой Отечественной войне особо выделяется книга маршала Советского Союза «Дело всей жизни» Александра Михайловича Василевского³⁴⁰. С 1 августа 1941 г. А. М. Василевский был назначен начальником оперативного управления и заместителем начальника Генерального штаба. Пребывая в этой должности, он был посвящен

³³⁷ Там же. Т. 1. С. 291.

³³⁸ Там же. Т. 2. С. 122–123.

³³⁹ Там же. С. 220.

³⁴⁰ Василевский А. М. Дело всей жизни. М.: Издательство политической литературы, 1974. 542 с.

во многие аспекты принятия важнейших стратегических решений. Его книга воспоминаний изобилует описанием факторов, влиявших на их принятие, полна подробностями деятельности Генерального штаба, описаниями поведения отдельных личностей и в первую очередь И.В. Сталина. «При этом сюжеты о принятии важных военно-стратегических решений перемежаются с описанием «бытовых» случаев. Например, наряду с разбором хода планирования важнейших операций на фронтах присутствуют сюжеты о заботе Сталина об обязательности 5–6-часового сна для работников Генштаба... На первый взгляд это мелочи, не имеющие отношения к основному содержанию книги, но именно такие «бытовые мелочи» позволяют лучше понять атмосферу того времени. Уделяется внимание и полемике с зарубежными исследователями... В частности, в главе, посвященной Сталинградской битве, указывается на несостоятельность приравнивания Сталинградской битвы к битве при Эль-Аламейне или высадке американских войск на остров Гаудалканал (японский гарнизон которого насчитывал около 2 тысяч человек). Завершается книга повествованием о проведении операции по разгрому Квантунской армии Японии»³⁴¹.

Мемуары советских военачальников – это уникальные свидетельства полководцев-участников войны. Особенно важным является то, что при подготовке воспоминаний авторы имели доступ к архивным источникам, недоступным историкам-исследователям. Кроме того, большинство мемуаров военачальников содержат схемы, карты, списки руководящего состава, сведения о приемах ведения боев, о численности войск и некоторые другие фактические материалы. Таким образом, многие документы и факты были введены в научный оборот именно благодаря мемуарным публикациям.

Появляющиеся в настоящее время новейшие информационные технологии невероятно расширяют сферу мемуарной литературы, попутно создавая условия для стирания стилевых и жанровых границ, открывая простор необыкновенным сращениям.

В мемуарах, особенно охватывающих значительный промежуток времени (сравнимый с жизнью автора), отчет-

³⁴¹ Быков А.В. Мемуарная литература в историографии Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2014. № 3 (3). С. 62–63.

ливо просматривается схематизм травелога: жизнь, описываемая мемуаристом, предстает как жизненный *Путь*, автор – *Путник*, который претерпевает множество Испытаний (Приключений), в которых он должен делать *Выбор*, принимать решение. Вот почему все критики произведений этого жанра обращают внимание на то, что, будучи ценным во многих отношениях документом, мемуары куда более важны с точки зрения «натуры» их автора, который, зачастую, предпринимает усилия для принятия решений с целью предстать в глазах потомков в лучшем виде. Это часто толкает мемуаристов на заведомую фальсификацию реальных событий и той роли, которую на деле играл в них автор. В силу этих обстоятельств действует главное правило травелога – это повествование, сознательно выстраиваемое мемуаристом; все описания, к которым по необходимости прибегает автор для адекватного воспроизведения контекстов, носят служебный, подчиненный характер. Главный вопрос заключается в итоге в следующем: выдержал ли автор испытания, стал ли он большим или малым героем, одолевшим свой Путь, или он так и остался «статистом», «героем» строчки в газетных новостях.

3.3. Политический травелог

Политический травелог представлен прежде всего текстами программ политических партий³⁴², предвыборных программ политических партий, манифестами³⁴³ (воззваниями), мемуарами политических деятелей и их биографиями.

³⁴² «Путь Британии к социализму. Программа Коммунистической партии Великобритании» (1951); «Бирманский путь к социализму» (1962); «Программа КПСС, принятая на XXII съезде КПСС» (1961), «Программа «500 дней» (программа Шаталина-Явлинского) – непринятая программа перехода плановой экономики Советского Союза на рыночную экономику в целях преодоления экономического кризиса 1990 года и реализации «прав граждан на лучшую, более достойную жизнь». См.: Дж. Боффа. Национальные пути к социализму. Москва и коммунистические партии в послевоенный период / Скепсис. URL: https://scepsis.net/library/id_3194.html.

³⁴³ Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии. М, Политиздат, 1974. 63 с.: Государственное издательство политической литературы. 1955. Том. 4. С. 419–459; Манифест политической партии «Гражданская инициатива». URL: <http://>

Говоря о программах политических партий, нельзя пройти мимо наиболее наглядных документальных примеров – «Манифеста Коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса (1848 г.) и «Программы Коммунистической партии Советского Союза», принятой на XXII съезде КПСС в 1961 г. В Программе КПСС особо подчеркивалось: «Великая Октябрьская социалистическая революция открыла новую эру в истории человечества – эру крушения капитализма и утверждения коммунизма. Социализм восторжествовал в Стране Советов, одержал решающие победы в странах народной демократии, стал практическим делом сотен миллионов людей, знаменем революционного движения рабочего класса всего мира. Более ста лет назад в «Манифесте Коммунистической партии» великие учителя пролетариата Карл Маркс и Фридрих Энгельс писали: «Призрак бродит по Европе – призрак коммунизма». Мужественная и беззаветная борьба пролетариев всех стран приблизила человечество к коммунизму. Сначала десятки и сотни, затем тысячи и миллионы людей, воодушевленных идеалами коммунизма, шли на штурм старого мира. Парижская Коммуна, Октябрьская революция, социалистические революции в Китае и в ряде других стран Европы и Азии – таковы важнейшие исторические рубежи героических битв международного рабочего класса за победу коммунизма. *Пройден гигантский путь, политый кровью борцов за народное счастье, путь славных побед и временных поражений*, прежде чем коммунизм, который когда-то был лишь мечтой, стал величайшей силой современности, обществом, создаваемым на огромных пространствах земного шара. Центр международного революционного движения в начале XX века переместился в Россию. Героический рабочий класс России под руководством партии большевиков во главе с Владимиром Ильичем Лениным стал авангардом этого движения. Коммунистическая партия выступила *вдохнителем и вождем* социалистической револю-

www.grazhdan-in.ru/pages/manifest/; Манифест объединения трёх политических партий – «За Правду», «Справедливая Россия» и «Патриоты России». URL: https://zavtra.ru/blogs/manifest_obedineniya; Manifesto of the Socialist Party of Canada 1920. 5th Ed. URL: <https://archive.org/details/SocialistPartyCanadaManifesto>; Labour Party Manifesto 2020. URL: https://www.labour.ie/assets/files/pdf/labour_manifesto_web.pdf и др.

ции, организатором и руководителем первого в истории государства рабочих и крестьян. Светлый гений великого учителя трудящихся всего мира Ленина, чье имя будет жить вечно, озаряет человечеству *путь к коммунизму*. Выйдя на арену политической борьбы, ленинская партия коммунистов высоко подняла над миром знамя революционного марксизма. Марксизм-ленинизм стал могучим идейным оружием революционного преобразования общества. На каждом историческом этапе партия, руководствуясь учением Маркса – Энгельса – Ленина, решала задачи, научно сформулированные в ее Программах... Октябрьская революция вывела страну на *дорогу социализма*. Трудным и неизведанным был *путь, который предстояло пройти советскому народу*³⁴⁴ (*курсив наш*. – О. Р., В. Р.). Частота употребления терминов «переход», «переходный период» показывает значимость анализа пройденного партией Пути.

В программном документе не просто описывается план строительства общества нового типа (там это есть), но дается изложение его построения по схематизму травелога – рассказа, повествования – откуда пошла идея коммунистического общества, как и почему она двигалась к настоящему моменту, куда необходимо двигаться дальше. Здесь присутствуют все концепты травелога: Путь (борьбы и строительства социализма и коммунизма), Путник (первоначально рабочий класс, а затем советский народ и все «прогрессивное человечество»), Испытания (классовая борьба, победы и поражения) и, наконец, высшая цель – коммунистическое бесклассовое общество. Кроме того, в соответствии с жанром травелога присутствует и Проводник – Коммунистическая партия, ее вожди.

В оптике Программы весь мировой политический процесс обретает однозначную определенность Пути: «Треть человечества строит новую жизнь под знаменем научного коммунизма. Первые отряды рабочего класса, вырвавшиеся из-под гнета капитализма, облегчают победу новым отрядам своих братьев по классу. Мир социализма расширяется, мир капитализма сужается. Социализм *неизбежно придет повсюду на смену капитализму*. Таков объективный закон общественного развития. Империализм бессилен остановить

³⁴⁴ Программа Коммунистической партии Советского Союза. URL: http://aleksandr-kommari.narod.ru/kpss_programma_1961.htm.

неодолимый *освободительный процесс*. Современная эпоха, основное содержание которой составляет *переход* от капитализма к социализму»³⁴⁵ (*курсив наш.* – О. Р., В. Р.).

В политическом травелоге практически всегда присутствует *будущее*³⁴⁶: ожидаемые цели движения (борьбы) должны быть артикулированы возможно более точно (или наглядно: в эпоху тотальной медиатизации политики – это неперенное условие победы в политической борьбе: «Ныне Коммунистическая партия Советского Союза (КПСС) принимает свою третью Программу – программу построения коммунистического общества. Новая Программа творчески обобщает практику строительства социализма, учитывает опыт революционного движения во всем мире и, выражая коллективную мысль партии, определяет главные задачи и основные этапы коммунистического строительства»³⁴⁷).

В докладе Первого секретаря ЦК КПСС товарища Н.С. Хрущева, сделанном на XXII съезде КПСС, постоянно присутствуют концепты Пути («наша страна идет к новым высотам»; «Рабочий класс и его Коммунистическая партия проходят в своей борьбе три всемирно-исторических этапа»; «Первые два этапа нашей партией и народом пройдены»; «Путь к этому указывает новая Программа нашей партии, которую справедливо называют Коммунистическим манифестом современной эпохи»³⁴⁸). Столь же отчетливый характер травелога носила Программа британских коммунистов «Путь Британии к социализму Программа Коммунистической партии Великобритании (январь 1951 года)»³⁴⁹: «Предлагая эту

³⁴⁵ Там же.

³⁴⁶ Планы научных экспедиций, планы научно-исследовательских работ могут включать, в крайнем случае, «важность негативного, отрицательного результата», что для политической организации равносильно смерти.

³⁴⁷ Программа Коммунистической партии Советского Союза. Там же.

³⁴⁸ Доклад Первого секретаря ЦК КПСС товарища Н.С. Хрущева. URL: <http://www.history.ru.com/docs/rulers/hruschov/hruschov-doc-10.html#/overview>.

³⁴⁹ Путь Британии к социализму: Программа Коммунистической партии Великобритании (январь 1951 года) / STALINISM.RU. URL: <https://stalinism.ru/sobranie-sochineniy/tom-xviii/put-britanii-k-sotsializmu-programma-kommunisticheskoy-partii-velikobritanii-yanvar-1951-goda.html>.

программу для обсуждения, мы знаем, что вопросы, которые в ней поднимаются, имеют большое значение для всех работников физического и умственного труда, стремящихся найти путь к созданию независимой, процветающей, социалистической Британии»³⁵⁰. Генеральный секретарь КПВ Гарри Поллит так поясняет ее: «Эта программа не является избирательной программой на ближайшее время. Это программа будущего, соответствующая нуждам и чаяниям огромного большинства британского народа. Мы уверены, что британский народ найдет путь, чтобы претворить эту программу в жизнь»³⁵¹.

Не менее, если не более – концепт Пути положен в основу программных документов организаций национально-освободительного движения³⁵².

В современном политическом пространстве России произошли определенные изменения: «На 11.04.2019 года количество партий в Российской Федерации составляет 61 единицу. Объясняется это тем, что нормы регистрации после 2011 года были значительно смягчены. Из огромного количества партий, только 5–6 на слуху. Некоторые из них входят в состав Думы. Остальные не имеют реального веса»³⁵³.

³⁵⁰ Там же.

³⁵¹ Там же.

³⁵² Капский Э. В., Токарев А. А. МПЛА // Большая российская энциклопедия. Электронная версия. 2017. URL: https://bigenc.ru/world_history/text/2235544; Горячев М. К. Проблемы эволюции национально-прогрессивных сил в Африке (сравнительный анализ правящих партий Замбии, Танзании и Мозамбика): специальность 07.00.04 «История коммунистического и рабочего движения и национально-освободительных движений»: дис. ... канд. истор. наук. М., 1984. 254 с. URL: https://new-disser.ru/product_info.php?products_id=721072; Токарев А. А. Возникновение Национального Фронта освобождения Анголы (ФНЛА) и его участие в антиколониальной борьбе и гражданской войне в Анголе: специальность 07.00.03 «Всеобщая история»: дис. ... канд. истор. наук. М., 2003. 214 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/vozniknovenie-natsionalnogo-fronta-osvobozhdeniya-angoly-fnla-i-ego-uchastie-v-antikolonialn>; Партия бирманской социалистической программы / ww.google-info.org. URL: <https://ww.google-info.org/2851679/1/partiya-birmanskoy-sotsialisticheskoy-programmy.html>.

³⁵³ Политические партии Российской Федерации 2019 года / histerl.ru. URL: <https://histerl.ru/lectures/21-vek/politicheskie-partii-rf-2019.htm>; См.: Программу партии «Единая Россия» (<https://er.ru/>

В дискурсе политического травелога важное место занимают повествования о различных *походах, маршах и штурмах*, обладающие ярко выраженными перформативными свойствами:

– *марши* (например, марш женщин-парижанок 5 октября 1789 г. на Версаль³⁵⁴; марш «чернорубашечников» Б. Муссолини на Рим в 1922 г.³⁵⁵, марш «За труд и свободу» на Вашингтон, где Мартин Лютер Кинг произнес знаменитую речь «У меня есть мечта»³⁵⁶ и т. п.;

– *военные походы* («Ледяной поход» (1918); Великий Сибирский ледяной поход белой армии (1920)³⁵⁷, Великий поход армий китайских коммунистов (1934–1936)³⁵⁸, Северный поход 1926–1928³⁵⁹; Поход революционной колонны К. Престеса в Бразилии³⁶⁰; поход колонн революционных партизан-

party/program/).

³⁵⁴ Кропоткин, П. А. Великая французская революция 1789–1793. М.: Наука, 1979.

³⁵⁵ Альбанезе Джулиа. Поход на Рим и завоевание власти фашистами // Берегиня. 777. Сова, 2014. № 4 (23). С. 119–126.

³⁵⁶ 28 августа, 1963 – Марш на Вашингтон за труд и свободу – одна из крупнейших демонстраций, собравшая 200–300 тысяч человек. Здесь Мартин Лютер Кинг впервые произнёс свою знаменитую речь «У меня есть мечта».

³⁵⁷ Великий Сибирский Ледяной поход – принятое в Белом движении название отступления Восточного фронта армии адмирала Колчака на восток зимой 1920 года. В ходе операции в тяжелейших условиях сибирской зимы был совершён беспрецедентный по протяжённости, почти 2500-километровый конно-пеший переход от Барнаула и Ново-Николаевска до Читы.

³⁵⁸ Легендарный поход 1934–1936 годов армии китайских коммунистов из южного Китая через труднодоступные горные районы в Яньаньский округ провинции Шэньси. Великий поход представлял собой повсеместный отход коммунистов с занимаемых позиций и разрозненных контролируемых территорий, объединение отдельных коммунистических отрядов и закреплением в Особом районе со столицей в Яньани, который контролировал коммунист Гао Ган. Основную силу составляла 8-я армия.

³⁵⁹ Поход гоминьдановской Национально-революционной армии Китая под руководством Чан Кайши, в сотрудничестве с коммунистами, в целях объединения страны военным путём. Численность солдат, принявших участие в походе, была от 100000 до 250000 человек.

³⁶⁰ Колонна Престеса (порт. Coluna Prestes), также колонна Косты-Престеса (порт. Coluna Costa-Prestes) – бразильское

барбудос под руководством Ф. Кастро и Э. Че Гевары на Гавану в 1958 г.³⁶¹);

– *штурмы* (штурм Бастилии (1789), штурм Зимнего дворца (1917), штурм казармы Монкада (1956))³⁶²;

– *парады, уличные шествия и демонстрации* (знаменитая демонстрация 1 мая в Чикаго, знаменитый военный парад 7 ноября 1941 г. в Москве на Красной площади и парад Победы в Москве в июне 1945 г., антифашистская демонстрация левых сил в Париже в феврале 1934 г., факельные шествия нацистов в Германии (1934–1945), демонстрации движения за независимость Индии под руководством М. Ганди (1940–1947), антивоенные демонстрации в Вашингтоне (против войны во Вьетнаме в 60-гг.));

– *политические празднества и юбилеи* (торжества в честь революционных событий – День международной солидарности трудящихся (1 мая), 70-летний юбилей Великой китайской социалистической революции и провозглашения КНР 1 октября (1949–2019) и т. п.).

Кроме того, нельзя забывать и о таком немаловажном элементе политического травелога, как революционные *песни и марши*³⁶³. Здесь в краткой энергичной поэтической форме, соединенной с музыкой, ведется повествование о героической революционной войне, о славном пути побед и поражений («О, дети Родины, вперед! Настал день славы...», «Заводы, вставайте! Шеренги смыкайте! На битву шагайте, шагайте, шагайте!»).

вооружённое партизанское формирование, созданное членами военно-политического движения тенентистов, которое в 1925–1927 годы вела борьбу против олигархической диктатуры за демократические свободы.

³⁶¹ Через Санта-Клару в Гавану / HISTORIC.RU. URL: <http://historic.ru/books/item/f00/s00/z0000199/st009.shtml>.

³⁶² Робер Мерль. Монкада. Первая битва Фиделя Кастро (26 июля 1953 г.) / пер. с франц. Е.М. Шишмаревой. М.: Прогресс, 1968.

³⁶³ La Marseillaise – Марсельеза, гимн Французской Республики; Заводы, вставайте! – гимн Коммунистического Интернационала (слова И. Френкеля, музыка Г. Эйслера); Левый марш (слова В. Маяковского, музыка Г. Эйслера, исполняет Э. Буш).

С возникновением политических партий и организаций, массовых политических движений складывается язык – партийной литературы и публицистики, с ее дихотомией «мы» и «они», тщательное определение врагов и союзников («размежевание»), широкое использование военной лексики – «борьбы» («за» и «против»), разоблачения тайных происков и козней врагов, стратегические и тактические цели, «отряды» (борцов) и «фронты», великие победы и горькие поражения, войны и походы; различные средства становятся не просто орудиями, но «оружием» политической борьбы – рабочие и студенческие кружки, издание газет и журналов, проведение митингов и съездов, распространение литературы, расклеивание плакатов и листовок. В XVIII–XIX вв., фактически, впервые формируется политический лексикон, описывающий новый «континент» – политическую жизнь общества, массовых политических движений и организаций: в прошлом политика рассматривалась как удел высших слоев общества, которая вершится в глубокой тайне и не только социальные «низы», но и большая часть образованных слоев из политики устранялась самым тщательным образом, так что сам термин в массовом общественном сознании приобретал негативные коннотации, и в «приличном обществе» принято было чураться политики, стоять вне ее и т. п.

Великая Французская революция впервые открыла массовую политическую жизнь, выплеснула ее на улицы, в многочисленные собрания и заседания «секций», «фракций» с их резолюциями и прямыми действиями (от создания вооруженных отрядов и столкновений с правительственными силами – до переименований всего и вся: календаря, игральные карты, названий городов и улиц, формул публичного обращения, моды в одежде и т. д.). С появлением в XIX в. массовых политических партий формируется язык политической жизни общества: требовалось ввести в обращение огромное количество явлений и процессов – партии и движения, их программы и манифесты, собрания и съезды и их резолюции, политическая пропаганда и агитация, политическое просвещение масс, всевозможные формы протеста (митинги, забастовки, демонстрации, восстания, сбор пожертвований, театры и т. д.). В языке политики артикулировались проблемы

общества, интересы различных классов и социальных групп, цели борьбы. Общество осознавало и опознавало себя через призму политических понятий и категорий – власть, классы, партии, борьба, революция и реформа, контрреволюция, политическое лидерство, союзы и объединения. Великий революционер-анархист П.А. Кропоткин в своих знаменитых «Записках революционера», фактически, задает парадигму политического травелога, соединяющего воспоминания очевидца и участника политических событий в России и Европе XIX в., теоретические размышления, пропаганду социалистических идей: вот основные главы его сочинения – Детство, Пажеский корпус, Сибирь, Петербург. Первая поездка за границу, Петропавловская крепость. Побег, Западная Европа (Возрождение социализма во Франции, Революционное движение в России, Лионская тюрьма, Социалистическое движение в Англии 1886 г. и т. д.)³⁶⁴. Потом будут воспоминания и размышления социалистов и коммунистов³⁶⁵.

Политические лидеры и теоретики открывали прежде неведомый «континент» – жизнь «простых» людей и политическую борьбу за их интересы: славянофилы и народники вводят в массовое общественное сознание данные демографии, описывают повседневный быт крестьянства, создают «народную» культуру (фольклор, сказки, музыку); социалисты описывают быт рабочих на фабриках и заводах, бедствия людей в периоды кризисов, голода, войн. Разумеется, та же фабрично-заводская статистика, на которую опирался К. Маркс, создавая свой «Капитал», существовала и раньше,

³⁶⁴ Кропоткин П.А. Записки революционера. М.: Мысль, 1990.

³⁶⁵ Аксельрод П.Б. Пережитое и передуманное. Воспоминания. Кн. 1. Берлин, 1923; Бакунин М.А. Избранные сочинения. Т. 1–5. П. – М. 1919–21; Богучарский В.Я. Из истории политической борьбы в 70-х и 80-х гг. XIX века. Партия «Народной воли», ее происхождение, судьбы и гибель. М., 1912; Брешко-Брешковская Е.К. Из воспоминаний. М., 1919; Дан Ф.И. В дни революции. Берлин, 1922; Дейч Л.Г. За полвека. Т. 1 Ч. 1. М, 1922. 307 с.; Там же. Ч. 2; Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте. М.: Республика, 1993. 384 с.; Мартов Ю.О. Записки социал-демократа. Берлин, 1922; Морозов Н.А. Повести моей жизни. М., 1947.; Савинков Б.В. Воспоминания // Былое. 1917. № 1–3; То же: 1918. № 1–6; Фигнер В.Н. Запечатленный труд. Т. 1–2. М. : Задруга, 1921–1922 и др.

но впервые все проблемы общества начали рассматриваться через призму политики, политических категорий.

Так складывается идея «перехода», т. е. «Пути», который необходимо пройти, чтобы изменить общество, которое не должно быть таким, какое оно есть, нужна борьба за власть и собственность, за реформы и революцию, нужно ответить на массу вопросов – куда идти, кто поведет, какие испытания ожидают, что в итоге должно получиться.

Знаково-символический аспект политического травелога

Данный аспект широко представлен еще с эпохи Древности: различные политические организации и движения использовали разнообразные средства знаково-символической репрезентации в общественно-политическом семиотическом пространстве. Восстания «желтых повязок»³⁶⁶, «камизаров» («белые камизары» против «черных камизаров»)³⁶⁷, движение «чернорубашечников»³⁶⁸ и «коричневых» – только немногие примеры богатой истории такой репрезентации. Использовались: а) цвета – белый (монархисты), красный (революционеры, коммунисты), синий (профсоюзы), зеленый (сторонники Ислама; защитники окружающей среды) и т. п., б) знаки и символы – звезды, солнце, свастика, крест, роза, правое и левое, серп и молот, колосья, листья, и т. п. Стоит сказать несколько слов о *семиотическом аспекте*: партия – дословно, «часть», в данном случае – общества, т. е.

³⁶⁶ Крестьянское восстание в Китае в 184–204 гг.; свое название получило потому, что повстанцы в качестве знака приверженности к восстанию носили на голове желтые повязки. Во главе восстания стоял приверженец даосской секты, пропагандировавшей учение о «пути великого равенства (или благоденствия)» (Тайпиндао). За религиозной оболочкой учения о «пути великого благоденствия» скрывалась социальная сущность требований крестьянства, мечтавшего о всеобщем равенстве (<https://dic.academic.ru/dic.nsf/sie/6137/ЖЕЛТЫХ>).

³⁶⁷ Черкасов П. П. КАМИЗАРЫ // Большая российская энциклопедия. Электронная версия. 2016. URL: https://bigenc.ru/world_history/text/2039105.

³⁶⁸ «Чернорубашечники» (итал. *Samicie nere*) – фашистская военизированная группировка в Италии в период после Первой мировой войны и до конца Второй мировой войны.

класс, социальная группа, сословие, нация, этнос. Партийная борьба – всегда есть борьба «частичная» (за интересы части общества), т. е. в лучшем случае – большинства социальных групп, объединившихся вокруг определенных ценностей, реализацию которых они сделали своей целью. Поэтому не может быть партийной борьбы «всего общества» (против кого?) и только следствием политической неграмотности можно объяснить рассуждения об общенародной борьбе общенародной партии. Особо следует отметить в политическом травелоге наличие мощного *перформативного пласта*: большую роль в аудиовизуальной картине повествования о политическом Пути (пути политической борьбы – пройденном или предстоящем) играют такие знаково-символические формы воздействия как манифестации, митинги, на которых выступают политические лидеры, восстания (восстание британских колоний – «Бостонское чаепитие», восстание матросов на броненосце «Потемкин» (Россия), нападение на казарму Монкада (Куба) и многие другие).

Кроме того, мощным перформативным потенциалом обладают политические *песни и марши*, посвященные революционной, освободительной борьбе («Марсельеза», «Интернационал», «Марш красных кавалеристов», «Левый марш», «Тревожный марш», гимн «Народного Единства» в Чили и т. п.). Они полны призывов к Пути, борьбы, преодолению тяжких испытаний на пути к заветной цели, прославления героев. Кроме того, изобразительное искусство, становясь составляющей политической борьбы, многократно усиливает эффективность знаково-символического воздействия на массовое сознание политического травелога.

Институциональный аспект политического травелога

Формирующиеся политические организации, неизбежно представлявшие интересы социальных групп, классов, сословий, с самого зарождения институционализировались в форме политических салонов, клубов, организаций заговорщиков, повстанцев, революционеров, путчистов. Создавались нормативные документы: уставы, кодексы поведения, манифесты, программы и т. п., осуществлялось по принципу вертикальной иерархии или по сетевому принципу построение организаций с членством, взносами, правами и обязанно-

стями, партбилетами и партийными кассами, типографиями, СМИ, сайтами и т. п.

В основе любой партийной деятельности лежит тезис: партийная борьба – это *систематическая, организованная* деятельность по защите и продвижению (вплоть до полного господства) определенных политических ценностей и устраниению (вплоть до уничтожения) противоположных ценностей. Поэтому для успешной борьбы политической партии особенно важна её институциональная составляющая – определенная организация, с выделенными функциями и с функционерами. Для стабильного функционирования данного института нужны определенные материальные средства (в денежной или натурально-вещественной форме).

Какое значение все это имеет для понимания политического травелога? Дело в том, что сама партийная организация не способна существовать без таких важных продуктов политического травелога как уставы, программы, резолюции и т. д., т. е. без продуктов именно *институционального* свойства.

3.4. Военный травелог

Военный травелог основательно опирается на военные документы. Рассматривая только характерные особенности военных *документов*, исследователи отмечают, что военный стиль – профессиональный стиль: язык военных документов можно рассматривать как подстиль официально-делового стиля. Военному стилю в большой степени присущи особая номенклатура текста, обширное использование аббревиатур, условных символов и сокращений, которые, «преследуют не только цель достижения краткости, но и являются кодом»³⁶⁹. Действительно, военные документы изобилуют специальной терминологией, относящейся как непосредственно к военному делу, так и к различным областям техники, которая используется в армии. Никакие нормы живой разговорной речи и, в частности, профессионализмы, которые часто выступают под термином «военный сленг» и которые очень широко используются в живом общении солдат между собой, не употре-

³⁶⁹ Гальперин И. Р. Очерки по стилистике английского языка. М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1958. 459 с. С. 433.

бляются в официальных документах. Таким образом и здесь находит свое выражение разрыв, существующий между нормами литературно-письменной речи и живой разговорной речи. Наиболее бросающейся в глаза, хотя и не единственной особенностью этого стиля, является использование специальной терминологии. Терминология – это ядро научного стиля, один из наиболее существенных признаков языка науки. Однако четко обозначить границы понятия «военный термин» очень сложно, так как сфера функционирования военной терминологии очень широка, и многие общепотребительные термины приобретают в ней особое, более узкое значение. В.Н. Шевчук трактует военную терминологию следующим образом: «это упорядоченная совокупность военных терминов языка, которые отражают понятийный аппарат военной науки и связаны с формами и способами ведения войны, с вопросами стратегического использования вооруженных сил, а также оперативно-тактического применения объединений, соединений, частей и подразделений, с их организацией, вооружением и техническим оснащением»³⁷⁰.

Для характеристики языковой картины военного мира используется методология фрейм-анализа. К примеру, в диссертационной работе Е.А. Степанова выделяются следующие фреймы, выступающие структурными компонентами картины военного мира: «К числу таких фреймов мы относим виды и рода войск ВС, фрейм частей, подразделений и соединений, фрейм воинских званий, фрейм наименований вооружения и военной техники. Необходимо отметить, что число концептов, образующих тот или иной фрейм, не является единым для рассматриваемых языковых картин военного мира»³⁷¹. В национальную картину военного мира, считает автор, могут входить уникальные концепты, которые, в частности, маркируют отличия между английской и российской военными картинами мира: «Примером уникальных концеп-

³⁷⁰ Цит по: Биндеркесен Д. Военная лексика как особый элемент лексической системы языка // Казанский лингвистический журнал. 2020. № 2 (3). С. 5–16. С. 9.

³⁷¹ Степанов Е.А. Языковая картина мира военной сферы (лингвокультурологический и терминологический аспекты): специальность 10.02.19 «Теория языка»: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М.: Военный университет, 2012. 17 с. С. 12. URL: https://new-dissert.ru/_avtoreferats/01005519818.pdf.

тов для англоязычной картины военного мира можно считать воинское звание Specialist, отсутствующее в системе званий ВС РФ»³⁷².

Учитывая куда более широкий контекст военного дискурса, Г.М. Стрелковский в учебнике «Теория и практика военного перевода. Немецкий язык» справедливо пишет: «Если мы ограничимся лишь военным делом, то должны будем признать, что внутри этой обширной области существуют многие отрасли, которые можно рассматривать как различные самостоятельные области знания или деятельности. Поэтому нельзя говорить об общем понятии «военный термин», а следует различать термины тактические, организационные, военно-технические, термины, относящиеся к различным родам войск и видам вооруженных сил и т.д. Все это – различные области военного знания и деятельности, для каждой из которых характерна своя терминология. В пределах каждой из этих областей значение термина достаточно однозначно»³⁷³.

К этому следует добавить, что военный дискурс гораздо шире дискурса «военного дела» и тем более – «военных документов». Он находится на пересечении литературных дискурсов (биографии, мемуары, литература приключений и т.п.) научного дискурса (военные науки) и дискурса военной документации (не только традиционной – бумажной, но также аудиовизуальной). Травелог по своей природе синкретичен и военный травелог является тому примером. Способ анализа этого синкретического феномена – анализ главных концептов травелога – Пути, Путника, Приключения, Испытания. В мировой литературе военный травелог, т.е. повествование о военных походах и военных действиях представлен весьма богатым корпусом текстов³⁷⁴.

³⁷² Там же.

³⁷³ Стрелковский Г.М. Теория и практика военного перевода: Немецкий язык / Г.М. Стрелковский. М.: Воениздат, 1979. 272 с. С. 83.

³⁷⁴ Прокопий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история. М.: Наука, 1993. 570 с.; Прокопий Кесарийский. Война с готами / Прокопий Кесарийский; пер. С.П. Кондратьев. Москва: Директ-Медиа, 2008. 767 с. URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=38619> (дата обращения: 31.03.2021); Записки Юлия Цезаря и его продолжателей о Галльской войне, о Гражданской войне, об Александрийской войне,

Путь – это, прежде всего, военные походы, перемещения воинских формирований и отдельных вооруженных лиц; перемещения воинских соединений на поле боя (марши-броски, наступления, атаки, контратаки, разведывательные боестолкновения, разведывательные и диверсионные рейды, налеты, обманные маневры³⁷⁵). Если в травелоге как таковом сами перемещения/передвижения вполне могут стать самоцелью, поскольку, передвигаясь, Путник испытывает *изменение и преобразование* (обретает опыт, знание, мудрость и т.п.), то в военном травелоге все перемещения (родов войск, мест дислокаций, военных штабов, разведотрядов, тыловых служб и т.п.) служат главной стратегической цели – достижению победы.

Военные передвижения подчинены также такой важной задаче как уничтожение боевых сил противника. Военный травелог включает довольно подробные описания «соотношения сил» (живой и материально-технической), позиционных преимуществ одной или другой сторон противоборства. В военном травелоге большое значение придается Началу Пути: военные действия совершаются после «объявления войны», либо без такового, что порицается как вероломство. Военные действия могут начинаться после тщательной подготовки (как правило, втайне от противника) или, чаще всего, внезапно, в полном смятении. Немецкий маршал Хельмут фон Мольтке (Старший) в своем эссе «О стратегии» в 1871 г. писал: «Ни один оперативный план не может хотя бы с некоторой достоверностью простирается за пределы первого столкновения с главными силами противника. Только профан может полагать, что ход кампании представляет логическое осуществление заранее очерченной, детально проработанной

об Африканской войне / пер. и коммент. акад. М.М. Покровского. М. – Л.: АН СССР, 1948. 560 с; Поход революционных войск ген. Х. де Сан-Мартина и С. Боливара (Венесуэла, Колумбия, Бразилия); Великий поход –1, Великий поход-2 (Китай); Поход «Колонны К. Престеса» (Бразилия); Ледовый (Ледяной) поход (1918); Великий Сибирский ледяной поход А. Колчака (1919); Поход партизанской армии С. Ковпака; Поход «барбудос» на Гавану (Э. Че Гевара, Ф. Кастро) и др.

³⁷⁵ См.: Бой // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. (82 т. и 4 доп.). СПб., 1890–1907; Марш, Поход, Эвакуация (<http://militera.lib.ru/enc/sytin/index.html>).

и до конца удерживаемой первоначальной идеи»³⁷⁶. В то же время, именно он был сторонником самого тщательного планирования. Другим известным выражением Мольтке была фраза: «врозь идти и вместе бить». Она означала достижение едиными усилиями одновременного удара во фронт и фланги противника.

Всемирная история показывает попытки создания неких «правил», кодекса поведения в военных действиях: существует целая система международных соглашений (*конвенций*) такого рода – о запрещении жестокого обращения с военнопленными и гражданским населением, об использовании оружия массового поражения, о наиболее смертоносных и опасных видах оружия (разрывные пули, касетные мины, фосфорные снаряды и др.).

Надо иметь в виду, что военный травелог есть разновидность *политического* (так же, как война есть продолжение политики, только иными средствами – вооруженного насилия), поэтому рассказ, повествование о военных походах, приключениях (победах и поражениях) может быть адекватно понят только через призму *политических категорий*. Политическая борьба есть, главным образом, борьба за власть – внутри общества или в международном плане. Весьма наглядно это представлено в Записках Юлия Цезаря о Гражданской войне: «Принимаются очень важные и очень суровые решения о власти Цезаря... Узнав об этом, Цезарь произносит речь перед военной сходкой. В ней он упоминает о преследованиях, которым он всегда подвергался со стороны врагов; *Он огорчен также небывалым нововведением в государственном строе – применении вооруженной силы для опорожнения и даже совершенного устранения права трибунской интерцессии...* В конце речи он убеждал, просил солдат защитить от врагов доброе имя и честь полководца, под предводительством которого они в течение девяти лет с величайшим успехом боролись за родину, выиграли очень много сражений и покорили всю Галлию и Германию. Солдаты бывшего при нем 13-го легиона (он успел его вызвать в самом начале смуты, а остальные еще не подошли) единодушным криком заявили, что они готовы защищать своего

³⁷⁶ Мольтке Хельмут Карл Бернгард фон. О стратегии / Сайт «Милитера» («Военная литература»). URL: <http://militera.lib.ru/science/classic2/15.html>.

полководца и народных трибунов от обид», затем, после захвата Рима Цезарь «Созвав заседание сената, он перечислил все оскорбления, нанесенные ему врагами... он подчеркивал несправедливое отнятие у него легионов, жестокое и высокомерное ограничение прав народных трибунов; упоминал о мирных предложениях, которые он делал, о переговорах, которых он просил и в которых ему отказывали. Ввиду этого он настоятельно предлагал сенаторам взять на себя заботу о государстве и управлять им сообща с Цезарем. Но если они из страха будут уклоняться от этого, то он не станет им надоедать и самолично будет управлять государством. Следует отправить к Помпею послов относительно соглашения; при этом он не боится недавнего заявления Помпея в сенате, что тем, к кому отправляют послов, придают значение, а со стороны посылающих – это признак страха. Это заявление свидетельствует о мелочности и слабости характера. Но сам он желает быть выше других своей справедливостью и гуманностью так же, как прежде старался превосходить их своими воинскими подвигами»³⁷⁷.

Отсюда же, из недр политики – попытки деления войн на «справедливые» (в интересах угнетенных, эксплуатируемых) и «несправедливые» (в интересах угнетателей, эксплуататоров), что и отражается в военном травелогге. ООН, как выразитель совокупного мнения мирового сообщества, предприняла попытку дать определения агрессии и, соответственно, агрессора: «Ст. 1: Агрессией является применение вооруженной силы государством против суверенитета, территориальной неприкосновенности или политической независимости другого государства, или каким-либо другим образом, несовместимым с Уставом Организации Объединенных Наций, как это установлено в настоящем определении». Ст. 2: «Применение вооруженной силы государством первым в нарушение Устава является *prima facie* свидетельством акта агрессии, хотя Совет Безопасности может в соответствии с Уставом сделать вывод, что определение о том, что акт агрессии был совершен, не будет оправданным в свете других соответствующих обстоятельств, включая тот факт, что

³⁷⁷ Гай Юлий Цезарь. Гражданская война / X Legio: Военно-исторический портал античности и средних веков. URL: <http://xlegio.ru/sources/caesar/bellum-civile/book-1.html>.

соответствующие акты или их последствия не носят достаточно серьезного характера»³⁷⁸.

В то же время, очевидно, что обойти все трудности абстрактным определением невозможно (иначе – противоречие букве и духу Устава ООН), поэтому в ст. 7 добавлено: «Ничто в настоящем определении, и в частности в статье 3, не может каким-либо образом наносить ущерба вытекающему из Устава праву на самоопределение, свободу и независимость народов, которые насильственно лишены этого права и о которых упоминается в Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций, в частности народов, находящихся под господством колониальных и расистских режимов или под другими формами иностранного господства, а также праву этих народов бороться с этой целью и испрашивать и получать поддержку в соответствии с принципами Устава и согласно вышеупомянутой Декларации»³⁷⁹.

Путник в военном травелогe представлен целым спектром персонажей, обладающих определенной спецификой – это, прежде всего, *военачальник*, командир³⁸⁰, наделенный исключительными властными полномочиями – вести людей в бой, в сражение, отдавать приказы, отправлять людей не только на смертельно опасные действия, но и прямо на смерть. Большое значение в военном травелогe придается качествам военачальника – как профессиональным (знание военного дела, опыт), так и индивидуально-психологическим (в отечественной литературе специально различается «руководство» и «лидерство», поскольку чутко фиксируется разница: можно быть руководителем (начальник назначен приказом!), но не быть лидером (способным принимать на себя ответственность)). В русской традиции это поэтически выражено формулой «Слуга царю – отец солдату».

³⁷⁸ Определение агрессии. Утверждено резолюцией 3314 (XXIX) Генеральной Ассамблеи от 14 декабря 1974 года / ООН: Конвенции и соглашения. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/aggression.shtml.

³⁷⁹ Там же.

³⁸⁰ Военная энциклопедия / под ред. В. Ф. Новицкого и др. СПб.: т-во И. В. Сытина, 1911–1915. URL: <http://militera.lib.ru/enc/sytin/index.html>.

Выдающиеся военачальники использовали различные способы для завоевания авторитета среди подчиненных – делили с солдатами тяготы военной службы и походов, проявляли героизм, подавая личный пример, заботились о нуждах рядовых и защищали своих солдат перед лицом «начальства» и т.п. Военные травелоги полны описаний подобных поступков военачальников (Юлий Цезарь, Александр Суворов, Федор Ушаков, Михаил Скобелев и многие другие). Светоний так отмечает стиль поведения Цезаря: «В походе он шел впереди войска, обычно пеший, иногда на коне, с непокрытой головой, несмотря ни на зной, ни на дождь. Самые длинные переходы он совершал с невероятной быстротой, налегке, в наемной повозке, делая по сотне миль в день, реки преодолевая вплавь или с помощью надутых мехов, так что часто опережал даже вестников о себе... Он никогда не вел войска по дорогам, удобным для засады, не разведав предварительно местности; в Британию он переправился не раньше, чем сам обследовал пристани, морские пути и подступы к острову. И он же, узнав об осаде его лагерей в Германии, сквозь неприятельские посты, переодетый в галльское платье, проскользнул к своим... Если успех колебался, он отсылал прочь лошадей, прежде всего – свою, чтобы воины держались поневоле, лишённые возможности к бегству. Если же его войско начинало отступать, он часто один восстанавливал порядок: бросаясь навстречу бегущим, он удерживал воинов поодиночке и, схватив их за горло, поворачивал лицом к неприятелю. А паника бывала такова, что однажды схваченный им знаменосец замахнулся на него острием значка, а другой знаменосец оставил древко у него в руке»³⁸¹.

С другой стороны, Цезарь «Воинов... ценил не за нрав и не за род и богатство, а только за мужество; а в обращении с ними одинаково бывал и взыскателен, и снисходителен. Не всегда и не везде он держал их в строгости, а только при близости неприятеля; но тогда уже требовал от них самого беспрекословного повиновения и порядка, не предупреждал ни о походе, ни о сражении, и держал в постоянной напряженной готовности внезапно выступить, куда угодно. Часто он выводил их даже без надобности, особенно в дожди

³⁸¹ Светоний Гай Транквилл. Жизнь двенадцати цезарей. М. : Наука, 1993. 129 с. URL: <https://litmir.me/br/?b=36284&p=10.html>.

и в праздники. А нередко, отдав приказ не терять его из виду, он скрывался из лагеря днем или ночью и пускался в далекие прогулки, чтобы утомить отстававших от него солдат»³⁸².

В военном травелоге Путник – это различные *воинские подразделения* (части, полки, дивизии, армии, фронты). В воинских частях и подразделениях обязательным атрибутом их жизни является рассказ о «боевом пути», представленный особенной экспозицией (с картами-схемами, перечнем боев и сражений, описанием героических поступков). Особо следует упомянуть действия *отдельных военнослужащих* части, совершивших героические поступки: традиции частей и подразделений, вырабатывают особенные формы чествования своих героев и воспитания на их примерах всех других.

Воинские подразделения (объединения), категорически отличающиеся от «гражданских». Главное отличие – особенная *дисциплина* (иерархия соподчинения, исполнение приказов), к «гражданским» отношения не имеющая (хотя «партизанские» действия делают все эти правила достаточно условными), стремление навязать свою волю не просто с помощью военной силы, но и устрашения – используются методы массовых наказаний и расправ, «зачистки» опасной территории, создания концентрационных лагерей или «стратегических деревень» для гражданского населения. Общим основанием для совершения любых действий этими военными (Путниками) является *приказ*: именно выполнение/невыполнение приказа служит основанием для оценки законности/незаконности проводимых действий (и наступления воинской ответственности), поэтому при подготовке командиров регламентируются все шаги – оценка обстановки, принятие решения и собственно – отдавание боевого приказа.

Военный травелог подразумевает тщательное описание структуры и иерархического строения войскового перемещения, статусного ранжирования военных званий, всевозможных предписаний и регламентаций, которым он подчиняется. Похождения, авантюры и частные «приключения» отдельных военнослужащих являются нарушением этих предписаний.

Военный травелог обычно описывает не просто остро опасные ситуации, а ситуации, связанные с *опасностью физической гибели*. В качестве опасных Приключений здесь вы-

³⁸² Там же.

ступают *вооруженные* столкновения враждебных сил, ставящих своей целью уничтожение врага (как дееспособного противника). В любом ином травелоге опасность выступает как нечто привходящее, в военном же травелоге – это обязательное и необходимое условие, поскольку кульминация Пути – битва, бой, сражение.

Перемещения и передвижения подчинены не познаванию или обогащению, а именно уничтожению возможности вооруженного сопротивления противника (если сочтут необходимым, то возможно и полное физическое уничтожение). Самое желанное достижение военного приключения – одержание Победы (насильственное принуждение противника к полному подчинению, сопровождаемое уничтожением враждебных вооруженных сил).

В то же время, из Древности идет традиция признания военной службы – делом чести и славы, благом служения Отечеству (как, впрочем, бесчестья и позора, особенно в случае сдачи на милость победителя без достаточных на то оснований, или в случае перехода на сторону противника).

В военном травелоге, как правило, немало места отводится возданию почестей героическим деяниям военнослужащих, военачальников и рядовых солдат. В сущности, путь Воина есть испытание Путника-героя, его инициация, поэтому в военном травелоге высоко превозносится сам факт прохождения военной службы (военкоматы простодушно пишут в своих рекламных слоганах о том, что именно, служа в вооруженных силах, человек превращается в настоящего мужчину), особенно ценится участие в непосредственных военных действиях (в «горячих точках» – локальных войнах и конфликтах), воспеваются «братство по оружию» и ветеранские доблести.

3.5. Научный травелог

Научный травелог – это способ творческого освоения человеком новых областей действительности в форме продуцирования рационального и инновационного знания о них в соответствии с принятыми принципами и методами его получения и построения. Общеизвестно, что данный жанр травелога по своей занимательности, силе воздействия на публику вполне может поспорить с художественной литературой приключений.

Здесь, в основном, меняется содержательная часть главных концептов травелога – Пути, Путника, Приключения / Испытания / Инициации, Проводника / Переводчика и других смежных концептов, при помощи которых совершается аналитическая работа по разработке и осуществлению увлекательного пути познания.

Путник представлен здесь целым спектром персонажей: Ученый, Ученик, Молодой ученый, Классик, Открыватель, Изобретатель, Авантюрист. В Древности, чуткие к дефинициям умы чурались простодушного обозначения людей, овладевших неким знанием, «мудрецами» (в Древней Греции – «софос»). Согласно легендарному преданию, Сократ в «Преимствах» говорит, что на вопрос Леонта, флиунтского тирана, кто он такой, Пифагор ответил – «философ», что значит «любомудр». Жизнь, говорил он, «подобна игрищам: иные приходят на них состязаться, иные торговать, а самые счастливые – смотреть; так и в жизни иные, подобные рабам, рождаются жадными до славы и наживы, между тем как философы – до единой только истины»³⁸³. В истории культуры мы наблюдаем дифференциацию различных видов знания, которым владеют «ученые»: «Заблуждение – знание, не соответствующее реальному объекту, но принимаемое за истину. Ложь – сознательное искажение образа объекта. Житейское – основано на здравом смысле, формируется в результате повседневной жизни людей, сводится к констатации фактов и их описанию. Практическое – основой является деятельность людей по реализации потребностей. Художественное – строится на образе, характеризуется эмоциональностью, субъективностью. Научное – характеризуется стремлением к объективности, системностью, логичностью, существует в форме понятий и категорий, общих принципов, законов, теорий. Рациональное – отражает реальность в терминах, строится на рациональном мышлении. Иррациональное – отражает реальность в эмоциях, часто основано на интуиции, не подчиняется законам логики»³⁸⁴. Уже в Древней Греции различа-

³⁸³ Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / пер. с древнегреческого М.Л. Гаспарова. Книга восьмая. 1. Пифагор. М.: «Мысль», 1986. URL: <http://psylib.ukrweb.net/books/diogen1/txt08.htm>.

³⁸⁴ Знание // Новая философская энциклопедия: в 4 тт. Интернет-версия издания/Институт философии РАН; Национальный

ли «знание по мнению» (о вещах и процессах чувственного мира) и «знание по истине» (знание умоспостигаемого мира). Согласно современным представлениям, в самом общем виде «знание можно определить как творческое, динамическое измерение сознания, коль скоро всякое сознание существует в форме знания. Знание выступает как объективная идеальная форма всякой деятельности и общения, как их возможная форма в том смысле, что оно представляет собой предпосылку расширения горизонта человеческого бытия. Знание есть не только преобразование опыта в сознание путем структуризации, обозначения его элементов, не только фиксация опыта в социальной памяти. Оно является способом трансформации знаковых систем, сознания, деятельности и общения, придания им новой формы, т. е. нового смысла и значения. Знание возникает как осмысление человеком контекстов своего опыта. В таком случае всякий тип знания выступает как смысл, вносимый в специфическую реальность (производственную практику, социальную регуляцию, ритуальный культ, языковой текст). Тем самым знание есть различение этих реальностей и контекстов опыта как возможных сфер реализации человеческих способностей»³⁸⁵.

Важно различать *теоретическое* и *практическое* знания: «Теоретическое знание (философия, теология, идеология, наука)... ориентировано на выработку новых смыслов и внесение их в реальность. Оно в той или иной степени дистанцировано от объекта и содержит, скорее, схемы специфической деятельности (дискурса, исследования) и общения (диспута, диалога), обретающие форму понятий, законов, теорий в ходе их рефлексивной разработки. Практическое знание имеет, как правило, неявный, невербальный, ритуализированный характер (М. Полани), в то время как теоретическое знание предполагает явную текстуально-словесную форму. Оба эти типа знания содержат дескриптивные и нормативные компоненты, но только теоретическое знание приписывает законы самой природе (естествознание). Теоретическое и практическое знания могут содержать научные и вненаучные элементы, причем само понятие научного знания не исчерпывается какой-либо дефиницией в образе ро-

общественно-научный фонд. URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH012ba7def586357b07e1772b>.

³⁸⁵ Там же.

довидового отличия, но формулируется исходя из его социологической принадлежности науке как социальной системе. Всякий тип знания может быть содержательно охарактеризован только как элемент целостного культурно-исторического комплекса (науки, техники, религии, мифа, магии). Поэтому исчерпывающая типология знания фактически совпадает с историей культуры»³⁸⁶.

Разнообразно институционализированное познание порождает множество субъектов, принимающих в нем участие.

В научном травелоге весьма важным вариантом концепта Путник выступает концепт *Учителя/Наставника*. Он выполняет роль Проводника – проводника по «скалистым» тропам познания, где нет «королевских путей». Учитель не только сообщает базовые знания в определенной области познания ученику, руководит выработкой необходимых умений и навыков, но передает ему этос науки (это – не «гуру», не «Мастер», владеющий эзотерическими тайнами, которые он «унесет с собой в могилу», а проводник и воспитатель своих учеников).

Большую роль играет Переводчик / Толмач / Проводник – в нашем случае – это *популяризаторы науки*. Как известно, А. Эйнштейн заметил по данному поводу, что он почтет действительно гениальным всякого человека, который первому встречному солдату сумеет объяснить, что такое дифференциальное счисление. Научно-популярная литература (аудио-видео продукция) выполняет исключительно важные функции, раскрывая обществу (и в особенности молодежи) не только увлекательный мир интеллектуального творчества, но и значительную роль продуктов познания, кардинально изменяющих наш образ жизни, а также предостерегает от опасности бесконтрольной деятельности авантюристов, мошенников, корыстолюбивых личностей и корпораций.

Научно-популярный жанр, тяготеющий к литературе путешествий и приключений, сосредотачивает внимание на том, что в процессе познания происходит раскрытие тайны, что сближает его с детективным жанром. Многие научные травелоги, повествующие о научных открытиях и изобретениях, так и озаглавлены – «Тайны...»³⁸⁷. Ученый рас-

³⁸⁶ Там же.

³⁸⁷ Серия книг – Тайны науки. URL: <https://knigifb2.org/nauchno-populyarnaya-literatura/23667-serija-knig-tajny-nauki.html>.

сматривается как искатель приключений или детектив, разгадывающий загадки природы, а научный поиск представлен в текстах как увлекательный процесс, который позволяет обществу методом проб и ошибок, либо с помощью гениальных идей – мысленных конструкций, – постепенно раскрывать сложные загадки, к примеру, загадки «петлеобразного» движения нескольких небесных светил («звезд»), которые, благодаря этому, получили название «планеты», т.е. «блуждающие», в отличие от всех прочих небесных тел, движущихся строго по окружностям.

Беспрецедентный рост могущества современного научного познания, превратившегося в мощную индустрию, вовлекающую в свой оборот гигантские ресурсы, неизбежно становится притягательной сферой для действий особенных субъектов: *авантюристов, мошенников и графоманов*, которых привлекают как лавры «геростратовой славы», так и возможности обогащения за счет мимикрии «под науку». В современном мире, где якобы «господствует» наука (часто в обыденном сознании наделяемая чертами магии и колдовства) существует гигантская сфера лженауки и различных форм эзотеризма, рядящихся в одежды научности (плодятся псевдо и прямо антинаучные «академии», которые присваивают «ученые» степени, порождается огромное количество «экспертов», «специалистов» и т.п. «учителей»): «Порядка 800 тысяч магов и колдунов насчитывается в России, и не многим больше – профессиональных врачей и ученых, сообщил в понедельник на пресс-конференции в РИА Новости заместитель директора Института психологии РАН, доктор психологических наук Андрей Юревич»³⁸⁸. Бюрократические системы выдачи различного рода «сертификатов», создающиеся министерствами и ведомствами, которые стремительно депрофессионализируются, поскольку управляются

Дата публикации: 11.06.2020; Вадим Ильин. Тайны смерти великих людей. М.: АСТ, 2008. URL: <https://avidreaders.ru/book/tayny-smerti-velikih-lyudey.html>; Брайан Хотон. Великие тайны и загадки истории. Издательство «Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2008. URL: <https://avidreaders.ru/book/velikie-tayny-i-zagadki-istorii.html> и т.п.

³⁸⁸ Юревич: колдунов в РФ почти столько же, сколько врачей и ученых / РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20101101/291416684.html>. Дата публикации: 01.11.2010.

«эффективными менеджерами», создают питательную среду для огромного числа шарлатанов и «народных целителей»³⁸⁹.

Решение сложнейшей теоретико-методологической проблемы дифференциации науки и подражающей ей так называемой «паранауки» (астрологии, алхимии, парапсихологии, графологии, валеологии, гомеопатии и т.п.) сегодня становится полем борьбы за преодоление «косности и отсталости официальной, академической науки»: рождаются монструозные проекты вроде «новой хронологии», теории «торсионных полей», «психотронного оружия» и т.п. Появляется старый-новый персонаж *Авантюриста*, маскирующийся под «маститого ученого» (чудесные результаты), «борца с предрассудками официальной науки», автора проектов, сулящих фантастические результаты³⁹⁰.

Авантюристы (по определению – беспринципный человек) в качестве мошенников присваивают себе результаты чужих исследований, подделывают (подгоняя под «нужные») собственные полученные данные. С целью противостояния напору авантюристов от науки современное научное сообщество вырабатывает систему правил научной этики, организывает проведение экспертиз исследовательских проектов, подвергает проверке деятельность диссертационных советов.

Отдельная ипостась Путника в научном травелогге – *графоманы*, в изобилии плодящие бессмысленные тексты, которые «забивают» каналы научной коммуникации подобной никчемной продукцией. Их писательский активизм во многом обусловлен набирающим всё большую силу формально-бюрократическому механизму по организации публикационной деятельности ученых, стремлением бюрократических структур подвести научную поисковую работу под определенный универсальный стандарт, задавая сугубо формальные параметры для её оформления и размещения в ранжируемых по, якобы, репутационным показателям, разделенных на кварталы журнальных изданиях. Так, напри-

³⁸⁹ См.: Кругляков Э. Россия вновь во мгле-3 / Э.П. Кругляков; Комис. по борьбе с лженаукой и фальсификацией науч. исслед. РАН. М.: Наука, 2009; Шуйкин Н.Н., Базян А.С. Патентный закон РФ способствует распространению «энергоинформационной терапии» / Бюллетень в защиту науки. Вып. 1, 2006. С. 144–151.

³⁹⁰ http://www.ras.ru/win/db/show_org.asp?P=oi-2096.vi-fi-oi-2096.

мер, считается, что все научные публикации можно поделить на «мусорные» (то есть недостойные высокого звания быть научными) и истинно научные, поскольку они опубликованы в престижных изданиях, входящих в определенные базы данных (для России – это Scopus и Web of Science). К настоящему времени выработана целая система денежных поощрений ученых за публикации в престижных изданиях, а также – система наказаний за отсутствие таковых (лишение «баллов», денежных премий, оплачиваемых командировок и т. п.).

В погоне за количеством публикаций в «нужных» журналах далеко не всегда побеждают настоящие ученые. Нередко в рядах «победителей» можно встретить графоманов, которые очень хорошо научились писать «по правилам», заботясь, в основном, о соблюдении требуемых формальностей, а не о новизне и качестве своего исследования³⁹¹. Как наглядно показал казус с интеллектуальной провокацией-публикацией статьи Ж. Брикмона и А. Сокала в «солидном» научном журнале³⁹² современные авантюристы и графоманы способны легко преодолевать формально-бюрократические препоны и публиковать любой абсурд, производя впечатление на рецензентов своей трескучей «суперсовременной» терминологией.

Познание (П), понятое как Путь при ближайшем его рассмотрении оказывается весьма сложным, что очевидным образом отражается в сложности его структуры: «Помимо филос. имеют место и специально-научные концепции П. – психологическая, нейрофизиологическая, лингвистическая, социологическая, логическая, информационная, синергетическая, часто выступающие в единстве с некоторыми филос. учениями. За пределами науки и философии не заканчивается рефлексия о П. Повседневное словоупотребление стихийно формирует обыденное понимание П.; в религии и теологии идет речь о способах и формах П. Бога; магия и оккультные науки стремятся разработать методы П. таинственных субстанций, астральных влияний, демонических сил. В кон.

³⁹¹ Чудова Наталия. Помериться хиршами, или о новом цивилизационном вызове // Русский репортер / Эксперт. URL: <http://rusrep.ru/article/2013/10/22/hyrsh>.

³⁹² Брикмон Жан, Сокал Ален. Интеллектуальные уловки. Критика современной философии постмодерна / Жан Брикмон, Ален Сокал. URL: https://scepisis.net/library/id_1052.html.

20 в. гносеологическая проблематика в ряде филос. учений отходит на второй план, утрачивается уверенность в специфике филос. эпистемологии и тем самым – интерес к проблеме филос. обоснования П. Однако претензии ряда наук на исчерпывающее понимание П. сталкиваются с теми же проблемами, над которыми давно работают философы (реализм – инструментализм, фундаментализм – феноменализм, субстанциализм – функционализм, догматизм – релятивизм). В целом большинство различий в истолковании и обосновании П. можно свести к двум основным позициям: фундаментализму (эссенциализму) и функционализму (феноменализму), каждая из которых схватывает одну из существенных сторон познавательного процесса. Водораздел между ними образуется разным пониманием человеческого опыта: в первом случае как деятельности, руководимой рефлексией и ищущей своего рационального объяснения в ходе бесконечного регресса оснований, во втором случае как деятельности, стихийно порождающей рефлексию по мере необходимости и подчиняющей ее своим потребностям, и задачам. Наиболее полный образ П. предполагает поиск и нахождение баланса между рядом противоречиво дополняющих друг друга позиций»³⁹³.

В общем и целом – «Путь П. – это движение от локальных и стандартных контекстов опыта ко все более разнообразным и универсальным, причем чувственные и рассудочные элементы присутствуют на каждом этапе... Функция П. состоит в накладывании на мир сети обозначений – научных формул, нравственных норм, художественных образов, магических символов, позволяющих человеку упорядочить свое бытие в нем и так структурировать свою психику, чтобы придать ей мобильность и вариабельность, обеспечивая тем самым возможность продуктивной деятельности и понимающего общения»³⁹⁴.

В истории культуры важное значение приобретали такие проблемы, как дифференциация видов познания, способ институционализации познания и его субъектов. «Эволюция познания является нелинейным процессом, который не мо-

³⁹³ ПОЗНАНИЕ // Новая философская энциклопедия: в 4 тт. / под ред. В.С. Стёпина. М.: Мысль. 2001. URL: <https://russian-philosophical-enc.slovaronline.com/6719-ПОЗНАНИЕ>.

³⁹⁴ Там же.

жет быть описан лишь как движение от дорационального к рациональному, от мифа к логосу, от мнения к знанию, – отмечает Современная философская энциклопедия. – Ступенями эволюции познания в филогенетичном смысле являются целостные когнитивно-культурные системы, обладающие специфическим социально-историческим содержанием. Таковы повседневный опыт, магия, миф, искусство, религия, право, философия, мораль, идеология, наука. Возникая в процессе дифференциации познавательного отношения к миру как разные типы познания, они приобретают автономные функции и обогащаются содержанием в ходе взаимодействия между собой. В одних типах познания наиболее рельефно выступает накопление, сохранение и воспроизводство опыта, в других – его развитие и обновление. Примерами первого рода является познание в рамках мифа, религии, морали, права, примерами второго – магия, искусство, философия, наука»³⁹⁵.

В современной гносеологии существенное значение приобрело различие *гуманиарного и естественно-научного* познания. В историческом плане «Социально-гуманитарное познание оформилось в систему задолго до естественных наук, как скоро оно должно было регулировать политические, правовые, экономические, личностные отношения. Именно ему обязаны фундаментальные понятия порядка и закона, первоначально имевшие чисто социальный смысл. При этом статус научности оно приобрело позже естествознания, оставаясь в состоянии сакральной социальной магии или профанной социальной технологии – познания, ориентированного на непосредственное практическое применение»³⁹⁶. С другой стороны, «Естествознание, впитав в себя достижения донатурного и философско-гуманитарного познания, развило другую сторону натурмагического отношения к миру – поиск и использование скрытых сил природы»³⁹⁷.

По мере институционализации современного познания неизбежно происходит изменение его *субъекта*: «Субъектами познания являются, с одной стороны, отдельные индивиды, а с другой – эпистемические сообщества, которые создают институциональные условия познания, используя на-

³⁹⁵ Там же.

³⁹⁶ Там же.

³⁹⁷ Там же.

личные социальные ресурсы. Историческое развитие разных видов и способов познания является ферментом социального развития, который существенным образом определяет этапы этого развития, историко-культурные эпохи»³⁹⁸. Познание, прежде всего – научное, – превращается в сферу общественного производства, в которое вовлекаются огромные ресурсы: материальные, финансовые, человеческие. «Познание как внесение смысла в опыт и есть постижение порядка в хаосе, безусловного в условном, априорного в апостериорном, трансцендентального в эмпирическом, идеального в реальном. В понимании данного соотношения и состоит основная задача философского исследования познания» – констатирует Философская энциклопедия³⁹⁹.

3.6. Антропоцентрический травелог

Наиболее выпукло особенности научного травелога выступают в исследованиях психической жизни человека, которая представляется как уникальный Путь, путь души – в поисках ли ценностей и смыслов, в поисках ли «простого человеческого счастья».

Прежде всего, принципиальный вопрос – почему человек становится Путником и пускается в Путь? Здесь мы сталкиваемся с центральным пунктом проблемы жизни как Пути – необходимостью смысложизненного ориентирования человека как способа его, человеческого, существования⁴⁰⁰.

В основе антропоцентрического понимания травелога лежит концептуальный образ человека-странника, обозначаемый понятием *Homo viator*⁴⁰¹. *Две архетипические парадигмы заданы христианским сознанием для постижения сути образа Homo viator*: а) это странник-пилигрим, странствующий в поисках бога, странствия его души направлены на поиски абсолютных ценностей и смыслов; и б) это странник-Агасфер, бесприютный скиталец, для которого весь мир –

³⁹⁸ Там же.

³⁹⁹ Там же.

⁴⁰⁰ Леонтьев Д.А. Психология смысла природа, строение и динамика смысловой реальности. М.: Смисл, 1999. 584 с.; Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990. 366 с.

⁴⁰¹ Термин предложен французским философом Габриэлем Марселем для обозначения человека-скитальца.

чужбина, он – бездомный бродяга, не нашедший внутреннего мира, а потому нет у него и в нем дома для бога (храма).

Христианско-экзистенциалистская трактовка человека в образе *Homo viator* у Г. Марселя⁴⁰², с одной стороны, архетипизирует его, поскольку уподобляет скитающемуся по свету страннику, а, с другой стороны, наделяет человека испытывать чувство надежды на испытание им духовного взлёта, направленному к постижению высокой ценности приобретенного им жизненного опыта. Известный исследователь творчества Марселя В.П. Визгин следующим образом рассуждает об особенностях его философии: «Философия надежды Марселя укоренена в пережитом опыте, опыте встречи и углубленного общения, ведущего к свободному познанию себя изнутри интерсубъективности. Он даже не прочь признать философскую правоту эмпиризма, но при одном условии – эмпиризм должен включать в себя ценностную иерархию типов опыта, ибо опыт опыту – рознь. В опыте много рутинного, но бывают в нем и прозрения, высшие мгновения. В частности, Марсель подчеркивает, что признание онтологического таинства, рассматриваемое им как самая важная черта его метафизики, может иметь место лишь «благодаря некоторым высшим формам человеческого опыта... Опыт самопожертвования, любви, творчества, наконец, святости – вот, что он имеет в виду, когда говорит о высших формах опыта, доступного человеку»⁴⁰³.

Может показаться, что надежда близка по смыслу желанию, однако на самом деле, она предельно далека от него. Желаящий, по Марселю, видит предмет своего желания, объективирует его и превращает в проблему, чтобы решить ее, становясь тем самым на путь технического мышления. «Но надежда живет в другой духовной атмосфере. Она не предсказывает то, на что надеются, в горизонте ее человек не строит объективированных конструкций для ее осуществления. Но она парадоксально как бы помнит будущее и по этому является его «прикрытым видением». Актом надежды «протыкается» «скорлупа» замкнутого и омертвленного в его

⁴⁰² *Homo viator* (лат.) – человек-путник (Марсель), «Человек – скиталец» (1944).

⁴⁰³ Визгин В.П. Философия Габриэля Марселя: Темы и вариации. Санкт-Петербург: Издательство «Мирь», 2008. С. 28–29.

рациональной истолкованности времени»⁴⁰⁴. «Надежда – мой компас земной!» – поется в популярной песне. Эти слова могли бы, наверное, стать девизом философии надежды Г. Марселя.

Уже в классическом марксизме⁴⁰⁵ была дана светская формулировка данного аспекта проблемы человека: а) его сущность не дана человеку изначально и, тем более, ему не задана; б) человек есть то, что он делает, его сущностные силы раскрываются по мере развития историко-культурной практики; в) человек активно преобразовывает действительность, создавая при этом все новые средства производства; г) в основе прогресса человеческого социума лежит конфликт между основными участниками материального и духовного производства.

В современном мире, где базовым конфликтом выступает противоречие между гипермонополизированным капиталом и трудящимися массами, монополии стремятся к тому, чтобы, взяв в свои руки все существующие инструменты для осуществления тотального контроля за поведением массового человека, навязать ему выгодные исключительно им правила и формы человеческой деятельности. В идеале самой выгодной для монополий моделью человека является человек-робот, человек-трансформер, который «адекватно» и «правильно» отвечает на все информационные сигналы. Данная стратегия ведет к дегуманизации всей человеческой деятельности, другими словами – к расчеловечиванию человека.

⁴⁰⁴ Там же. С. 29.

⁴⁰⁵ Классический марксизм сформулировал т. н. «Всеобщий закон капиталистического накопления»: Накопление капитала есть специфическая форма расширенного воспроизводства, свойственная капитализму, т. е. воспроизводства капитала и капиталистических производственных отношений в возрастающих масштабах, выходящих за национальные границы, превращаясь в глобальный процесс. К. Маркс: «производство, основанное на капитале, создает систему всеобщей эксплуатации природных и человеческих свойств... Отсюда великое цивилизирующее влияние капитала... Соответственно этой своей тенденции капитал преодолевает национальную ограниченность и национальные предрассудки, обожествление природы, традиционное, самодовольно замкнутое в определенных границах, удовлетворение существующих потребностей и воспроизводство старого образа жизни. Капитал разрушителен ко всему этому» (Маркс К. Капитал. Т. 1; Маркс К. и Энгельс Ф. // Соч. 2 изд., т. 23, гл. 23–24).

Обесчеловечение оказалось поставлено на промышленную основу, приобрело настоящий индустриально-технический размах, потому что «вирус» обесчеловечивания затронул большинство сфер социокультурной и медиаинформационной жизни. Такие действенные медиатехнологии как дискурс постправды, дискурс постпамяти и др. нацелены на замещение рациональных и концептуально-образных компонентов массового сознания эффектами эмоциональных потрясений, чувством полного и абсолютного доверия к, порой, недобросовестно сконструированному медийному материалу⁴⁰⁶.

В эпоху глобализации человек не просто побрел по странам и континентам, он понесся со всё возрастающей скоростью к антропологической катастрофе, поскольку чем быстрее он двигался, тем острее давали о себе знать главные жизненные вопросы: Куда надо двигаться? Что такое – быть и остаться человеком? И главное: а надо ли задумываться и решать эту проблему?

Что же означают эти странствия Человека-Путника в начале третьего тысячелетия? Как известно, неклассическая философская антропология (начиная с М. Шелера) ставит вопрос о неопределенности человека и о том, как можно мыслить эту неопределенность. При этом она исходит из того, что человек есть «полное», «незавершенное» существо, у человека нет сущности, нет «что». В этом плане возникает двойственность: человек предстает и как результат собственного полагания (планирования, «делания», искания), и одновременно он застаёт себя как уже нечто положенное, готовое⁴⁰⁷.

⁴⁰⁶ Русакова О.Ф., Русаков В.М. Дискурс постправды как медиатехнология политики постпамяти // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2019. № 2 (35). С. 10–27.

⁴⁰⁷ «Для неклассической философской антропологии принципиальным является положение о том, что ключ к человеку находится в патологии человека. Идеальным модельным объектом изучения человека являются не обезьяна, не человек в норме, а исключение из нормы. Так, для Фуко и Делеза идеальным модельным объектом является шизофреник, для Ильенкова – слепоглухонемой, для Поршнева – снежный человек, возникающий в результате нервного срыва, перехода через ультрапарадоксальную ситуацию, для Бородея и Гиренка – аутист. В последнем случае ставится под сомнение идея о том, что человек всегда есть некое бытие в мире» (<http://www.lomonosov-fund.ru/enc/ru/>)

«Человек странствующий» в наше время разворачивается в целый спектр вариаций («возможностей») развития и раскрытия. В итоге – образуется «развилка» – точка ветвления вариантов-возможностей («древо решений»). А, следовательно, при нарастании неустойчивости в открытой диссипативной системе, которой является общество, появляется точка «бифуркации», в которой ничтожный факт (аттрактор) может предопределить тот или иной выбор.

Под гигантским спектром вариаций (возможностей) развития и раскрытия понимается сумма практик (а также мысленных конструкций), которые резко переформулируют марселевскую формулу: человек странствует отнюдь не только и не столько в поисках бога или духовности, особенно «высшей духовности», сколько в поисках всевозможных самореализаций. Если в марселевской формуле странничество человека выступало, скорее, высокомерной претензией интеллектуала, мерившего и испытывающего себя мерой высокой духовности, отдававшей аристократизмом духа (поскольку слишком наглядна и куда более убедительна была как раз иная противоположная тенденция к бездуховности, омассовлению и атомизации индивидов, переживающих одиночество в толпе), то теперь формула странничества стала приложима, скорее, к тем, кто культивирует духоводительские практики или, по крайней мере, размышляет над этим. Что же касается массового человека и массового общества, то ему были уготованы различные эрзацы и симулякры, в том числе, избавлявшие его от непосильных странствий души в поисках себя.

Более того, социально-манипулятивные технологии наработали массу практик компенсаторного характера, призванных «вылечить» массовое сознание, подспудно испытывающее подозрение, что все-таки вопросы о смысле бытия и природе человека (Что значит быть человеком, быть собой?) не совсем бессмысленны и пустопорожни.

Во-первых, в условиях развития массовой культуры – это перелицовка традиционного религиозно-мифологического сознания, заставляла реальность поворачиваться лицом к человеку, отвечать на повседневные вопросы. Даже консервативное католичество, хотя и не без строгих окриков в адрес всевозможных «диссидентов», державших скрещивать томизм с экзистенциализмом, психоанализом

encyclopedia:01409:article).

или того пуще – с марксизмом! – модифицировало свой дискурс социальности и повседневности. Тем более это касается протестантизма и сектантства. Дело пришло в столь заметное движение, что традиционные конфессии заговорили о том, что общество захлестнул вал «тоталитарных сект».

Во-вторых, после эпохи господства «самого главного из искусств» – кино – этой фабрики грез, сыгравшей огромную роль в появлении схематизмов формирования нового человека («Путевка в жизнь», «Повесть о настоящем человеке», «Американская мечта» и т.п.) – наступил век телевидения. Придя в каждый дом, телевидение, спустя незначительное время, дополнилось экраном компьютера, сетями Интернета, которые в итоге «переварили» все виды и жанры масскульта, доводя их действие до немыслимой прежде степени эффективного воздействия на массовое сознание. Фильмы, реклама, комиксы, игры, социальные сети мощно принялись пожирать свободное время человека – это пространство развития его сущностных сил, одаривая его различными иллюзиями. При этом, немаловажное значение отводится тому, чтобы индивид мог добровольно принимать навязываемые ему рекламные слоганы самоидентификации («Ты этого достойна!») в процессе тотального энтертейнмента и тотального потребления.

Реакцией на подобного рода тектонические сдвиги выступают поиски понимания того, что, собственно, представляет собой человек, и вступил ли он в некую новую стадию постчеловека?⁴⁰⁸

Отдельно следует сказать о социально-политических практиках, призванных формировать новый дискурс, в рамках которого были бы существенно девальвированы, если не опровергнуты, любые претензии людей на обретение чего-либо устойчивого, прочного – идеалов, смыслов, ценностей, убеждений.

Все эти процессы получили самое разнообразное выражение в антропоцентрическом жанре травелога, повествующем о всяческих скитаниях и странствиях человека и человечества⁴⁰⁹.

⁴⁰⁸ Nick Bostrom. A History of Transhumanist Thought // Oxford University Journal of Evolution and Technology – Vol. 14, Issue 1, April 2005. URL: <http://jetpress.org/volume14/bostrom.html>.

⁴⁰⁹ См.: Grof S., The Ultimate Journey. Consciousness and the Mystery of Death. Sarasota, FL.: MAPS Publications, 2006. 360 pp.

Развитие философско-антропологической проблематики в конце XX-го столетия пополнилось парадигмой мобильности. Через призму мобильного подхода человечество стало рассматриваться как находящееся в постоянном движении коллективное тело⁴¹⁰. Огромные миграционные потоки людей, ищущих лучшей жизни (а то и просто – жизни!), фундаментальные изменения в образе жизни человека, связанные с ускорением его динамики, превращают человеческое существование в лихорадочную гонку, которая сопровождается словами-заклинаниями: «реформирование», «модернизация», «инновация», «цифровизация».

Но процесс этот, как известно, двойственный. Травелог, с одной стороны, выражает широчайший спектр всевозможных движений души и тела человека, но он же, с другой стороны, формирует и задает их. Анализ антропоцентрического подхода к травелогу показывает нам, каким образом он способен мощно формировать «практики себя» – от погружения в завораживающий мир «дальних странствий» до скитаний души в поисках новых ценностей и смыслов⁴¹¹.

Рассматриваемый в кратологическом аспекте антропоцентрический травелога демонстрирует определенные властно-распорядительные функции предписывания человеку соблюдение «современного» (т.е. мобильного!) образа

⁴¹⁰ Одним из первых проблему «текучести» и систематической изменчивости – как важнейшего признака современного общества – поднял З. Бауман («Используя метафору «текучая современность», автор фиксирует переход от мира плотного, структурированного, обремененного целой сетью социальных условий и обязательств к миру пластичному, текучему, свободному от заборов, барьеров, границ. Данный переход, утверждает он, повлек за собой глубокие изменения во всех сферах человеческой жизни. Это новое состояние с большим трудом поддается представлению в терминах «информационное общество», «сетевое общество», «глобализация», «постмодерн» (см.: З. Бауман. Текучая современность. Спб.: Питер, 2004. 240 с.)

⁴¹¹ Характерное выражение современного исследователя, создающего травелог нового типа: «В этой книге я пытаюсь суммировать философский и духовный опыт моего сорокалетнего личного и профессионального пути, включающего исследование неизведанных границ человеческой психики. Это было сложное и нелегкое странствие, порой весьма спорное, и в одиночку я бы в него не отправился» (Гроф Ст. Космическая игра / пер. с англ. Ольги Цветковой. М.: Изд-во АСТ, 1994. 256 с. С. 3).

жизни посредством активного использования разнообразных коммуникативных каналов и мобильных средств.

Институциональный подход к антропоцентрическому травелогу заставляет задуматься о существовании целой системы государственных и иных структур, которая приводит в движение и мобилизует большие массы людей, а также отдельных персон с целью достижения ими поставленных целей посредством передвижения во времени-пространстве⁴¹², и заставляют их «разговаривать» об этом – от маловразумительного «блогобормотания» до сложновыстраиваемых трактатов о причудливых странствиях и путешествиях («шоп-туры», «гурман-туры», «автостопом по европам», экстремальный, экзистенциальный, экзотический космический и паломнический туризм, дауншифтинг и т. п.).

Одним из наиболее впечатляющих примеров создания психологической модели антропоцентрического травелога – т. е. повествования души о своих поисках ценностей и смыслов, причем в их предельном измерении: жизни и смерти, – явилось творчество Ст. Грофа, основоположника «трансперсональной психологии» и изобретателя техники «холотропного дыхания»⁴¹³.

В предисловии к книге Грофа «Величайшее путешествие», Х. Смит отмечает: «Ключевой для этой, последней на данный момент, книги Грофа из всего гигантского объема информации является мысль о том, что опыт смерти и возрождения – «величайшее путешествие» (курсив наш. – В. Р., О. Р), которое ждет каждого из нас – и является средством исцеления. Этот вывод стоит того, чтобы читатель остановился на секунду и задумался, потому что следствия из него колоссальные. Если бы мы могли хотя бы на уровне интеллекта – познания, разума – поверить в то, что за смертью действительно следует новое рождение, мы сделали бы огромный шаг к тому, чтобы исцелить не что-нибудь, а нашу собственную жизнь. Потому что главная болезнь жизни – это страх. Как говорил Карл Юнг, у него не было ни одного пациента

⁴¹² Tim Cresswell. *On The Move. Mobility in the modern Western World*. Rutledge, N.Y., 2006; John Urry. *Mobilities*. Cambridge: Polity Press, 2007.

⁴¹³ Stanislav Grof, *The Ultimate Journey. Consciousness and the Mystery of Death* (Рус. перевод). Издательство Ганга, 2007. Оформление ООО Издательство АСТ, 2007.

старше сорока, корни проблемы которого не крылись бы в его страхе перед приближающейся смертью»⁴¹⁴.

Сам С. Гроф указывает на опыт как основание своего травелога: «Идеи и концепции, изложенные в этой книге, основаны на наблюдениях и опыте, полученных мною на протяжении более чем полувековых исследований в области измененных состояний сознания. Эти исследования были не только интересны с точки зрения научного изучения человеческой психики – они стали своего рода *увлекательным путешествием (курсив наш. – О. Р., В. Р.)* по пути самосознания и личностного преобразования».

Рядовое путешествие (переезд в США из ЧССР в 1968 г.) вылилось в Путь (Судьба, Жизненный Путь), став «поворотным пунктом». Важную роль, как и положено жанру травелога, сыграл Проводник: «Рам Дасс – образец духовного искателя – делился с нами своим глубоко личностным опытом в отношении того, что может обещать человеку такая дорога и какие опасности могут его подстергать на ней», «Свами Парамаханса Муктананда, основатель линии преемственности сиддха-йоги, оказал мне и моей жене Кристине неоценимую помощь на нашем духовном пути»⁴¹⁵.

Основополагающие идеи С. Гроф излагает следующим образом: *Смерть как переход в другие реальности*⁴¹⁶. Практически во всех эсхатологических мифах душа умершего переживает сложные приключения сознания. Посмертное путешествие души иногда описывается, то как перемещение среди фантастических пейзажей, несколько напоминающих земные, то как встречи с рядом архетипических существ, то как движение сквозь череду необычных состояний сознания. Таким образом, в доиндустриальных обществах, казалось, признавалось, что смерть является не последним поражением и всеобщим концом, а важным переходом. Опыт, связанный со смертью, рассматривался как посещение важных измерений действительности, которые заслуживали переживания, изучения и тщательного «картографирования»⁴¹⁷. Гроф ссылается на зафиксированные многими исследователями так называемые *практики шаманизма*, прямо связанные с пред-

⁴¹⁴ Там же. С. 10.

⁴¹⁵ Там же. С. 11.

⁴¹⁶ Там же. С. 12.

⁴¹⁷ Там же. С. 13.

ставлениями о Пути. «Путь множества шаманов начинается с так называемой «шаманской болезни» – выделяет исходный пункт Гроф, – спонтанно переживаемого кризиса инициации, включающего в себя визионерское путешествие в подземный мир, переживание психологической смерти и возрождения, а также восхождения в небесные, вышние пределы. Познание сферы смерти, обретенное во время этой трансформации, даёт шаману возможность свободно переноситься из одного мира в другой и использовать подобные путешествия для лечения и для более глубокого постижения. Шаманы и шаманки могут также способствовать осуществлению подобных путешествий другими»⁴¹⁸.

Другим контекстом, позволяющим обрести опыт умирания, являются описываемые антропологами *ритуалы перехода*. Эти сложные ритуалы, соблюдаемые в туземных культурах во время важных физиологических и социальных переходов, таких как рождение, обрезание, наступление половой зрелости, женитьба, умирание и др.⁴¹⁹

Кроме того, тесно связаны с *ритуалами перехода* древние мистерии смерти и возрождения, сложные священные и тайные обряды, «при которых также применялись могущественные изменяющие сознание психотехники»⁴²⁰, – другими словами, описание того, что душа может встретить после смерти биологической оболочки во время посмертных странствий. Будущие шаманы при посвящении в своих видениях обычно совершают путешествие в подземный мир, в царство мёртвых⁴²¹. По пути в царство мёртвых шаманам приходится преодолевать ледяные ветры, пылающие леса, бурные реки и потоки крови. Подземный мир – опасное и страшное место⁴²².

⁴¹⁸ Там же.

⁴¹⁹ Гроф С.: «...ритуал, вызывающий крайнее физическое страдание и боль, даже членовредительство. Этот пример показывает, насколько высоко в некоторых культурах ценится обретаемый таким путём трансформирующий опыт и до каких крайностей могут доходить в погоне за его обретением» (Гроф Станислав. Величайшее путешествие. Сознание и тайна смерти. Издательство «Ганга», 2015. 560 с. С. 26).

⁴²⁰ Там же. С. 14.

⁴²¹ Там же. С. 20.

⁴²² Там же.

Пережив смерть, расчленение и полное уничтожение, шаман испытывает новое рождение. Он получает новую плоть, новую кровь, новые глаза и возносится в небесные пределы, в верхний мир. Наиболее распространённый способ этого вознесения – подъём по *Мировому Древу*, соединяющему собой все три мира и питаемом изначальной живой водой, совершающей круговорот в природе⁴²³. Иными архетипическими способами вознесения становятся путь *по радуге, мосту* из стрел, восхождение на священную гору или на шест с девятью зарубками. «От Лапландии до Патагонии, с древних времён до наших дней архетипы, активируемые во время шаманских испытаний и экзальтированных состояний, поразительно похожи. Во время нисхождения в подземный мир, смерти и возрождения, а затем восхождения в небесные пределы будущие шаманы осознают своё солнечное естество – конкретизирует свою картину С. Гроф⁴²⁴. По его мнению, понемногу область смерти стала восприниматься как познаваемая, а сама смерть – как ритуал перехода в духовную форму бытия.

Мирча Элиаде называл шаманизм «архаичной техникой экстаза» (Eliade, 1964). Однако значение термина «экстаз» здесь отличается от привычного: его следует понимать в изначальном древнегреческом варианте как выход из себя (ekstasis), как шаг за пределы собственного «я»⁴²⁵.

⁴²³ Там же.

⁴²⁴ Там же. С. 20–21.

⁴²⁵ Примечательно, что такие экзотические состояния или процессы – как «выходение из себя» – артикулируются именно как «вы-ход»: опять-таки весьма опасное путешествие и даже – приключение с высоким риском «невозвращения» («Экстаз типа шаманского, как мы уже отметили, был зафиксирован в эпоху палеолита. Это говорит, во-первых, о вере в существование «души», способной покинуть тело и свободно путешествовать по миру, а во-вторых, в то, что во время этого путешествия душа может встретить сверхъестественные существа и попросить их о помощи или о благословении. Шаманский экстаз включает в себя и «одержимость», т.е. способность входить в тела других людей или впускать в себя душу умершего, какой-либо дух или божество» (Мирча Элиаде. История веры и религиозных идей. Т. 1. От каменного века до элевсинских мистерий. М.: Критерион, 2002. С. 28)).

Следующим важным примером общественных установлений, предоставлявших в древних цивилизациях и туземных культурах возможность через переживание подготовиться к смерти, являются ритуалы, связанные с переходом из одной социальной группы в другую. Ритуалы перехода выполняются во время критических изменений в жизни индивидуума или культуры. Их проведение зачастую соответствует важной физиологической трансформации – родам, беременности, наступлению половой зрелости, вступлению в брак, началу менопаузы, умиранию. Это стадии в жизни посвящаемых, когда их тело, душа, социальный статус и священная роль претерпевают значительные изменения. Похожие ритуалы связаны с посвящением в воины, вступлением в тайное общество, с календарными праздниками обновления, переселением групп людей на новое место жительства. В западной индустриальной цивилизации время главных переходов с одной жизненной стадии на другую обычно оценивается негативно⁴²⁶.

Термин *«ритуалы перехода»* был введён в научный обиход голландским антропологом А. ван Геннепом, автором первого научного труда на эту тему, впервые признавшего их важность и повсеместное распространение⁴²⁷. Церемонии подобного рода существовали во всех известных туземных культурах и соблюдаются по сию пору во многих доиндустриальных обществах: *«во всех изучавшихся им культурах ритуалы такого рода разворачивались по одному типу, делясь на три стадии: отделение, переход и объединение. На первой из них, при отделении, посвящаемых изымают из общественного окружения – семьи, клана или племени. На протяжении следующего за этим периода изоляции они могут оставаться либо полностью в одиночестве, либо в группе сверстников. Утрата знакомой почвы под ногами и отсутствие замены привычному приводит к некоему неопределённому пороговому состоянию, которое антропологи называют «промежуточным». Типичной реакцией, переживаемой испытуемыми, становится сильная печаль из-за утраты привычного образа жизни. Может также возникать*

⁴²⁶ Гроф Станислав. Там же. С. 24–25.

⁴²⁷ Геннеп А. ван. Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов / пер. с франц. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1999. 198 с. С. 64–107.

страх от лишения опоры, перед неведомым, которое ожидает впереди. Возникающая ситуация весьма похожа на духовный кризис, когда знакомая реальность по чужой воле замещается ситуациями, требующими немедленной духовной перестройки. Однако, *когда инициация происходит в составе группы при ритуале перехода в племени, пугающий период отделения имеет и положительную сторону*. В результате у новообращённых обычно формируется глубокое чувство привязанности и единства друг с другом»⁴²⁸.

Во время второй стадии, названной ван Геннепом переходом, неофиты продвигаются от преимущественно умственного постижения к непосредственному глубокому переживанию холотропных состояний сознания, которые вызываются мощными способами воздействия на сознание, «священными методами». К ним относятся различные ритмичные действия с использованием барабанов, бубнов и прочих ударных инструментов, музыки, пения, ритмических танцевальных движений, специальное изменение ритма дыхания, и культивация особых форм осознания окружающего. Длительная социальная и сенсорная изоляция – пребывание в пещере, пустыне, на льду в условиях Арктики, высоко в горах – играют важную роль в достижении испытываемым холотропного состояния. Ценность подобных состояний для различных групп людей была весьма велика, что отражается в тех чрезвычайных способах физиологического воздействия, к которым прибегали ради того, чтобы ввести посвящаемых в них: от длительного лишения сна, воды, пищи до применения сильнейших слабительных средств, кровопускания и причинения сильнейшей боли.

К наиболее действенным и сильным методам относится применение *психоделических веществ растительного происхождения*. Традиции их использования в духовных и ритуальных практиках насчитывают тысячи лет. Легендарный священный напиток, именуемый в древнеперсидской *Зенд Авесте хаома*, а в Индии *сома*, использовался индоиранскими племенами на протяжении нескольких тысяч лет и, вероятнее всего, послужил важнейшим источником ведической религии и философии. Препараты разновидностей конопли употреблялись для курения и внутрь в странах Востока, в Африке и Карибском регионе под различными названиями (гашиш,

⁴²⁸ Гроф Станислав. Там же. С. 24–25.

бханг, ганджа, киф, марихуана) как для расслабления, получения удовольствия, так и в религиозных церемониях. Они являли собой важное таинство для столь различных групп как брахманы, приверженцы ряда направлений суфизма, древние скифы и растафарианцы на Ямайке⁴²⁹.

В контексте проводимых обрядов данный опыт интерпретируется как смерть в предыдущей роли и рождение для следующей. К примеру, из девочек и мальчиков при обряде инициации посвящаемые превращаются во взрослых мужчин и женщин, с правами и обязанностями, сопровождающими данный статус⁴³⁰.

С. Гроф специально подчеркивает: «Недавно прошедшие инициацию значительно отличаются от себя же до момента начала обряда. Пережив глубокое духовно-психическое *преображение*, они обретают личную связь с мистическим измерением существования, значительно расширившийся взгляд на мир, лучшее понимание себя и иную систему ценностей. Столкнувшись с убедительным опытом собственного уничтожения и пережив его, они превосходят отождествление исключительно со своим телом и эго, утрачивают страх перед смертью и обретают новое отношение к жизни»⁴³¹.

Уход из жизни, смерть – рассматриваются как переход, посмертные странствия души. «Внутренние переживания испытуемых в этих обрядах включают специфическую смесь тем, связанных с рождением, сексом и смертью, причём та же триада характеризует опыт, связанный с повторным переживанием последней стадии своего рождения»⁴³² – вновь и вновь отмечает Гроф, прежде чем перейти к своей собственной концепции. Здесь он вступает в область симпатичных его сердцу мифологических воззрений, делая шаг от наукоучения (он до сих пор все-таки стремился придерживаться научной методологии исследования!) – к вероучению. В последующем он много раз будет возвращаться к этим тезисам: «Согласно западной нейрофизиологии, сознание есть сопутствующий признак материи, продукт физиологических

⁴²⁹ Там же. С. 25.

⁴³⁰ А. ван Геннеп: «...обряды отделения от бесполого мира, за которыми следуют обряды включения в мир, разделенный по признаку пола» (Там же. С. 66).

⁴³¹ Гроф Станислав. Там же. С. 26.

⁴³² Там же. С. 28.

процессов мозга, и таким образом чрезвычайно зависимо от тела. Смерть тела, вернее – мозга считается абсолютным концом всех форм деятельности сознания. Вера в жизнь после смерти, посмертное путешествие души, потусторонние пределы и пристанища, в перевоплощение относится к области сказочных преданий или же помещаются в описание историй болезни в учебниках психиатрии. Ее рассматривают как стремление примитивных или простодушных людей, неспособных принять непреложный биологический императив смерти, выдать желаемое за действительное. Однако такой подход искажает всю духовную и сакральную и ритуальную историю человечества»⁴³³.

В доказательство своего тезиса он хватается за методологически и методически беспомощную формулу: «Очень небольшое количество людей, включая почти всех учёных, осознаёт, что у нас нет абсолютно никаких доказательств, что сознание на самом деле является продуктом деятельности мозга»⁴³⁴. И это – банальность уже для XIX века, когда был сделан вывод, что человек мыслит не мозгом, а «при помощи мозга»!

Интересно отметить в этой связи мнение Арнольда ван Геннепа, Виктора Тёрнера, Маргарет Мид, Мирчи Элиаде и других выдающихся антропологов, считавших ритуалы перехода обрядами, несущими исключительно важную функцию для гармоничного существования и связности общества изучавшихся ими культур. С. Гроф предпринимает попытку использовать эвристический потенциал данной гипотезы: «Вполне возможно, что отсутствие значимых ритуалов перехода может способствовать развитию разнообразных форм психопатологии, которые мы наблюдаем в современном обществе» и далее – «Интересно было бы исследовать вопрос, в какой мере удалось бы компенсировать рост сексуальных эксцессов, преступности, злоупотребления алкоголем и наркотиками среди подростков в промышленно развитых странах значимыми ритуалами перехода для этой возрастной группы (Mead 1973; Mahdi, Foster, and Little 1987; Mahdi, Christopher, and Meade, 1996)»⁴³⁵.

⁴³³ Там же. С. 15.

⁴³⁴ Там же. С. 16.

⁴³⁵ Там же. С. 29.

С. Гроф не мог не заметить, что в работах К.-Г. Юнга и Дж. Кемпбелла было выдвинуто иное понимание мифологии: «Согласно представлениям, этих двух конструктивно мыслящих исследователей, мифы отнюдь не вымышленные истории о приключениях воображаемых героев в несуществующих странах и, значит, не произвольный плод фантазии своих творцов. Они возникают в коллективном бессознательном человечества и представляются проявлением изначальных принципов, душевной и космической организации, которые Юнг называл архетипами»⁴³⁶.

Архетипы – вневременные сущности, космические организующие принципы, способные также проявляться в виде мифических персонажей или божеств различных культур. Они выражают себя через глубинные духовные процессы, но возникают не в сознании человека и не являются его продуктом. Они суперположены душе индивидуума и действуют в качестве её руководящих принципов. Согласно поздним работам К. Юнга, архетипы – «психоидны» по природе, они оперируют в сумеречной зоне между сознанием и материей. Они обуславливают не только протекание психических процессов у человека, но также и те, которые происходят в окружающем физическом мире и человеческой истории⁴³⁷. Например, мощный универсальный архетип *Великой Богини-Матери* обретает в различных культурах облик местных материнских божеств – Исиды, Девы Марии, Кибелы или Кали. Сходным образом, концепция небес, рая и ада отмечается во многих культурах мира, но конкретные формы этих архетипических областей будут меняться. То же относится и к «вечным темам», таким как злая мачеха, возвращение блудного сына или смерть и возрождение богов и героев⁴³⁸.

Архетипические переходы, будучи первоначально «выражены» в обряде, в структурах и процедурах ритуальных действий, обретают в дальнейшем *вербальную* оболочку (проговариваются), превращаясь в древнюю форму травелога. Проанализировав широкий спектр мифов из различных частей света, Кемпбелл обнаружил, что «все они, казалось, содержат вариации некоей универсальной архетипической формулы, названной им «мономифом». Это было повество-

⁴³⁶ Там же. С. 30.

⁴³⁷ Там же. С. 31.

⁴³⁸ Там же.

вание о герое или героине, которые покидали свои родные края и, пережив фантастические приключения, возвращались домой обожествлёнными. Кемпбелл установил, что архетип путешествия героя обычно содержит три стадии, похожие на те, которые были описаны выше применительно к традиционным обрядам перехода: отделение, инициация и возвращение. Герой покидает знакомую территорию или насильно изгоняется внешними силами, преобразуется, переживая ряд чрезвычайных испытаний и приключений, и, наконец, снова включается в жизнь своего общества в новой для себя роли»⁴³⁹.

Типичный миф героического путешествия начинается в тот момент, когда обычное течение жизни героя внезапно нарушается вторжением сил, магических по природе и принадлежащих к иному порядку реальности. Кемпбелл называет такое приглашение к приключениям «зовом». Если герой или героиня откликаются на него и принимают вызов, они пускаются в приключения, посещая неведомые земли, встречаясь с фантастическими животными и существами, обладающими сверхчеловеческими возможностями, проходя многочисленные испытания. Кульминацию приключений зачастую составляет переживание смерти и последующего возрождения. После успешного завершения странствий герой возвращается на родину, где живёт долго и счастливо в виде обожествлённого существа – мирского правителя, целителя, провидца или духовного учителя. Говоря словами Кемпбелла, основную формулу странствия можно свести к следующему: «Герой отправляется из обычного мира в чудесные края, там сталкивается с волшебными силами и одерживает решительную победу, а затем возвращается из этого таинственного приключения, обретя силу благодетельствовать своих соотечественников»⁴⁴⁰.

Архетипичность травелога укоренена в «мономифе» (по Кемпбеллу), который, в свою очередь, укоренен в универсальной (общечеловеческой) схеме кризиса и преобразования в процессе превращения особи в человека, индивида в личность. Эта схема включает триаду – «отделение», «инициацию», «возвращение». Начинается отделение с появления (осознания) «вызова». Что-то «толкает» («торкает»)

⁴³⁹ Там же.

⁴⁴⁰ Там же. С. 31–32.

индивида – он получает «зов». Л. Гумилев называл это «пассионарностью» и тоже не мог объяснить ее происхождение: она относится к какой-то иной реальности (бессознательной, коллективной бессознательной). Архетипичность в универсальности схематизма и в универсальности его триадической структуры, в которую в качестве обязательного элемента включается переживание «рождения-смерти» (или «смерти-рождения»), по принципу: «расставанье – это маленькая смерть». Герой умирает для окружающих его родственников и соплеменников, уходя в поход, отправляясь в Путь. Но он же рождается вновь, уже как настоящий Герой-Путник, победивший Путь – даже если он физически умирает, погибает (все Герои войн и походов обретают новую жизнь – в памяти, памятниках (устных, литературных, скульптурных, топонимах и т.п.). Такая архетипическая структура способна «воплощаться» (наполняться) различным содержанием – материалом: героические деяния полубогов-полулюдей, жизненный путь выдающихся людей, жизненная драма каждого человека, в течение своей жизни неизбежно переживающего целый ряд кризисов – «кризисов возраста». В процессе разрешения кризиса производится смена смысложизненного ориентирования человека (даже если это «просто» – корректировка).

В процессе совершения Пути Путник проходит Инициацию-преображение, приобщение к некоторому качественно новому Опыту жизни, смысложизненного ориентирования и способа продвижения по жизни. Архетипичность такого преобразования-инициации в том, что она свойственна всем племенем, всем примитивным группам и ее отголоски в виде всевозможных «посвящений» мы находим повсюду: от юношеских инициаций в племенах, до посвящения в «солдаты» (в казарме), «зэки» (в тюрьмах), «сотрудники» (в начале трудового пути – «проставление» и т.п., совместное поедание сакральной пищи (и напитков силы).), посвящение в студенты. Фактически, поминальный банкет тоже означает обряд инициации (преображения) – только теперь индивид начинает жить в коллективной памяти, большей или, по меньшей мере, воплощенной в документах, архивах, памятниках, рассказах, свидетельствах очевидцев и т.п.

Поэтому архетипичные концепты – Вызов (Зов, родовые схватки), Отделение от органического целого (Разрыв, разрыв пуповины), выход на дорогу, отправление в Путь (превращение в Путника), Исчезновение за горизонтом и др. – для

всех соплеменников Путника – означает его фактическую Смерть. Путник борется с Путем, пытаясь одолеть его, потому что Путь – это Испытание, испытание Путника «на излом». В Пути Путник попадает в Приключения и совершает Подвиги, т.е. преодолевает трудности, себя, своих прежних свойств. Здесь очень важен момент Выбора, Решения (выступает Дерево решений – архетип жизни-смерти), поскольку Герой (Путник) находится между жизнью-смертью как физически (опасности), так и духовно (остаться таким, каким был или сделаться иным). Путник в ипостаси Героя – он и человек смертный, «тварь дрожащая», он и обретающий некие необыкновенные свойства – не обязательно сверхестественно-божественные, но сверхобычночеловеческие, например, – способность пожертвовать жизнью (во имя цели, идеи, другого человека и т.п.). Тогда Преображение = Смерти в физическом смысле. Но и в духовном – тоже: Путник-Герой побеждает Путь-Испытание-Приключение своим Подвигом. Но Герой неизбежно «умирает» потому что Путь заканчивается, и мы уже имеем дело, если он возвращается – с преобразенным Путником. Если же Путь побеждает Героя, то тогда: а) он «вечный Жид», «беглец», «бродяга» – преобразования не происходит; б) он погибает под тяжестью Испытаний, но с неизвестным итогом = он «пропадает без вести». Тогда путник становится «без вести пропавшим», в отношении которого (как в некрологах) – презумпция благорасположения: либо хорошо, либо ничего. Но это – не схематизм, не Путь для подражания. Путник, прошедший преобразование – физически или спиритуально – становится Героем сказаний, легенд, рассказов, свидетельств очевидцев и т.п.

Отчего тема странствий героя вызывала и продолжает вызывать отклик у людей самых разных культур, отличающихся друг от друга во всех прочих отношениях? И ответ, который С. Гроф нашёл, обладает простотой и неумолимой логичностью истинного прозрения – мономиф странствий героя является схемой кризиса преобразования, испытать который способен каждый, когда глубинные проявления бессознательного поднимаются на поверхность сознания. Путешествие героя описывает ту территорию опыта, которую человеку приходится преодолеть, когда это происходит⁴⁴¹.

⁴⁴¹ Гроф С. Там же. С. 32.

К самым древним повествованиям о смерти и возрождении относятся шумерский миф о богине Инанне и её нисхождении в подземный мир, а также египетский миф о смерти, расчленении и воскрешении Осириса. Вклад древнегреческой мифологии в данную тему составляют истории похищения богини Персефоны в подземный мир, расчленения и возрождения Диониса, а также пережитые Аттисом, Адонисом и Орфеем встречи со смертью. К той же категории относятся приключения в подземном мире древнегреческих героев Геркулеса, Тезея и Одиссея. Герои-близнецы индейцев майя Хун-Ахпу и Шбаланкве, ацтекский Пернатый Змей Кецалькоатль – наиболее знаменитые примеры мифологических существ из Месоамерики, испытавших смерть и возрождение. В менее очевидном символическом виде тот же мотив иногда обретает форму поглощения и изрыгания наружу ужасающим чудовищем. Примеры здесь самые разнообразные, от библейского Ионы, который провёл три дня и три ночи во чреве «огромной рыбы», до древнегреческого героя Язона и святой Маргариты, проглоченных драконом и нашедшие способ спастись»⁴⁴².

И, как бы соединяя два травелога – повествование о своем жизненном пути и представление жизни человека как «необычайного путешествия» от рождения к смерти, Гроф заключает: «В этой книге я пытаюсь суммировать философский и духовный опыт моего сорокалетнего личного и профессионального пути, включающего исследования неизведанных границ человеческой психики. Это было сложное и нелегкое странствие, порой весьма спорное, и в одиночку я бы в него не отправился»⁴⁴³.

3.7. Художественный и фотодокументальный травелог

Художественный травелог – обыкновенно это цикл работ в изобразительном искусстве – живописи и графике. Перформативность травелога с необходимостью требовала изобразительного воплощения, и такая сторона его существу-

⁴⁴² Гроф С. Там же.

⁴⁴³ Станислав Гроф. Космическая игра / пер. с англ. Ольги Цветковой. М.: Издательство Трансперсонального Института, 1997. 256 с. С. 3.

ет издавна. Различные виды и жанры травелога используют разнообразные средства, которые предоставляют различные виды и жанры изобразительного искусства – графика, живопись, фотография, кино.

Замечательными образцами травелога в изобразительном искусстве являются такие произведения, как серия гравюр К. Хокусая⁴⁴⁴: «36 видов горы Фудзи», «100 видов горы Фудзи», «56 станций о. Хоккайдо»⁴⁴⁵, производящие и сегодня неизгладимое впечатление и оказавшие огромное влияние не только на японское изобразительное искусство, но и на мировое – после того, как мир открыл их для себя. Стремление творческих личностей использовать новейшие изобразительные средства, которые подарил технический прогресс XIX века – фотографию и кинематограф, – нашло воплощение в оригинальных работах, положивших начало целому спектру направлений искусства: художественной и документальной фотографии, документальному кино. Как уже было сказано, родоначальник самого термина «травелог» – Б. Холмс увлекся соединением содержательного информационного рассказа о странствиях и путешествиях уже не просто с путевыми зарисовками (рисунками, набросками), а фотографиями реальных участников и событий.

В XX в. художественно-изобразительные средства воплощения различных видов и жанров травелога стремительно прогрессируют и создают уникальные возможности для изобразительного повествования. Травелог как повествование (а не простое описание!) о некоем путешествии – как перемещении/изменении субъекта (Путника) в пространстве-времени с его реализацией внутренней схемы/сюжета путешествия, как схематизма некоего Пути, в котором органично синтезированы и участники, и путь, и включения/препятствия, и конечная цель всего этого процесса – изначально тяготеет к перформансу, наглядно-зримо представляющему всю эту картину целиком. Отсюда – закономерная потребность в *мобилизации всех изобразительных ресурсов*, а не только вербальных. Учитывая архетипичность концептов и схематизмов травелога – особенно хорошо про-

⁴⁴⁴ Хокусай, Кацусика (1760–1849). Картины художников. URL: <https://www.5arts.info/hokusai-katsushika-1760-1849/>.

⁴⁴⁵ Воронова Б. Г. Кацусика Хокусай. Графика. М.: Искусство, 1975; Lane Richard. Hokusai: Life and Work. E. P. Dutton, 1989.

сматриваемую в прото-травелогe, в мифологических сказаниях (мифах) о странствиях и подвигах Героев, – в этих продуктах творческого освоения мира человеком наглядная чувственно-образная (а не только вербальная) сторона внутренне первородна.

Вопрос заключался, главным образом, в выборе изобразительных средств, которые бы наилучшим образом обеспечивали воплощение травелога – не только вербальными, но и пластическими средствами (танец, пантомима, представление («живые картины»), графика).

Уже древнеегипетские петроглифы не только повествовали о странствиях и приключениях (походы, битвы) с помощью иероглифического письма, но и активнейше использовали художественно-образные средства: рисунки, барельефы.

В процессе развития таких художественно-образных средств как графика, живопись, скульптура, а в последующем – фотографии и кино, – расширялись возможности раскрытия самых мощных и глубоких пластов строения и воздействия травелога.

Понятно, что долгое время в истории культуры существовали только художественно-графические средства чувственного наглядно-образного освоения мира человеком. В силу этого различные виды и жанры травелога «для лучшей наглядности» и выразительности использовали именно эти средства, а в сами путешествия (экспедиции, походы) брались художники. В Новое время формируется практика организации регулярных (организованных) экспедиций, в состав которых включаются также художники, в задачу которых входит построение чувственного, наглядно-художественно-образного аспекта травелога: отчеты экспедиций сопровождаются вначале зарисовками, а потом – и зрелыми работами мастеров-живописцев: «Кроме самой важной составляющей любой экспедиции – научной работы по описанию и исследованию изучаемого материала важно было этот материал зарисовать, т.е. визуализировать. Из технических, вспомогательных приспособлений для фиксации ландшафтного изображения у картографов научных и военных экспедиций был только теодолит и чертежные инструменты и, поэтому, роль создателей визуальных документов выполняли художники. Наличие научного текста дополнилось визуальной картиной исследования, что придавало экспедиционным материалам

собственный язык, являвшийся важной составляющей научного отчета. Визуальный язык научных и событийных зарисовок, не переключаемый или переключаемый на язык сухих фактов и описаний был образным и нес большую смысловую информацию»⁴⁴⁶.

В функции экспедиционных художников, в их должностные обязанности входило: «зарисовывать ландшафты исследуемой территории, выполнять подробные рисунки растительного и животного мира экспедиционного района, портретировать внешний облик, этнические черты населения, изучаемых географических пунктов, стран, континентов. Это была обязательная визуальная часть документирования материалов научных экспедиций. Помимо зарисовок батальи и военного быта, эти же задачи ставились перед художниками, участвовавшими в военных походах»⁴⁴⁷.

Говоря о деятельности художников, принимавших участие в научных и военных экспедициях, выделяют «несколько перспективных направлений для изучения их вклада в создание визуальных документов своей эпохи:

1. Военно-топографическая съемка местности и картографическая деятельность.
2. Пейзажная фиксация ландшафтных видов.
3. Изучение архитектуры региона, её утилитарности и эстетической составляющей.
4. Этнографический обзор, портретные зарисовки национальных черт коренного населения того или иного региона, национального костюма, зарисовки и копирование предметов быта.
5. Повествовательный рассказ о каждой экспедиции, о её событийных особенностях.
6. Просветительская миссия, заключающаяся в изданиях альбомов этюдов и зарисовок по материалам

⁴⁴⁶ Швец Э.Г. Визуальные документы научных и военных экспедиций: жанровая принадлежность и стилистические особенности произведений на примере работ русских художников конца XVIII – первой пол. XIX вв. // Таврический научный обозреватель. 2016. № 7(12). С. 77–84. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vizualnye-dokumenty-nauchnyh-i-voennyh-ekspeditsiy-zhanrovaya-prinadlezhnost-i-stilisticheskie-osobennosti-proizvedeniy-na-primere>.

⁴⁴⁷ Там же.

экспедиций. Издание открыток с использованием экспедиционных пейзажных зарисовок»⁴⁴⁸.

Замечательные примеры творчества и научного вклада художников-членов различных экспедиций исследуются сегодня (происхождения Пьер-Жозеф Редуте, Мария Сибилла Мериан, Иоганн Христиан Буксбаум, Иоганн Гмелин, Самуил Готлиб Гмелин)⁴⁴⁹.

Однако отечественные издания, созданные в этом жанре, значительно уступали в художественном отношении западным аналогам печатного искусства, которые к середине XVIII в. обрели устойчивую типологию. Папки с эстампами, объединенными единой тематикой, большеформатные и миниатюрные книги, а также роскошные альбомы «живописных путешествий» («*voyage pittoresque*») – все это свидетельствовало о высоких достижениях европейской книжной культуры и графики⁴⁵⁰. И все же немалый вклад в развитие жанра «художественного путешествия» внесли русские художники⁴⁵¹.

Различные виды и жанры травелога используют разнообразные средства, которые предоставляют различные виды и жанры изобразительного искусства⁴⁵².

⁴⁴⁸ Там же.

⁴⁴⁹ <https://naked-science.ru/article/column/rafael-tsvetov-bottichelli-i-linnej-zachem-risovali-botaniki>.

⁴⁵⁰ А.А. Безгубова. Отечественные издания «живописных путешествий» конца XVIII – первой половины XIX в. как пример эстетики «*pittoresque*» // Проблемы истории, филологии, культуры. 2014. С. 344–355. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otechestvennyye-izdaniya-zhivopisnyh-puteshestviy-kontsa-xviii-pervoy-poloviny-xix-v-kak-primer-estetiki-pittoresque>.

⁴⁵¹ Крылова Маргарита. Русские художники-путешественники // Журнал «Третьяковская галерея». 2010. № 2(27). URL: <https://www.tg-m.ru/articles/2-2010-27/russkie-khudozhniki-puteshestvenniki>.

⁴⁵² «ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫЕ ИСКУССТВА, раздел пластических искусств, в котором изображения представлены на плоскости и в пространстве. К И. и. относятся живопись, скульптура, графика, фотоискусство. Некоторые качества изобразительности присущи также архитектуре, декоративно-прикладному искусству, театрально-декорационному искусству и дизайну; И. и. нередко сочетаются с др. видами иск-ва (см. Синтез искусств). Опирируя визуальными знаками разл. типов (иконич. знаки, символы, аллегории и т.п.), И. и. могут как воссоздавать наблюдаемую действительность, так и выражать субъективные

«В английской традиции «живописных путешествий», – отмечает А.А. Безгубова, – литературный текст шел всегда в сопровождении акватинт и офортов, выбор которых осуществлялся самими авторами-художниками. Таковыми стали издания, посвященные видам Британии, Уэльса, Шотландии, Гилпина, Фэрингтона, Сэндбая. Во Франции необычайно популярными стали антиковедческие издания, как, например, «Путешествия по Италии и Сицилии» Сен-Нона, «Живописное путешествие в Грецию» Шуазе-ля-Гуффье, «Живописное путешествие по островам Сицилии, Мальты и Липари» Ж.-П. Хойеля. В отличие от английской практики, французские альбомы ученых и коллекционеров античности издавались с целью непосредственно побудить читателя к изучению дохристианской истории человечества, ранее практически не исследованной. Визуальное сопровождение текста отныне ориентировалось прежде всего на эмоциональный диалог с «адресатом», а само повествование, хотя и было выполнено в соответствии с традициями научных изысканий, сопровождалось поэтическими цитатами. Слово «живописное», все чаще появляющееся на обложках книг, анонсировало преимущественно развлекательный характер изданий, похожих теперь не на энциклопедии, а на альбомы гравюр»⁴⁵³.

При оценке научно-познавательного значения вклада художников анималистов, ботаников, членов научных экспедиций присутствует удивительное сходство: «В современном мире, несмотря на появление фототехники, ботаническая иллюстрация не утратила своей актуальности – фотография не всегда позволяет ученому рассмотреть на растении то, что

переживания, фантазии, умозрительные идеи. К специфичным для И. и. худож. средствам, создающим видимый образ, относятся линия, пятно, светотеневой и цветовой контраст и нюанс, объёмно-пространственные отношения, фактура и текстура; в разл. видах И. и. эти худож. средства применяются в разной степени и в разных соотношениях. И. и. принадлежат к пространственным искусствам; в отличие от временных и пространственно-временных искусств они статичны, однако способны посредством условных приёмов передавать и временные характеристики образа, протяжённость действия, его динамику» (Муратов А.М. ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫЕ ИСКУССТВА // Большая российская энциклопедия. Электронная версия. 2016. URL: https://bigenc.ru/fine_art/text/2002534).

⁴⁵³ А.А. Безгубова. Там же.

ему нужно»⁴⁵⁴, этому вторит другой автор: «Никакая фототехника не заменит собственных глаз и зрительного запечатления строения живого существа»⁴⁵⁵.

Фотодокументальный травелог – повествование посредством *фотоизображения* (фотокартин) о «погружении» в какую-то область человеческой реальности, увиденной и подсмотренной во время путешествия – родная или чужая экзотическая природа, отечественная или зарубежная городская жизнь, мир подростков, вступающих в жизнь после школы, или сфера сексуальности, сфера гастрономических пристрастий, образы эпохи или особенного периода в жизни общества, признаки определенного политического режима и др., – с целью изобразительной репрезентации, познания, раскрытия человеческих смыслов.

Особенности этого вида травелога прежде всего, связаны с появлением специфического средства отображения событий путешествия – фотографии, которая при всех внешних признаках *документальности* (непосредственной фиксации события «здесь и теперь» особыми техническими средствами) очень быстро обнаружила свои субъективно-творческие возможности выражения:

– *неповторимый авторский взгляд* на объект, особый способ его изображения, «подачи» материала, из чего складывается оригинальный личностный стиль фото-мастера;

– необыкновенные, труднодостижимые ранее (в жанрах изобразительного искусства) *возможности величайшей детализации подробностей фиксируемого мгновения* (ранее художник – в рисунке ли, в портрете ли – значительное время затрачивал на процесс изображения, пытаясь сколь угодно детально зафиксировать неповторимые черты своего объекта, теперь создание «картинки» происходит в течение долей секунды, что открывает перед автором *недостижимые ранее возможности как подробной детализации изображаемого объекта, так и фиксации его мельчайших изменений*).

Искусство фотографии открыло гигантский спектр таких изобразительных повествований, при которых *на первый*

⁴⁵⁴ <https://naked-science.ru/article/column/rafael-tsvetov-botticelli-i-linnej-zachem-risovali-botaniki>.

⁴⁵⁵ Головина Екатерина. Фундаментальная наука живописи / Портал «Научная Россия». URL: <https://scientificrussia.ru/articles/fundamentalnaya-nauka-zhivopisi>. Дата публикации: 03.02.2016.

план выходит именно изображение (иконография), а собственно вербализированный текст отступает на второй план (если вообще привлекается, хотя бы в виде названий циклов, обозначений самих «образов», авторства, места и времени создания фото, названия издания, для которого предназначалось это изображение).

Фотография из средства «простой» фиксации своих объектов (что оказалось весьма ценным для жанров научного травелога – отчетов об экспедициях, этапах исследования, начальных и конечных состояний изучаемого объекта) очень быстро превратилась в инструмент выражения авторского видения и отношения к описываемому объекту – т. е. вобрала в себя все свойства, характерные для художественного произведения (вспомним, например, художественные изобразительные циклы, «альбомы»).

Несомненно, и то, что это – травелог, поскольку фотография рассказывает о переживании (приключении) столкновения автора, Путника, с какой-то особенной реальностью или с её отдельной сферой. Это повествование, которое не может не воздействовать на воображение публики⁴⁵⁶.

И, что немаловажно, это именно рассказ, не претендующий на исчерпывающую полноту ни самого повествования, ни свойств своих объектов, поскольку они «взяты», «схвачены» моментальным субъективным взглядом фотохудожника.

Известно, что не только «отцом» термина «травелог», но и родоначальником фотодокументального травелога считается Б. Холмс: «Бертон Холмс изобрел лекцию о путешествиях. В течение шестидесяти лет он был самым известным шоуменом Америки. Его имя есть на звезде на Голливудском бульваре. Кто что-нибудь знает о Бертоне Холмсе сегодня? Это наша дань уважения Бертону Холмсу. Бертон Холмс придумал рассказы о путешествиях. Он не изобретал рассказы о путешествиях; они были старыми, когда Одиссей читал Го-

⁴⁵⁶ Именно так формулирует свою позицию один из современных авторов: «Картинка, которая никого не волнует, бесполезна. Я хочу, чтобы мои фотографии были заряжены сексуальностью за гранью возможного, чтобы они напрямую воздействовали на мужские животные инстинкты», – Боб Карлос Кларк (https://yandex.ru/turbo/cameralabs.org/s/10671-fotograf-bob-karlos-klark-britanskij-otvet-khelmutu-nyutonou?utm_source=turbo_turbo).

меру свой отчет о поездке. Он не изобретал слайд-шоу; показ слайдов волшебных фонарей проводился в 1850-х годах. Он не изобретал движущиеся картинки, но он был первым, кто показал их публично в рамках цикла лекций. Он не изобретал серию лекций о путешествиях по пересеченной местности; Джон Л. Стоддарт занимался этим пятнадцать лет, когда Холмс только начинал. Но Бертон Холмс взял предприятие и превратил его в форму искусства»⁴⁵⁷.

«Путешествовать – значит владеть миром. Иллюстрированные лекции о путешествиях Э. Бертон Холмс» – так назывался первый фотодокументальный травелог. Данный цикл лекций сопровождался демонстрацией слайдов (вначале – даже раскрашенных от руки самим автором). На рубеже XX века занимательные повествования и живописные образы лекций Бертон Холмса представляли американцам мир на заре американского века. Холмс не без основания утверждал: «...благодаря моим усилиям многие земли стали зримо знакомы моей растущей аудитории»⁴⁵⁸.

Автор помещает внешне незатейливую историю успеха молодого человека на ниве просветительской деятельности (публичные лекции!) в более широкий культурно-исторический и социально-политический контекст конца XIX – начала XX вв.: «В соответствии с императивом Эдварда Саида «внимательно и целостно взглянуть на культуру, которая питала чувства, разум и, прежде всего, воображение империи», мы должны анализировать такие представления как нечто большее, чем просто развлечение. Рассматриваемые в контексте имперских состязаний рубежа веков, эти представления составляли важный элемент национальной культуры, борющейся с вопросами экономической экспансии, расовые и культурные различия, колониальные завоевания»⁴⁵⁹. Артур М. Шлезингер-младший (известный писатель, советник президента Дж. Кеннеди), посещавший лекции Бертон Холмса в Бостонском симфоническом зале в 1920-х годах, много лет спустя написал эссе «Введение в мир 100 лет на-

⁴⁵⁷ Burton Holmes, *Extraordinary Traveler*. URL: <http://www.burtonholmes.org/>.

⁴⁵⁸ Jeanette Roan. *Envisioning Asia: On Location, Travel, and the Cinematic Geography of U.S. Orientalism*. Published by: University of Michigan Press, 2010. Pp. 27–28.

⁴⁵⁹ *Ibid.* P. 28.

зад» (1998), в котором были перепечатаны сокращенные версии некоторых лекций Холмса. Эссе начинается так: «Бертон Холмс, 27 лет! – забытое сегодня, но такое знакомое имя в Америке в первой половине 20-го века», имя тогда почти синонимичное мечтам о заграничных путешествиях... Он рассказывал поколениям американцев о великом мире за морями. Его книги до сих пор читаются сегодня и показывают новым поколениям, как их дедушки и бабушки узнали о мире, который с тех пор ушел, но остается благоухающей памятью»⁴⁶⁰.

Автор, Джинет Роуэн (Jeanette Roan), помещая ранние работы Холмса в контекст его времени, придает им необычное, объемное социально-политическое звучание: «Фотографии Холмса, «фильмы» и лекции действительно являются ценными документами «мира 100-летней давности» и в качестве таковых также предоставляют важные доказательства американского заморского экспансионизма на рубеже XX века. У Холмса было необычайное время: он находился на Гавайях, где Сенат голосовал за аннексию, в Маниле в начале филиппино-американской войны и в Запретном городе Пекине, бывшем Пекине, вскоре после окончания боксерского восстания. Он охарактеризовал «первые четырнадцать лет века» как «те счастливые годы», когда «я был почти один в тогдашней своеобразной» области, показывающей американцам, как выглядит мир за пределами Америки. Холмс был, конечно, не первым и не единственным человеком, который представил американским зрителям образы зарубежных стран. Но в тот самый момент, когда Холмс «показывал американцам, как выглядит мир за пределами Америки», произошло драматическое изменение не только в технологиях показа, но и в концепции Америки как нации и ее отношений с внешним миром. Холмс с энтузиазмом воспринял каждое из этих изменений; его чувство исторического, наряду с численностью и демографией его общественных последователей, делает его особенно важным поставщиком изображений путешествий в этот период»⁴⁶¹.

Фотодокументальный травелог способен создавать весьма объемные и содержательно насыщенные образы посещаемых художником мест, социальных объектов, обладает

⁴⁶⁰ Ibid.

⁴⁶¹ Ibid.

искусством передачи царящей атмосферы, духа времени. Такова, например, необычайная фотокнига «Берлин» – о жизни довоенной Германии 30-х годов XX-го века с почти 70 изображениями и текстом французского писателя и критика Пьера Мак-Орлана: «Она не содержит упоминаний о том, кто автор фотографий... Но компоновка снимков настолько причудливая и сбивающая с толку, что зритель понимает: реальность страннее, чем вымысел»⁴⁶². Чем же так поражает это произведение? «В фотографиях из этой книги – нацистская Германия начала 1930-х годов с её парадами, пышущими здоровьем молодыми женщинами, традиционными костюмами и гражданской гордостью. Цепочка невинных картинок прерывается самым абсурдным и зловещим образом – снимками Гитлера, Геббельса, марширующих в форме солдат и приветствующих нацистов граждан. Эксцентричное сопоставление образов, населявших обычный мир среднестатистического нациста, выводит издание в разряд уникальных произведений. «Берлин» показывает, что зло может быть невероятно обыденным и комфортно сюрреалистичным, и что нам всегда необходимо задумываться о том, что перед нами на самом деле»⁴⁶³. Разумеется, в год выхода книги (1935) вряд ли у зрителя возникало именно такое впечатление – про «обыденность и комфортную сюрреалистичность» зла (нацизма). Вскоре прогремит на весь мир фильм Л. Рифеншталь «Триумф воли» (о съезде гитлеровской партии НСДАП⁴⁶⁴) еще впереди была Берлинская Олимпиада 1936 года, еще коллективный Запад считал Гитлера хотя и эксцентричным политиком, а режим его диковинной смесью расизма, антисемитизма, социализма и «тысячелетнего месссианизма» – но вполне приемлемым для «цивилизованного мира» (Мюнхенский створ был тоже впереди, в 1938 г.). Эта «банальность запредельного зла» откроется, например, А. Хичкоку, который в 1945 г., примет участие в создании документального фильма о на-

⁴⁶² «Берлин»: уникальная фотокнига 1930-х годов, где реальность страннее вымысла / Камералабс. URL: <https://yandex.ru/turbo/cameralabs.org/s/aeon/fotokniga-berlin/albom>.

⁴⁶³ Там же.

⁴⁶⁴ Фильм собрал призы кинофестивалей и стал первым большим режиссерским успехом Рифеншталь (https://news.rambler.ru/other/40349972/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink).

цистских концлагерях⁴⁶⁵. Войдя в Берген-Бельзен британцы были шокированы увиденным: ранее союзные войска считали преувеличенной советскую информацию о зверствах в немецких лагерях Восточной Европы (Майданек и Освенцим). Освободители не могли поверить в то, что «одни европейцы могут делать такое с другими европейцами»⁴⁶⁶.

Фотография открыла парадоксальную возможность поставить на службу рассказу, повествованию о «путешествии» некую область реальности (она вполне пространственна) не характерную для наррации тщательную проработку заранее продуманного сюжета, а именно непосредственность схватываемого момента жизни этой банально-удивительной жизни и знакомства с ней повествователя. Фотограф и режиссёр Эллен фон Унверт (Ellen von Unwerth) подчеркивала: «самое замечательное в фотографии то, что всегда можно позволить ей уйти в спонтанность и снимать моменты, которые случаются сами собой. Зачастую именно они превращаются в лучшие кадры»⁴⁶⁷.

Это стремление «посетить» удивительные «страны» – области человеческой повседневной жизни, совершающей

⁴⁶⁵ Хичкок снял фильм о нацистских концлагерях. «Память о лагерях» – документальный фильм, который был снят в 1945 году, но не был показан аудитории вплоть до 1980-х. (30 любопытных фактов об Альфреде Хичкоке / Компания «СОЮЗ». URL: <https://www.soyuz.ru/articles/868>. Дата публикации: 13.08.2017).

⁴⁶⁶ Конкретнее эти события излагают так: «В 1945 году барон Сидни Бернстайн, один из крупнейших телемагнатов Британии, друг и покровитель Хичкока, привлек его к работе над документальной лентой о преступлениях нацистов, основанной на материалах, которые были сняты британскими и советскими фронтовыми операторами в концентрационных лагерях. В интервью газете Independent оператор британской армии, зафиксировавший освобождение узников концлагеря Берген-Бельзен в провинции Ганновер в 1945 году, вспоминает, что, впервые увидев эти кадры, Хичкок был так глубоко потрясен, что неделю не появлялся на студии. «Непревзойденный мастер хоррора, режиссер был по-настоящему шокирован ужасами реальной жизни», – иронизирует оператор» (<https://ieshua.org/xronika-xolokosta-uzhasnula-xichkoka.htm>).

⁴⁶⁷ Тайна женственности в эротичных фотографиях Эллен фон Унверт / Камералабс. URL: https://yandex.ru/turbo/cameralabs.org/s/9160-tajna-zhenstvennosti-v-erotichnykh-fotografiyakh-ellen-fon-unvert?utm_source=turbo_turbo.

ся ежедневно совсем рядом, и взглянуть на них через объектив камеры (субъективно направляемой), но стремящейся «схватить мгновение» (остановить его и прикинуть: оно прекрасно или нет? Или оно самодостаточно?) – стало пространственным трендом в современной фотографии, чем-то родственным той глубинной интенции, что направляла стопы У. Хадсона, отправившегося «пешком по Англии»⁴⁶⁸ или В. Солоухина решившего спонтанно пройти «владимирскими проселками».

Ряд современных фотохудожников прославились именно такими открытиями: «До поездки в Неваду фотограф Марк Макэндрус (Marc McAndrews) никогда не бывал даже в стрип-клубе, не говоря уже о борделе. Но в течение пяти лет он объездил все легальные публичные дома штата. В каждом из них оставался от недели до месяца. Ночевал в спальнях при домах терпимости, делил ванную комнату с «труженицами» заведений и получил возможность взглянуть на мир, неведомый никому, кроме работников индустрии»⁴⁶⁹. Лондонский фотограф Ивар Уиган погрузился в уличную культуру американского Юга, которую зачастую демонизируют в средствах массовой информации, когда приступил к работе над своим проектом «Боги»: два месяца он посещал ночные заведения Атланты (а также Майами, Нью-Орлеана), общался с вышибалами, барменами и со стриптизёршами, вливался в сообщество. Затем полгода фотографировал, когда менеджер клуба позволил ему снимать, но только с согласия женщин и без вмешательства в бизнес⁴⁷⁰. Несколькими неожиданными названиями его проекта объясняется тем, что этим прозвищем (на уличном жаргоне) награждают в данной среде обитания тех, кто «выжил», к «закаленным дельцам». Уиган отмечает, что женщины в этой маргинальной среде зарабаты-

⁴⁶⁸ Hudson W.H. Afoot in England. By W.H. Hudson. URL: <http://www.gutenberg.org/5/4/0/5406/>.

⁴⁶⁹ Фотограф посетил все бордели Невады. Вот какие они на самом деле / Камералабс. URL: <https://cameralabs.org/9351-fotograf-posetil-vse-bordeli-nevady-vot-kakie-oni-na-samom-dele>.

⁴⁷⁰ Боги: как смакуют жизнь стриптизёрши и представители уличной культуры американского Юга / Камералабс. URL: <https://cameralabs.org/11126-bogi-kak-smakuyut-zhizn-striptizjorshi-i-predstaviteli-ulichnoj-kultury-amerikanskogo-yuga>. Дата публикации: 05.01.2017.

вают тысячи долларов, наслаждаются жизнью современного потребителя предметов роскоши.

В качестве подобного же открывателя необычайного в обычном выступает испанский фотограф Чема Мадоз (Chema Madoz). Он убеждён, что какими бы обыденными или заурядными ни были бы окружающие предметы, они открыты для новых и разнообразных прочтений. «То, что мы видим, никогда не бывает тем, чем кажется», – говорит он⁴⁷¹. Как водится, Ч. Мадоз не придерживается каких-то жанровых рамок, он снимает черно-белые необычные композиции хорошо известных предметов, а в качестве диагноста их восприятия предлагает себя: «Я не задумываюсь над тем, какую реакцию они вызовут у зрителя, – говорит фотограф. – Я смотрю на образы, которые меня трогают, которые меня касаются и вызывают ощущение, будто я создаю нечто для себя пока неведомое. Я хотел бы стоять перед своей фотографией и чувствовать, что могу с ней общаться. Если картинка что-то говорит мне, я уверен, что и другие люди смогут испытать то же самое»⁴⁷². В сущности, такова позиция всякого художника, который по известной формуле – тем более объективен, чем более он субъективен в своем творчестве. Изобразительный, а тем более – художественный травелог обладает собственным мощным арсеналом средств воздействия на каждого, кто решает пуститься в Путь, для того, чтобы открыть ранее неведомое (в себе, для себя) в том числе – в привычном, давно знакомом: эта способность, как мы знаем, не присуща людям от рождения.

Так современные жанры изобразительного травелога в каком-то смысле завершают круг: Путник, переживает вызов (Challenge), переступает Порог (Грань между мирами) и открывает Врата, которые – в норме – заперты на Ключ и которые охраняет Страж. Это ему нужно преодолеть, чтобы отправиться в Путь (который может быть прямым и окольным, кривым), где ему предстоит множество перевоплощений (Первопроходец или Проходимец, Авантюрист; Герой или заурядный «любитель крыжовника»); Испытаний, которые являются ничем иным, как Инициацией – посвяще-

⁴⁷¹ Чема Мадоз: «То, что мы видим, никогда не бывает тем, чем кажется» / Камералабс. URL: <https://cameralabs.org/aeon/fotograf-chema-madoz/album>.

⁴⁷² Там же.

нием (вот только куда? в Герои или в Агасферы), здесь ему неизбежно придется иметь дело с Мировым Древом, которое предстанет Деревом Решений (выбора) и хорошо бы заручиться надежным Проводником (Толмачом), а не каким-нибудь Трикстером, – пережить приятные моменты жизни Гостя, чтобы обогащенным уникальным жизненным опытом – достойно завершить этот Путь.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Травелог – одна из самых древних и потому универсальных форм субъективно-творческого (предметно-практического) освоения мира человеком. Он знаменовал собой становление рефлексии, самосознания в человеческой культуре – когда человек осознает себя субъектом своей жизнедеятельности и рассказывает (повествует) о множестве своих самых различных странствий и путешествий – от путешествий и приключений первопроходцев до странствий души в поисках сущностей и ценностей, извилистых и причудливых путешествий ума в процессе познания значений и смыслов предметов и процессов окружающего мира.

В данной работе впервые предпринята попытка теоретико-методологического анализа явления, обозначаемого термином «*травелог*», лишь сравнительно недавно вошедшего в обращение в разнообразной научной литературе (филологической, литературоведческой, лингвокультурологической и др.). Поэтому были рассмотрены существующие в литературе трактовки понятия «травелог», связанные с определенными способами его структурирования и методологического освещения.

Определен теоретико-методологический статус термина «травелог» как *концепта* (а не категории или понятия – в традиционном смысле). Более того, травелог охватывает («концепирует») целую сеть смежных концептов, образующих его *концептосферу* (Путь, Путник, Приключение, Подвиг, Возвращение и др.). Авторами установлено, что основные концепты травелога обладают богатым *архетипическим* содержанием, имеющим самое разнообразное лингвокультурное исполнение в национальных языках. В репрезентациях данных концептов был обнаружен целый спектр уровней чувственно-рационального восхождения (от простейших образов до изоощренных картин в щедром знаково-символическом наполнении), выявлены богатейшие смысловые связи и переклички, связанные с определенными сюжетами художественной культуры. Архетипичность исходных концептов травелога проявляется в их полисемантичности, в широких полях отождествлений со смежными категориями, в способности выступать в качестве «регулятивных принципов», конструирующим началом для самого разнородного материала культуры – образов, идей, теорий, методов.

Устойчивые связи между концептами образуют «схематизмы» травелога («Вызов», «Выбор», «Решение», «Инициация», «Подвиг»), в которых «отливаются» фундаментальные антропологические практики, тысячелетиями воспроизводящиеся в человеческой жизнедеятельности.

Концептосфера травелога (при всей ее гибкости, известной текучести) пронизана определенным структурным единством и порядком, связывающим эти объективные мыслительные формы (ментальные единицы, мысленные конструкции) с антропологическими практиками овладения и оперирования внутренним и внешним предметным миром. Этот порядок связи мыслей, действий и вещей, – погруженный в человеческую коммуникацию (где он только и «живет»), сегодня называется *дискурсом*, который становится предметом дискурс-исследования. В работе было предложено расширенное авторское толкование дискурса травелога, включающее разбивку на структурные планы его анализа, а также представлено краткое определение дискурса травелога, указывающее на его базовые свойства и характеристики.

Впервые дискурс-анализ травелога проводился на основе раскрытия таких его аспектов как семиотический, перформативный, кратологический, аксиологический и институциональный. В процессе их репрезентации рассматривались существующие в научной литературе методологические подходы, касающиеся способов их применения в отношении конкретных культурных практик, в том числе тех, которые опредмечивают себя в дискурсе травелога. В ходе этого исследования устанавливаются основные свойства, «аспекты» дискурса травелога: знаково-символический, аксиологический, перформативный, институциональный и кратологический.

Дискурс травелога выражается и закрепляется в разнообразных *знаково-символических* формах – от знаковых систем естественных и искусственных языков до пестрой символики, широко используемой для повествования о различных реальных и мнимых странствиях и путешествиях.

Дискурс травелога имеет *ценностно-смысловое* ядро, многообразно выражаемое в различных продуктах видов и жанров травелога (свидетельствах первопроходцев и первооткрывателей, отчетах научных экспедиций и экспериментов, путевых дневниках и записках, картах-схемах, путеводителях и лоциях, мемуарах и методических указаниях).

Перформативный подход к дискурсу травелога отражает присутствие в нем различных реальных и ментальных практик – от производства объемных и содержательных отчетов научных экспедиций до правил поведения во время автомобильных путешествий.

Дискурс травелога нельзя понять без учета его *институционального* аспекта, который получает реализацию во множестве обычаев, обрядовых действий, осуществляется в традициях и праздничных ритуалах, а также – в регламентированных формах поведения туристов во время совершаемых ими путешествий.

Наконец, дискурс травелога обладает *кратологическим*, т. е. мощным властно-распорядительным ресурсом: он содержит множество явных и неявных норм, правил и предписаний (где, кому и как можно или нельзя совершать путешествия, что следует, а чего нельзя делать во время травелога). И неважно, пилигрим ли вы, или любопытный турист, ученый или фото-деятель, вы не можете не следовать предписываемым нормам и правилам.

В отдельном разделе работы продемонстрирована теоретико-методологическая значимость концепта «*хронотон*» для управления сюжетостроением в дискурсе травелога и выявления его смысловых компонентов, поэтому специальному анализу подверглись хронотопические структуры травелога, что позволило выявить такие особенности их внутренней конфигурации как соконтинуальность, подвижность, контрапунктивность, ризомный характер взаимодействия.

Обзор огромного количества видов и жанров травелога (литература путешествий и приключений, отчеты научных экспедиций и экспериментов, путевые записки и дневники, путеводители по странам и континентам, мемуары и биографии, методические пособия и самоучители, трэвел-блоги и т. п.) показывает, что при всем чрезвычайном многообразии его продукции, она пронизана внутренним единством: выявлены теоретико-методологические основы их структурного единства, уходящие корнями в архетипические схемы, которые являются «слепком» с всемирно-исторического движения человечества по планете («*Антропоток*»).

Дискурс травелога, выступая организующим началом целой концептосферы, обладающей мощным воздействием (семиотическим, аксиологическим, институциональным, праксеологическим, кратологическим) на общественное со-

знание, следовательно – на самих акторов. Находясь в режиме коммуникации с окружающим миром, концептосфера травелога своим дискурсом производит изменения и трансформации в ментальных образах действительности.

Схематизмы травелога – устойчивые связи его концептов, обладающие прежде всего *ценностно-смысловым единством* (Путник-Путь-Проводник-Приключение-Путник; Путь-Начало-Испытание-Путник; Путник-Путь-Испытание-Подвиг-Герой), воспроизводят типические жизнестроительные схемы бытия человека, задают векторы поиска смысло-жизненных ориентиров.

Дискурс-анализ травелога позволяет наглядно вскрыть мощное и разностороннее воздействие травелога (его концептов и схематизмов) практически на все формы и способы духовно-практического освоения мира человеком (антропологические практики, формы обыденного и научного сознания).

В целом, теоретико-методологический анализ травелога нацеливает нас на культурно-историческую рефлексию, а именно, – на понимание ценности и смысла многообразных форм культуры и антропологических практик, которые мы, зачастую, стихийно, используем как нечто «само собой разумеющееся», хотя в мире ничто «само собой» не разумеется, это делает только человек как субъект своей жизнедеятельности и коммуникативный носитель конструирующего реальность дискурса.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Абеляр, Петр. История моих бедствий [Текст] / Петр Абеляр; перевод с лат. С.С. Неретиной; [примеч. С.С. Неретиной]; послесловие С.С. Неретиной. Рос. акад. наук, Ин-т философии. М.: ИФРАН, 2011. 125 с.
2. Аверинцев С.С. «Аналитическая психология» К.-Г. Юнга и закономерности творческой фантазии // О современной буржуазной эстетике. Сборник статей. Выпуск 3 / составитель В.И. Тасалов; ответственный редактор Б.В. Сазонов. М.: Искусство, 1972. С. 110–155.
3. Аверинцев С.С. Плутарх и античная биография. М.: Наука, 1973. 276 с.
4. Альбанезе Джулия. Поход на Рим и завоевание власти фашистами // Берегиня. 777. Сова, 2014. № 4 (23). С. 119–126.
5. Анкерсмит Ф. Нарративная логика. Семантический анализ языка историка / перевод с англ. О. Гавришиной, А. Олейникова; под науч. ред. Л.Б. Макеевой. М.: Идея-Пресс, 2003. 360 с.
6. Антология концептов / под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. М.: Гнозис, 2007. 512 с.
7. Апресян Ю.Д. Перформативы в грамматике и словаре // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. Т. 45. № 3. 1986. С. 28–36.
8. Аскольдов С.А. Концепт и слово // Русская словесность: От теории словесности к структуре текста: Антология / под общ. ред. В.П. Нерознака. М.: Academia, 1997. С. 267–279.
9. Бабкина Т.И. Структурно-семантический анализ лингвокультурного концепта «путешествие»: на материале русских и французских текстов по туризму: дис. ... канд. филол. наук / Т.И. Бабкина. Ижевск, 2009.
10. Барина Е.Е. Сюжет путешествия в научно-популярной литературе (теоретический аспект) // Лирические и эпические сюжеты: сб. науч. трудов / под ред. И.В. Силантьева. Новосибирск: Институт филологии СО РАН, 2010. С. 256–266.
11. Барт Р. Империя знаков / пер. с фр. Я.Г. Бражниковой. М.: Праксис, 2004. 144 с.
12. Барт Р. S/Z / пер. с фр. Г.К. Косиков. [3-е изд.]. М.: Академический проект, 2009. 373 с.
13. Бауман З. Текучая современность / пер. с англ. под

ред. Ю.В. Асочакова. СПб.: Питер, 2008.

14. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. 2-е изд. М.: Худож. лит., 1990. 543 с.

15. Бахтин, М.М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике / Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Худож. лит., 1975. С. 234–407. URL: <https://philolog.petsu.ru/filolog/lit/bahhron.pdf>.

16. Башарова Г.Ф. «Теория ориентализма» Э. Саида: подход к осмыслению проблемы Восток – Запад. URL: http://www.idmedina.ru/books/materials/turkology/1/vostok_basharova.htm.

17. Беглые взгляды: Новое прочтение русских травелогов первой трети XX века: Сборник статей / перевод с немецкого Г.А. Тиме. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 400 с. (Научное приложение. Вып. LXXXVI).

18. Безгубова А.А. Отечественные издания «живописных путешествий» конца XVIII – первой половины XIX в. как пример эстетики «pittoresque». 2014. С. 344–355. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otechestvennyye-izdaniya-zhivopisnyh-puteshestviy-kontsa-xviii-pervoy-poloviny-xix-v-kak-primer-estetiki-pittoresque>.

19. Березкин В. Перформанс / Энциклопедия «Кругосвет». URL: http://www.krugosvet.ru/enc/kultura_i_obrazovanie/izobrazitelnoe_iskusstvo/PERFORMANS_ART.html.

20. Бёрк, П. Что такое культуральная история? [Текст] / пер. с англ. И. Полонской; под науч. ред. А. Лазарева; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». 2-е изд. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. 240 с.

21. Библейская энциклопедия. Репринтное издание. М.: ТЕРРА, 1990. 904 с.

22. Биндеркесен Д. Военная лексика как особый элемент лексической системы языка // Казанский лингвистический журнал. 2020. № 2(3). С. 5–16.

23. Блох Э. Методический мотив путешествия // Эрнст Блох. Тюбингенское введение в философию / Эрнст Блох. Екатеринбург, 1997. С. 45–58.

24. Богданова И.А. Функционирование архетипического концепта «вода» в текстах народного и индивидуального творчества: специальность 10.02.19 «Теория языка»: дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2006.

-
25. Брикмон Жан, Сокал Ален. Интеллектуальные уловки. Критика современной философии постмодерна / Жан Брикмон, Ален Сокал. URL: https://sceptsis.net/library/id_1052.html.
26. Бродский М.Ю. Travel blog как травелог // Дискурсология: методология, теория, практика: доклады третьей Международной научно-практической конференции, посвященной 40-летию студенческой революции 1968 г. и корифеям Франкфуртской школы (2 октября – 19 декабря 2008 года) / под общей редакцией О.Ф. Русаковой, В.Е. Хвощева, М.А. Малышева. 2 октября – 19 декабря 2008 г. Россия–Мексика. Екатеринбург: Издательский Дом «Дискурс-Пи»; Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2009. Том 2. С. 308–315.
27. Бурдые П. Рынок символической продукции / пер. с фр. Е.Д. Вознесенской // Вопросы социологии. 1993. № 1/2. С. 49–63.
28. Бурдые П. Структура, Габитус, Практика // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Том I, № 2. С. 44–59.
29. Бурдые П. Дух государства: генезис и структуры бюрократического поля // Поэтика и политика. Сборник статей. Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии Российской Академии наук. СПб., 1999. 350 с.
30. Бурлина Е. Хронотопия города: Монография (с приложением сборника научных статей «Гении места») / Е. Бурлина (руководитель проекта), Л. Иливицкая, Ю. Кузовенкова, Я. Голубинов, Н. Барабошина, Е. Шиллинг. Самара: ООО «Книжное издательство», 2016. С. 240.
31. Бэкон Ф. Сочинения в двух томах / Фрэнсис Бэкон; пер. с англ. Н.А. Федорова, Я.М. Боровского. М.: Мысль, 1972. Т. 2.
32. Василевский А.М. Дело всей жизни. М.: Издательство политической литературы, 1974. 542 с.
33. Виппер Ю.Б. Проза 60–70-х годов XVII в. // История всемирной литературы в девяти томах. Том 4 / отв. ред. Ю.Б. Виппер. М.: Издательство «Наука», 1987. С. 164–172.
34. Водак Р. Язык. Дискурс. Политика / пер. с англ. и нем. В.И. Карасика и Н.Н. Трошиной. Волгоград: Перемена, 1997. С. 13.
35. Водак Р. Критическая лингвистика и критический анализ дискурса / пер. с англ. В.И. Карасика // Политическая

лингвистика. 2011. 4(38). С. 288.

36. Волков Владимир. Глобализация, номадизм и онтология туризма // Вестник Европы. URL: <http://www.vestnik-evropy.ru/continuous-magazine/globalization-nomadism-and-ontology-of-tourism.html>. Дата публикации: 05.02. 2017.

37. Воркачев С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. 2001. № 1. С. 64–72.

38. Воркачев С.Г. Счастье как лингвокультурный концепт. М.: ИТДГК «Гнозис», 2004. С. 41.

39. Гаврилова М.В. Лингвокогнитивный анализ русского политического дискурса: дис. ... д.ф.н. / М.В. Гаврилова. Санкт-Петербург, 2005. 468 с.

40. Гальперин И.Р. Очерки по стилистике английского языка. М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1958. 459 с.

41. Гегелова Н.С. Трэвел-журналистика на российском телевидении // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2016. № 2. С. 128–133.

42. Геннеп А. ван. Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов / пер. с франц. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1999. 198 с.

43. Головнёв А.В. Антропология путешествия: от *imago mundi* до *selfie* // Уральский исторический вестник. 2016. № 2(51). С. 8–14.

44. Гончарова И.В. Маркетинг туризма: учебное пособие / И.В. Гончарова, Т.П. Розанова, М.А. Морозов, Н.С. Морозова. М.: Федеральное агентство по туризму, 2014. 224 с.

45. Гроф Станислав. За пределами мозга: рождение, смерть и трансценденция в психотерапии. М.: АСТ, 1992. 242 с.

46. Гроф Станислав. Космическая игра / пер. с англ. Ольги Цветковой. М.: Изд-во АСТ, 1994. 256 с.

47. Гроф Станислав. Путешествие в поисках себя: измерения сознания и новые перспективы психотерапии и внутреннего исследования. М.: АСТ, 1995. 352 с.

48. Гроф Станислав. Холотропное сознание. М.: АСТ, 1996. 272 с.

49. Гроф Станислав. Человек перед лицом смерти. Космическая игра: исследование рубежей сознания. (совместно

с Дж. Хэлифакс). М.: АСТ, 1997. 239 с.

50. Гроф Станислав. Когда невозможное возможно. Приключение в необычных реальностях. Издательство Трансперсонального проекта. М.: Издательство К. Кравчука : Издательство АСТ, 2007. 441 с.

51. Гроф Станислав. Области бессознательного: данные исследований ЛСД. М.: АСТ, 1994. 240 с.

52. Даниленко В.П. Инволюция в науке: психологические квазинауки. URL: <http://old.islu.ru/danilenko/articles/psyhkvazi.htm>.

53. Даниленко Н.Б. Структурные особенности концепта // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2012. № 13 (267). Филология. Искусствоведение. Вып. 65. С. 37–40.

54. Данилов А.П., Эшкерат А.М. История журналистских расследований от Джекоба Рииса до Чарльза Льюиса // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева. 2016. № 3(91). С. 31–36. URL: <http://vestnik.chgpu.edu.ru/?do=archive&vid=2&nom=53>.

55. Демьянков В.З. Понятие и концепт в художественной литературе и в научном языке // Вопросы филологии. 2001. № 1(7). С. 35–47.

56. Дискурс травелога. Сборник статей / авт. – сост. О.Ф. Русакова, В.М. Русаков. Екатеринбург, ИМС: ИД «Дискурс-Пи»: Уральский финансово-юридический институт, 2009. 190 с.

57. Дискурс философского пути. Материалы круглого стола VI Российского философского конгресса. Нижний Новгород, 27–30 июня 2012 г. / под ред. О.Ф. Русаковой. Екатеринбург: ИД «Дискурс-Пи», 2012. 128 с.

58. Дискурсы власти: коллективная монография / Н.А. Меркурьева, А.В. Овсянников, А.Г. Пастухов (отв. ред). Орёл: ООО «Горизонт», 2015. 378 с.

59. Додолев Евгений. Девица Новодворская. Последняя весталка революции. М., 2014 / ЛитМир – Электронная Библиотека. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=247287>.

60. Доманска Эва. Перформативный поворот в современном гуманитарном знании // Способы постижения прошлого: Методология и теория исторической науки / ответ. ред. М.А. Кукарцева. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2011. С. 226–235.

61. Ельцин Борис. Президентский марафон. Размышления, воспоминания, впечатления. М.: ООО «Издательство АСТ», 2000. URL: <http://lib.ru/MEMUARY/ELCIN/marafon.txt>.
62. Ермолов А.П. Записки А.П. Ермолова. 1798–1826 гг. / сост., подгот. текста, вступ. ст., коммент. В.А. Федорова. М.: Высш. шк., 1991. 463 с. URL: http://militera.lib.ru/memo/russian/ermolov_ap/index.html.
63. Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. В 2 т. М.: Олма-Пресс, 2002. 415 с.
64. Замятин Д.Н. Географические образы путешествий / Д.Н. Замятин // Человек. 2001. № 6. С. 130–146.
65. Замятин Д.Н. Образы путешествий: социальное освоение пространства / Д.Н. Замятин // Социс. 2002. № 2. С. 12–22.
66. Замятин Д.Н. Постномадизм: пространственные антропологии путешествий // Уральский исторический вестник. 2016. № 2 (51). С. 17–26.
67. Кагарлицкий Ю.И. Редьярд Киплинг и его роман «Ким» // Киплинг Р. Ким: Роан / предисл., коммент. Ю.И. Кагарлицкого. М.: Высш. шк., 1990. С. 3–39.
68. Карасик В.И. Дискурс // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2015. № 3–4 (20–21). С. 147–148.
69. Карасик В.И. Культурные доминанты в языке // Языковая личность: культурные концепты. Волгоград – Архангельск: Перемена, 1996. С. 3–16.
70. Карасик В.И. Языковый круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004. 390 с.
71. Карасик В.И., Слышкин Г.Г. Лингвокультурный концепт как единица исследования // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: сб. науч. тр. / под ред. И.А. Стернина. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 2001. С. 75–80.
72. Карпов В.П. Север и Арктика в «Генеральной перспективе» СССР: проблемы комплексного освоения // Уральский исторический вестник. 2016. № 1 (50). С. 92–93.
73. Касавин И.Т. Текст. Дискурс. Контекст. Введение в социальную эпистемологию языка / И.Т. Касавин. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2008. 554 с.
74. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / пер. с англ. под науч. ред. О.И. Шкаратана. М.: ГУ-ВШЭ, 2000. 608 с.

-
75. Кибальчич С. Поверх Фрикантрии, или Анджемо и Изабела. СПб.: Петрополис, 2008. 288 с.
76. Колесов В.В. Основы концептологии. СПб.: Златоуст, 2019. 775 с.
77. Комлева Г.А. Пространственная композиция фольклорной сказки // Проблемы исторической поэтики. 1992. № 2. С. 67–73.
78. Кривцов Н.В. Трэвел-журналистика: специфика направления и его проблемы // Вопросы теории и практики журналистики. 2017. Т. 6. № 3. С. 347–364.
79. Кублицкая О.В., Мальцева Т.В. Травелогема: к определению объема понятия // Вестник Челябинского госуд. пед. ун-та. 2017. № 6. С. 162–167.
80. Кублицкая О.В. Десинация как элемент травелогемы: способы метафоризации и освоения пространства // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 9(87). Ч. 2. С. 271–275. URL: www.gramota.net/materials/2/2018/9-2/12.html.
81. Леонтьев Д.А. Психология смысла природа, строение и динамика смысловой реальности. М.: Смысл, 1999. 584 с.
82. Летина Н.Н. Российский хронотоп в культурном опыте рубежей (XVIII–XX вв.): Научная монография [Текст] / Н.Н. Летина. Ярославль: Изд-во ГОУ ВПО «ЯГПУ им. К.Д. Ушинского», 2009. 276 с.
83. Ли Куан Ю. Из третьего мира – в первый. История Сингапура (1965–2000) / ЛитМир – Электронная Библиотека. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=430508&pr=1>.
84. Липовецкий Ж. Эра пустоты. Эссе о современном индивидуализме / пер. с фр. В.В. Кузнецова. СПб.: Владимир Даль, 2001. 332 с.
85. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Русская словесность: От теории словесности к структуре текста: Антология / под общ. ред. В.П. Нерознака. М.: Academia, 1997. С. 280–287.
86. Лотман Ю.М. Семиосфера. С.-Петербург: «Искусство-СПБ», 2000. 704 с.
87. Лучицкая С.И. Путешествие // Словарь средневековой культуры / под ред. А.Я. Гуревича. 2-е изд. М., 2007. 400 с.
88. Майга А.А. Литературный травелог: специфика жанра / А.А. Майга // Филология и культура. 2014. № 3.

С. 254–258.

89. Майга А.А. Африка во французских и русских травелогах (А. Жид и Н. Гумилев): дис. ... канд. филол. наук. М., 2016. 234 с.

90. Макаренко В.П. Политическая концептология: обзор повестки дня. М.: Праксис, 2005. 368 с.

91. Малаховский А.К. «Разгребатели грязи» след в истории современной американской журналистики // *Univsum: Филология и искусствоведение: электрон. научн. журн.* 2017. № 12(46). URL: <http://7univsum.com/ru/philology/archive/item/5378>.

92. Малышев М.А. Георг Зиммель и Владимир Янкевич: феноменология приключения // Научно-практический альманах «Дискурс-Пи». Выпуск 3: Дискурс толерантности в глобальном мире / под ред. О.Ф. Русаковой. Екатеринбург: Издательство УрГУ, 2003. С. 82–84.

93. Мамардашвили М.К., Пятигорский А.М. Символ и сознание. Метафизические рассуждения о сознании, символическом и языке. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. 224 с.

94. Мартынюк Е.Б., Лукинова М.Ю. К вопросу об определении термина «Травелог» // Переводческий дискурс: междисциплинарный подход. Материалы I всероссийской научно-практической конференции / Главный редактор М.В. Норец. Симферополь: Издательство: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство Типография «Ариал», 2017.

95. Маслинская С.Г. Неутомимый борец со сказкой (критика детской литературы в трудах Н. Крупской) // Историко-педагогический журнал. 2017. № 1. С. 172–186.

96. Матвеев С.Р. Идея «среднего класса» в мемуарах Ф. Гизо // Диалог со временем. 2013. Вып. 42. С. 180–193.

97. Маяковский В.В. *Мое открытие Америки* // Маяковский В.В. Полное собрание сочинений: В 13 т. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1955–1961. Т. 7. Стихотворения второй половины 1925 года – 1926 года и очерки об Америке / подгот. текста и примеч. В.В. Кожина, И.Л. Робина, В.В. Тимофеевой. 1957. С. 265–346.

98. Мерль Робер. Монкада. Первая битва Фиделя Кастро (26 июля 1953 г.) / пер. с франц. Е.М. Шишмаревой. М.: Прогресс, 1968.

-
99. Метаморфозы природной и человеческой красоты в русских травелогах начала XIX века. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metamorfozy-prirodnoy-i-chelovecheskoj-krasoty-v-russkih-travelogah-nachala-xix-veka>.
100. Милюгина Е.Г., Строганов М.В. Личность автора-путешественника в травелогe нового времени // Культура и текст. 2014. № 3.
101. Милюгина Е.Г., Строганов М.В. Путешествия по российским рекам: травелог нового времени // *Quaestio Rossica*. 2015. № 2. С. 106–116.
102. Милюгина Е.Г., Строганов М.В. Русская культура в зеркале путешествий: монография / Твер. гос. ун-т, 2013.
103. Мифологический словарь / Гл. ред. Е.М. Мелетинский. М.: Советская энциклопедия, 1990. 672 с.
104. Мифы народов мира: Энциклопедия (В 2-х томах.) / Гл. ред. С.А. Токарев. М.: «Советская энциклопедия», 1980. Т. 1. А–К. 672 с.
105. Можейко М.А. Онто-тео-телео-фалло-фонологоцентризм. Постмодернизм. Энциклопедия. Минск: Интерпрессервис: Книжный Дом, 2001. 1040 с. С. 545.
106. Молчанов Ю. Дышите, дышите Шура, они золотые. URL: www.t-room.ru/holotropnoe.html.
107. Муравьев В.С. Приключенческая литература // Большая советская энциклопедия, БСЭ. 2012. URL: <https://slovar.cc/enc/bse/2032647.html>.
108. Мэйес, Ф. Под солнцем Тосканы / пер. Топчий Е.В. М.: Издательство Эксмо, 2020. 370 с.
109. Наркевич А.Ю. Приключенческая литература // Краткая литературная энциклопедия. Т. 5. М.: Издательство «Советская энциклопедия», 1968. С. 973–974.
110. Некрасова Т.Н., Олянич А.В. Лингвосомиотика автомобильного путешествия: монография / Т.Н. Некрасова, А.В. Олянич. Волгоград: ФГБОУ ВПО Волгоградский ГАУ, 2013. 160 с.
111. Никитина Н.А., Тулякова Н.А. Жанр травелога: когнитивная модель. URL: <http://www.hse.ru/pubs/lib/data/access/ram/ticket/84/140554172787b7752598692508113f661f9e420bdb/Жанр%20травелога.pdf>.
112. Никулин Лев. Семь морей. М.: Гослитиздат, 1936.
113. Никулин Лев. «Воображаемые прогулки вокруг Парижа» М.: Земля и фабрика, 1929.
114. Норец М.В. Роман Р. Киплинга «Ким» – вектор

эволюции жанра шпионского романа // Вістник Маріупольського державного університету. Серія: Філологія. 2013. № 9.

115. Носкова В.Б. Травелог души в лирике Ли Бо // Дискурс травелога. Сборник статей / авт. – сост.: О.Ф. Русакова, В.М. Русаков. Екатеринбург: ИМС: Издательский дом «Дискурс-Пи»: Уральский финансово-юридический институт, 2009. С. 110–119.

116. Ожегов С.И. Словарь русского языка. Издание четвертое, исправленное и дополненное. Москва: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1960. 900 с.

117. Олянич А.В. Презентационная теория дискурса: Монография. М.: Гнозис. 2007. 407.

118. Олянич А.В. Потребности – дискурс–коммуникация: монография / А.В. Олянич. Волгоград: ФГБОУ ВПО Волгоградский ГАУ, 2014. 216 с.

119. Олянич А.В. Тюркоязычный город как гастрономический «текст» и «дискурс» // Концепт. Научно-методический электронный журнал. 2014. Т. 20. С. 26–30. URL: <http://e-koncept.ru/2014/54265.htm>.

120. Освоение Арктики в перспективе // ЦДУ ТЭК. URL: https://www.cdu.ru/tek_russia/issue/2020/1/705/. Дата публикации: 12.03.2020.

121. Памятка туристу, отправляющемуся в автобусную поездку // Туроператор «Дельфин». URL: https://www.delfin-tour.ru/system/tours/27486/docs/pamyatka_turistu.pdf.

122. Панцеров, К.А. Путевой очерк: эволюция и художественно-публицистические особенности жанра: автореф. дис. ... канд. филол. наук / К.А. Панцеров. СПб, 2004.

123. Пашкова Лидия Александровна. «Путешествие в Пальмиру». URL: cyberleninka.ru/article/n/obraz-vostoka-vo-frantsuzskih-travelogah-russkoy-knyagini-lidii-pashkovoy.

124. Петухов Сергей. Математик времени. 21 сентября 1908 года Герман Минковский выступил с докладом «Пространство и время» / Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3420323>. Дата публикации: 21.09.2017.

125. Печерская Т.И. Проект «Аннотированный указатель «Русский травелог XVIII–XX веков: маршруты, топосы, жанры и нарративы»: к постановке проблемы // Русский травелог XVIII–XX веков: маршруты, топосы, жанры и нарративы: коллективная монография / под ред. Т.И. Печерской, Н.В. Константиновой; Министерство

образования и науки РФ; Новосиб. гос. пед. ун-т. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2016. С. 8–20.

126. Пинский Л. Бенвенуто Челлини и его «Жизнеописание» // Жизнь Бенвенуто Челлини, написанная им самим / перевод с итальянского М. Лозинского; вступительная статья и примечания Л. Пинского. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1958. С. 3–24.

127. Показаньева И.В. Проблемное поле трэвел-журналистики как явления современного медиапространства / И.В. Показаньева // Медиаскоп. 2013. № 3. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mediascope.ru/node/1385> (дата обращения: 24.02.2015).

128. Показаньева И.В. Генезис отечественного научно-популярного телевидения географической тематики: возникновение телевизионной трэвел-журналистики // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. 2014. № 4. С. 134–138. URL: <http://www.vestnik.vsu.ru/pdf/phyllolog/2014/04/2014-04-32.pdf>.

129. Полонский А.В. Травелог и его место в современной журналистике // Вестник ТвГУ. Серия «Филология». 2015. № 1. С. 207–215.

130. Полубиченко Л.В. Топологическая парадигма гуманитарного знания: миф или реальность? // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2017. № 4. С. 102–117.

131. Пономарев Е.Р. Типология советского путешествия. «Путешествие на Запад» в литературе межвоенного периода. 2-е изд. СПб.: СПбГУКИ, 2013.

132. Приключенческая литература // Литература и язык. Современная иллюстрированная энциклопедия / под редакцией проф. Горкина А.П. М.: Росмэн, 2006. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_literature/5303/приключенческая.

133. Прилепин Захар. Письма из Донбасса. Письмо первое. Моторола дома / Информационное агентство Русского Общественного Движения «Возрождение. Золотой Век». URL: <http://новости-донбасса.ru-an.info/новости/правда-о-сражающемся-донбассе-от-захара-прилепина-часть-1>. Дата публикации: 14.07.2016.

134. Прилепин Захар. Письма из Донбасса. Батя. URL: <https://chagnavstretchy.mirtesen.ru/blog/43917501193/Pisma-iz-Donbassa.-Batya.-Zahar-Prilepin>.

135. Прилепин Захар. Письма из Донбасса: № 2. Анна /

День Свадьбы. URL: <https://www.svarogday.com/zaxar-prilepin-pisma-iz-donbassa-2-anna/>. Дата публикации: 08.07.2016.

136. Прилепин Захар. Письмо шестое. Сильные люди и слабые люди / Русская народная линия. URL: https://ruskline.ru/opp/2016/iyul/22/pismo_shestoe_silnye_lyudi_i_slabye_lyudi. Дата публикации: 22.07.2016.

137. Программа Коммунистической партии Советского Союза. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/bse/124051/Программа>.

138. Прокопий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история // Прокопий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история. М.: Наука, 1993. 570 с.

139. Прокопий Кесарийский. Война с готами / Прокопий Кесарийский; пер. С.П. Кондратьев. Москва: Директ-Медиа, 2008. 767 с. Режим доступа: по подписке. URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=38619> (дата обращения: 31.03.2021).

140. Прокошева В.Е. Современные подходы к изучению травелогов // Культурология, филология, искусствоведение: актуальные проблемы современной науки: сб. ст. по матер. XII–XIII междунар. науч.-практ. конф. № 7–8(10). Новосибирск: СибАК, 2018. С. 21–27.

141. Прохоров Ю.Е. В поисках концепта / Ю.Е. Прохоров. 2-е изд. М.: Флинта: Наука, 2009. 176 с.

142. Путешествия и географические открытия в XV–XIX вв., М., Л., 1965.

143. Путь Британии к социализму: Программа Коммунистической партии Великобритании (январь 1951 года) / STALINISM.RU. URL: <https://stalinism.ru/sobranie-sochineniy/tom-xviii/put-britanii-k-sotsializmu-programma-kommunisticheskoy-partii-velikobritanii-yanvar-1951-goda.html>.

144. Пятигорский А.М. Миграция. Диффузия. Антропоток / Государство. Антропоток: Доклад Центра стратегических исследований Приволжского федерального округа. М., 2002. С. 165–168.

145. Редькина Т.Ю. Трэвел-медиа-текст: способы и приемы речепорождения: уч.-мет. пос. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет: Высшая школа журналистики и массовой коммуникации, 2013. 74 с.

146. Рушаков В.М. «Гость» как культурно-исторический феномен // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2013. № 11–12.

С. 172–174.

147. Русаков В.М. Homo viator – через призму его травелогов на рубеже XX–XXI вв. // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2013. № 13. С. 31–35.

148. Русаков В.М. Архетипические категории (концепты) в дискурсе травелога. // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2010. № 10. с. 209–210.

149. Русаков В.М. Дискурс травелога: словари и справочники как изречение неизреченного // Научно-практический альманах «Дискурс-Пи». 2008. № 8. С. 29–33.

150. Русаков В.М. Многообразие видов и жанров травелога // Научный журнал «Дискурс-Пи» / учредитель Уральское отделение РАН, Институт философии и права. Под ред. О.Ф. Русаковой. Екатеринбург, ИД «Дискурс-Пи», 2013, вып. 11–12. с. 304–306.

151. Русаков В.М. Пути в незнание: рационализация иррационального в дискурсе травелога // Дискурсология: Методология. Теория. Практика. Доклады Третьей международной научно-практической конференции. Том 1. Екатеринбург, 2008. с. 53–55.

152. Русаков В.М. Образ России в травелогe И.С. Тургенева «Записки охотника» // Образно-ментальный мир России: вчера, сегодня, завтра [Текст]: материалы II Междунар. науч. очно-заочной конф. / [отв. ред. В.В. Егоров]. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2014. С. 114–119.

153. Русаков В.М., Русакова О.Ф. Методология дискурс-исследования травелога // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2014. № 4 (17). С. 12–18.

154. Русакова О.Ф. Метафорика и концептосфера дискурса мобильности // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2013. № 13. С. 19–25.

155. Русакова О.Ф. Структурный дискурс-анализ статьи президента РФ В. Путина «75 лет Великой Победы: общая ответственность перед историей и будущим» // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2020. № 4 (41). С. 10–25.

156. Русакова О.Ф., Грибовод Е.Г. Персональный вклад уральских ученых в изучение политических дискурсов: структурно-тематический обзор // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2018. № 2 (31). С. 30–113.

157. Русакова О.Ф., Ишменев Е.В. Критический дискурс-анализ // Современные теории дискурса: мультидисциплинарный анализ. Серия «Дискурсология».

Вып. 1. Екатеринбург, 2006 . ИД «Дискурс-Пи». С. 39–54.

158. Русакова О.Ф., Русаков В.М. Дискурс постправды как медиатехнология политики постпамяти // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2019. № 2 (35). С. 10–27.

159. Русакова О.Ф., Русаков В.М. PR-дискурс: теоретико-методологический анализ. 2-е изд., испр. и доп. Екатеринбург: УрО РАН : ИД «Дискурс-Пи», 2011. 336 с.

160. Русакова О.Ф., Спасский А.Е. Дискурс как властный ресурс // Современная теория дискурса: мультидисциплинарный анализ. Сер.: «Дискурсология». Вып. 1. Екатеринбург: Издательский Дом «Дискурс-Пи», 2006. С. 151–164.

161. Русакова О.Ф. Перформативный поворот в современных гуманитарных исследованиях // Гуманитарная академическая наука Урала: приоритеты и перспективы исследовательского поиска: материалы Всероссийской научной конференции. 17–18 июня 2013 г. Екатеринбург: АМБ : РАН : УрО РАН : ИИиА : ИФиП, 2013. С. 66–74.

162. Русский травелог XVIII–XX веков: коллективная монография / под ред. Т.И. Печерской; Мин-во образования и науки РФ, Новосиб. гос. пед. ун-т. Новосибирск: Изд-во НГПУ. 2015. 656 с.

163. Русский травелог XVIII–XX веков: маршруты, топосы, жанры и нарративы: коллективная монография / под ред. Т.И. Печерской, Н.В. Константиновой; Министерство образования и науки РФ, Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2016. 462 с.

164. Слышкин Г.Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. М.: Академия, 2000. 125 с.

165. Современный дискурс-анализ: повестка дня, проблематика, перспективы: коллективная монография / под ред. Е.А. Кожемякина, А.В. Полонского. Белгород: ИД «Белгород», 2016. 244 с.

166. Соловьев В.И. Как я умер. Субъективный травелог. М.: Рипол Классик, 2007. 720 с.

167. Соловьева Н.В. Особенности пространственно-временной организации мифологической и сказочной картин мира // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 10 (64). Ч. 3. С. 48–54.

168. Социоанализ Пьера Бурдьё. Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института

социологии Российской Академии наук. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2001. 288 с.

169. Список маршей протеста на Вашингтон. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Список_маршей_протеста_на_Вашингтон.

170. Степанов С. Улада слабых и пресыщенных. Мифы и мифы трансперсональной психологии // Школьный психолог. 2001. № 39 (181). URL: http://psy.1september.ru/2001/39/4_5.htm.

171. Степанов Ю.С. Концепт // Константы: Словарь русской культуры: Изд. 3-е, испр. и доп. М.: Академический проект, 2004. С. 42–83.

172. Стоянов В.В. Концепт пути в лирике В. Высоцкого // Филология и лингвистика: проблемы и перспективы: материалы междунар. заоч. науч. конф. (г. Челябинск, июнь 2011 г.). / под общ. ред. Г.Д. Ахметовой. Челябинск: Два комсомольца, 2011. С. 55–58.

173. Талейран Ш.-М., Мемуары. М.: Издательство института международных отношений, 1959. 440 с. URL: <http://militera.lib.ru/memo/french/talleyrand/index.html>.

174. Тён А. ван Дейк. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации / пер. с англ. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. 344 с.

175. Технологические уроки выборов президента Франции для России. Сокращённая версия / Minchenko consulting. Май 2017. URL: http://minchenko.ru/netcat_files/userfiles/2/Dokumenty/Uroki_vyborov_prezidenta_Frantsii_dlya_Rossii.pdf.

176. Тимофеева И.Ю. Авантюризм в русской культуре конца XVII – первой четверти XIX века: специальность 24.00.01 «Теория и история культуры»: дис. ... канд. культурологических наук. Комсомольск-на-Амуре, 2005. 151 с. РГБ ОД, 61:06–24/16. URL: <http://lib.ua-ru.net/diss/cont/189323.html>.

177. Тихвинский С.Л. Путь Китая к объединению и независимости (1898–1949). М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1996. 574 с.

178. Топоров В.Н. Пространство и текст // Текст: семантика и структура / отв. ред. Т.В. Цивьян. М.: Наука, 1983. С. 272–284.

179. Топоров В.Н. Древо жизни // Мифы народов мира. Энциклопедия. В 2-х тт. / Гл. ред. С.А. Токарев. М.: «Советская

Энциклопедия», 1980. Т. 1. С. 396–398.

180. Топоров В.Н. Древо мировое // Мифы народов мира. Энциклопедия. В 2-х тт. / Гл. ред. С.А. Токарев. М.: «Советская Энциклопедия», 1980. Т. 1. С. 398–406.

181. Тороп П.Х. Хронотоп // Словарь терминологии тартусско-московской семиотической школы / сост. Я. Левченко; под рук. И.А. Чернова. URL: <http://slovar.lib.ru/dictionary/hronotor.htm>.

182. Ухтомский А.А. Доминанта. Статьи разных лет. 1887–1939. СПб.: Питер, 2002. 447 с.

183. Фаленкова Е.В. Феномен странничества в русской культуре: на материале творчества Л.Н. Толстого: дис. ... канд. филос. наук. Тюмень, 2013.

184. Франк С. Русские травелоги середины 1930-х годов // Беглые взгляды: Новое прочтение русских травелогов первой трети XX века: Сборник статей / перевод с немецкого Г.А. Тиме. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 180–211.

185. Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990. 366 с.

186. Фрейденберг О.М. Миф и литература Древности. М., Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 1998. 800 с.

187. Фуко Мишель. Археология изгнания / пер. с фр.; общ. ред. Бр. Левченко. К.: Ника-Центр, 1996. 208 с.

188. Фуко М. Ненормальные: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1974–1975 учебном году. СПб.: Наука, 2005. 432 с.

189. Чудова Наталия. Помериться хиршами, или о новом цивилизационном вызове // Русский репортер / Эксперт. URL: <http://rusrep.ru/article/2013/10/22/hyrsh>.

190. Шаршун С. Магический реализм / С. Шаршун // Числа. 1932, № 6. С. 229–232.

191. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса М.: ИТДГК «Гнозис», 2004. 326 с.

192. Шпак Г.В. Записки английских путешественников о России конца XVI – начала XVII века в контексте британской травелогографии // Диалог со временем. 2020. Вып. 70. С. 235–250. URL: https://roii.ru/publications/dialogue/article/70_16/shpak_g.v/english-travellers-notes-about-the-16th-17th-century-russia-in-the-context-of-british-travelography.

193. Шпак Г.В. Репрезентация образов времени

и пространства в европейском травелоге XVII–XVIII вв.: специальность 07.00.09 «Историография, источниковедение и методы исторического исследования»: дис. ... канд. истор. н. Москва, 2018. 161 с.

194. Шталь И.В. Цезарь, Гай Юлий // Краткая литературная энциклопедия / главный редактор А.А. Сурков. М.: Издательство «Советская энциклопедия», 1975. Т. 8. С. 381.

195. Шукин В.Г. О филологическом образе мира (философские заметки) // Вопросы философии. 2004. № 10. С. 47–64.

196. Эйнштейн А. Собрание научных трудов в четырех томах. Том 2. М.: Издательство Академии наук СССР, 1966. 879 с.

197. Элиаде М. Миф о вечном возвращении. Архетипы и повторяемость. СПб.: Алетейя, 1998. 249 с.

198. Эткинд А. Толкование путешествий. Россия и Америка в травелогах и интертекстах. М.: Новое литературное обозрение, 2001. 496 с.

199. Юлий Цезарь. Записки о галльской войне / Сайт «Библиотека Гумер». URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/cezar/.

200. Юнг К.-Г. Воспоминания, сны, размышления / перевод В. Поликарпов. Мн.: ООО «Харвест», 2003. 496 с.

201. Archetype // The New Encyclopedia Britannica. Chicago, 1990. V. 1. P. 529.

202. Atkinson G., Les relations des voyages du 18 siècle et révolution des idées, P., 1924.

203. Bagrow L. History of cartography. Chicago, 1985.

204. Blanton C. Travel Writing. The Self and the World [Text] / C. Blanton. New York: Twayne Publishers, 1997.

205. Burton Holmes, Extraordinary Traveler. URL: <http://www.burtonholmes.org>. Дата публикации: 08.12.1999.

206. Burton Holmes, the «Father of the Travelogue» / The Burton Holmes Archive. URL: <http://www.burtonholmesarchive.com/>.

207. Campbell J. The Hero with a thousand Faces. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1949.

208. Campbell J. The Masks of God. New York: Viking Press, 1968.

209. Chatwin Bruce. In Patagonia (1977). URL: <https://www.smithsonianmag.com/travel/the-top-ten-most-influential-travel-books-6072030/>.

210. Cocking B. *Travel Journalism / Journalism Studies*. 10:1. 2009.
211. De Fronzo J. *Revolutionary Movements in World History: From 1750 to the Present*. 3 vols. Santa Barbara, CA: ABC-CLIO, 2006. 1004 p.
212. Douglas Norman. *Siren Land* (1911). URL: <https://www.smithsonianmag.com/travel/the-top-ten-most-influential-travel-books-6072030/>.
213. Freya Stark, *The Valley of the Assassins* (1934) <https://www.smithsonianmag.com/travel/the-top-ten-most-influential-travel-books-6072030/>.
214. George D., Hindle C. *Travel Writing / D. George, C. Hindle*. London: Lonely Planet, 2005.
215. Goodwin J. *No Other Way Out: States and Revolutionary Movements, 1945–1991*. Cambridge: Cambridge University Press, 2001.
216. Hanusch F. Taking travel journalism seriously: Suggestions for scientific inquiry into a neglected genre // ANZCA09 Communication, Creativity and Global Citizenship: Refereed Proceedings: <http://anzca09.org>, 2009. URL: <https://www.researchgate.net/publication/228981499>.
217. Hanusch F. *The Dimensions of Travel Journalism / Journalism Studies*. 2010. 11:1. Pp. 68–82.
218. Harner M. *The Way of the Shaman*. New York, Harper & Row, 1980.
219. Herodotus, *Histories*. URL: <https://www.smithsonianmag.com/travel/the-top-ten-most-influential-travel-books-6072030/>.
220. Holmes Burton. *Burton Holmes Travelogues: The Greatest Traveler of His Time, 1892–1952* (Photo Books) / Genoa Caldwell (Editor), Benedikt Taschen (Director). September 1, 2006 . URL: <http://www.burtonholmesarchive.com/>.
221. Holmes Burton. *The Yellowstone National Park. The Grand Cañon of Arizona*. Mokiland. 1910. URL: <http://www.burtonholmes.org>.
222. Hudson W.H. *Afoot in England*. By W.H. Hudson. URL: <http://www.gutenberg.org/5/4/0/5406/>.
223. Ibn Battuta. *Travels in Asia and Africa 1325–1354*, tr. and ed. H.A.R. Gibb. London: Broadway House, 1929.
224. Kerouac Jack. *On the Road* (1957). URL: <https://www.smithsonianmag.com/travel/the-top-ten-most-influential-travel-books-6072030/>.

-
225. Leed E.J. *The Mind of the Traveler. From Gilgamesh to Global Tourism [Text]* / E.J. Leed. New York: Basic Books, 1991. 328 p.
226. Marco Polo, *The Travels of Marco Polo*. URL: <https://www.smithsonianmag.com/travel/the-top-ten-most-influential-travel-books-6072030/>.
227. Mayle Peter. *A Year in Provence (1989)*. URL: <https://www.smithsonianmag.com/travel/the-top-ten-most-influential-travel-books-6072030/>.
228. *On Travelogues // Old World Wandering*. URL: <http://www.oldworldwandering.com/on-the-travelogue/>.
229. Roan Jeanette. *Envisioning Asia: On Location, Travel, and the Cinematic Geography of U.S. Orientalism*. Published by: University of Michigan Press, 2010.
230. Santos C.A. Cultural politics in contemporary travel writing. *Annals of Tourism Research*. 33(3). 2006.
231. Simmons B.A. Saying the same old things: a contemporary travel discourse and the popular magazine text // *Tourism and Postcolonialism* / Eds – C. Michael Hall and Hazel Tucker. New York: Routledge, 2004. Pp. 43–56.
232. Stagl J. *A History of Curiosity: The Theory of Travel 1550–1800*. Chur. 1995. Pp. 49–94.
233. Sterne Laurence. *A Sentimental Journey Through France and Italy (1768)*. URL: <https://www.smithsonianmag.com/travel/the-top-ten-most-influential-travel-books-6072030/>.
234. *The Burton Holmes Lectures (2019)*. The Little. Creative Media Partners, LLC, 12 map. 2019 г. URL: www.burtonholmes.org.
235. *The Burton Holmes Lectures (1905)*. Volume 8. St. Petersburg, Moscow, Trans-Siberian Railway. McClure, Phillips & Co. New York. MCMV.
236. *The Cambridge History of English and American Literature in 18 Volumes (1907–21)*. Vol. 14. *The Victorian Age, Part Two // VII. The Literature of Travel, 1700–1900*. URL: <http://www.bartleby.com/224/0700.html>.
237. *The Encyclopedia of Political Revolutions* / Ed; J.A. Goldstone. Washington, DC: CQ Press, 1998. 580 p.
238. Tomson C. *Travel writing. The new critical idiom*. 2011. First edition published Rutledge.
239. Tony and Maureen Wheeler. *Across Asia on the Cheap (1973)*. URL: <https://www.smithsonianmag.com/travel/the-top-ten-most-influential-travel-books-6072030/>.

Фото-видео-источники

1. «Агония и экстаз»: гормонально заряженные фотографии юных влюблённых из 90-х / Камералабс. URL: <https://cameralabs.org/12465-agoniya-i-ekstaz-gormonalno-zaryazhennye-fotografii-yunykh-vlyubljonnykh-iz-90-kh>.
2. «Берлин»: уникальная фотокнига 1930-х годов, где реальность страннее вымысла / Камералабс. URL: <https://yandex.ru/turbo/cameralabs.org/s/aeon/fotokniga-berlin/album>.
3. Боги: как смакуют жизнь стриптизёрши и представители уличной культуры американского Юга / Камералабс. URL: <https://cameralabs.org/11126-bogi-kak-smakuyut-zhizn-striptizjorshi-i-predstaviteli-ulichnoj-kultury-amerikanskogo-yuga>. Дата публикации: 05.01.2017.
4. История в фотографиях: люди, времена и нравы / Камералабс. URL: <https://cameralabs.org/aeon/aeonself/fotoarhiv/kairos/novoe>.
5. «Порнографический шик» Хельмута Ньютона в цвете / Камералабс. URL: https://yandex.ru/turbo/cameralabs.org/s/10632-pornograficheskij-shik-khelmuta-nyutona-v-tsvete?utm_source=turbo_turbo.
6. Тайна женственности в эротичных фотографиях Эллен фон Унверт / Камералабс. URL: https://yandex.ru/turbo/cameralabs.org/s/9160-tajna-zhenstvennosti-v-erotichnykh-fotografiyakh-ellen-fon-unvert?utm_source=turbo_turbo.
7. Уильям Кляйн: Москва, Рим, Токио и другие города в снимках легендарного уличного фотографа / Камералабс. URL: <https://cameralabs.org/aeon/fotograf-william-klein/album>.
8. Фотограф Боб Карлос Кларк – «британский ответ Хельмуту Ньютону» / Камералабс. URL: https://yandex.ru/turbo/cameralabs.org/s/10671-fotograf-bob-karlos-klark-britanskij-otvet-khelmutu-nyutonu?utm_source=turbo_turbo.
9. Фотограф посетил все бордели Невады. Вот какие они на самом деле / Камералабс. URL: <https://cameralabs.org/9351-fotograf-posetil-vse-bordeli-nevady-vot-kakie-oni-na-samom-dele>.
10. Journal of tourism history / Informa UK Limited. URL: <http://www.tandf.co.uk/journals/1755-182x>.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Ольга Фредовна Русакова – доктор политических наук, профессор, зав. отделом философии Института философии и права УрО РАН, главный выпускающий редактор Научного журнала «Дискурс-Пи».

Сфера научных исследований: теория дискурса, методология дискурс-анализа, политическая философия, политическая коммуникативистика, медиадискурс, медиатизация политики, теория «мягкой силы» (soft power), теория и дискурс политики памяти, парадигма мобильности, теоретико-методологический анализ травелога.

Общее количество публикаций по данным РИНЦ – 226.

Автор монографий: «Философия и методология истории в XX веке: школы, проблемы, идеи» (2000), «Радикализм в России и современном мире» (2001), «PR-дискурс: теоретико-методологический анализ» (в соавторстве с В.М. Русаковым, 2008), «Современная политическая философия: предмет, концепты, дискурс» (2012), «Soft power: теория, ресурсы, дискурс» (ред., 2015) и др.

Участник конгрессов РАПН, член Президиума Российского философского общества, руководитель региональной организации РФО, организатор международных конференций «Soft power: теория, ресурсы, дискурс» (2014 и 2017), всероссийских конференций «Мобильность как измерение мягкой силы»: теория, практика, дискурс» (2019), «Политика национальной памяти: теория, практика, дискурс», посвященная 75-летию Великой Победы (2020).

Русаков Василий Матвеевич – доктор философских наук, профессор кафедры политических наук Уральского федерального университета имени Б.Н. Ельцина.

Сфера научных интересов – история философии, методология научного познания, методология дискурс-исследований.

Автор 123 научных работ, в том числе монографии «Второе крушение Царства Разума: проблема рационального и иррационального в современной философии» (1998), соавтор коллективных монографий «Вопросы философии и психологии» – первый русский философский журнал (1889–1918)» (2001, в соавт. с Б. Емельяновым и Р. Шляпугиной), «Пространство и идеи русской философии» (2007,

в соавт. с Б. Емельяновым), «PR-дискурс: теоретико-методологический анализ» (2008, в соавторстве с О. Русаковой), «Soft power: Теория, ресурсы, дискурс» (2015, под ред. О. Русаковой).

Член редколлегии научных журналов «Дискурс-Пи», «Pensamiento. Papeles de filosofia» (Толука, Мексика).

Член Российского философского общества, член Российской ассоциации политической науки.

Научное издание

Русакова Ольга Фредовна
Русаков Василий Матвеевич

**Травелог:
Теоретико-методологический анализ**

Корректор: Г.В. Русаков
Компьютерная верстка: ГЕО
Дизайн обложки В.В. Русаков

Подписано в печать 11.05.2021 г. Формат 60x84^{1/16}.
Бумага для офисной техники. Печать цифровая.
Усл.-печ. л. 15,46. Тираж 500 экз. Заказ № 2108267.

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук
620108, г. Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16.

Издательский Дом «Дискурс-Пи»
620075, г. Екатеринбург, ул. Малышева, 76, кв. 8
Тел.: +7 902 870-86-06, e-mail: info@discourse-p.ru

Отпечатано в типографии «Малахит»
620014, г. Екатеринбург, ул. Шейнкмана, 7

ISBN 978-5-98728-049-2

9 785987 280492